

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ
ВОЙНЕ

Гай Юлий Цезарь
Записки о Галльской войне

«Public Domain»

58-50 гг. до н. э.

Цезарь Г.

Записки о Галльской войне / Г. Цезарь — «Public Domain»,
58-50 гг. до н. э.

Записки Гая Юлия Цезаря (100-44 гг. до н.э.), величайшего полководца и государственного деятеля, - это не только замечательный источник по истории политических отношений античной эпохи, но и произведение, которое можно отнести и к документальной хронике, и к мемуарам, и к военной прозе.

Содержание

Книга первая	12
Содержание	12
I	13
II	14
III	15
IV	16
V	17
VI	18
VII	20
VIII	21
IX	22
X	23
XI	24
XII	25
XIII	26
XIV	27
XV	28
XVI	29
XVII	30
XVIII	31
XIX	32
XX	33
XXI	34
XXII	35
XXIII	36
XXIV	37
XXV	38
XXVI	39
XXVII	40
XXVIII	41
XXIX	42
XXX	43
XXXI	44
XXXII	45
XXXIII	46
XXXIV	47
XXXV	48
XXXVI	49
XXXVII	50
XXXVIII	51
XXXIX	52
XL	53
XLI	54
XLII	55
XLIII	56
XLIV	57

XLV	58
XLVI	59
XLVII	60
XLVIII	61
XLIX	62
L	63
LI	64
LII	65
LIII	66
LIV	67
Книга вторая	68
Содержание	68
I	69
II	70
III	71
IV	72
V	74
VI	75
VII	76
VIII	77
IX	78
X	79
XI	80
XII	81
XIII	82
XIV	83
XV	84
XVI	85
XVII	86
XVIII	87
XIX	88
XX	89
XXI	90
XXII	91
XXIII	92
XIV	93
XXV	94
XXVI	95
XXVII	96
XXVIII	97
XXIX	98
XXX	99
XXXI	100
XXXII	101
XXXIII	102
XXXIV	103
XXXV	104
Книга третья	105
Содержание	105

I	106
II	107
III	108
IV	109
V	110
VI	111
VII	112
VIII	113
IX	114
X	116
XI	117
XII	118
XIII	119
XIV	120
XV	121
XVI	122
XVII	123
XVIII	124
XIX	125
XX	126
XXI	127
XXII	128
XXIII	129
XXIV	130
XXV	131
XXVI	132
XXVII	133
XXVIII	134
XXIX	135
Книга четвертая	136
Содержание	136
I	137
II	138
III	139
IV	140
V	141
VI	142
VII	143
VIII	144
IX	145
X	146
XI	147
XII	148
XIII	149
XIV	150
XV	151
XVI	152
XVII	153
XVIII	154

XIX	155
XX	156
XXI	157
XXII	158
XXIII	159
XXIV	161
XXV	162
XXVI	163
XXVII	164
XXVIII	165
XXIX	166
XXX	167
XXXI	168
XXXII	169
XXXIII	170
XXXIV	171
XXXV	172
XXXVI	173
XXXVII	174
XXXVIII	175
Книга пятая	176
Содержание	176
I	177
II	178
III	179
IV	180
V	181
VI	182
VII	183
VIII	184
IX	185
X	186
XI	187
XII	188
XIII	189
XIV	190
XV	191
XVI	192
XVII	193
XVIII	194
XIX	195
XX	196
XXI	197
XXII	198
XXIII	199
XXIV	200
XXV	201
XXVI	202
XXVII	203

XXVIII	204
XXIX	205
XXX	206
XXXI	207
XXXII	208
XXXIII	209
XXXIV	210
XXXV	211
XXXVI	212
XXXVII	213
XXXVIII	214
XXXIX	215
XL	217
XLI	218
XLII	219
XLIII	220
XLIV	221
XLV	222
XLVI	223
XLVII	224
XLVIII	225
XLIX	226
L	227
LI	228
LII	229
LIII	230
LIV	231
LV	232
LVI	233
LVII	234
LVIII	235
Книга шестая	236
Содержание	236
I	237
II	238
III	239
IV	240
V	241
VI	242
VII	243
VIII	244
IX	245
X	246
XI	247
XII	248
XIII	249
XIV	250
XV	251
XVI	252

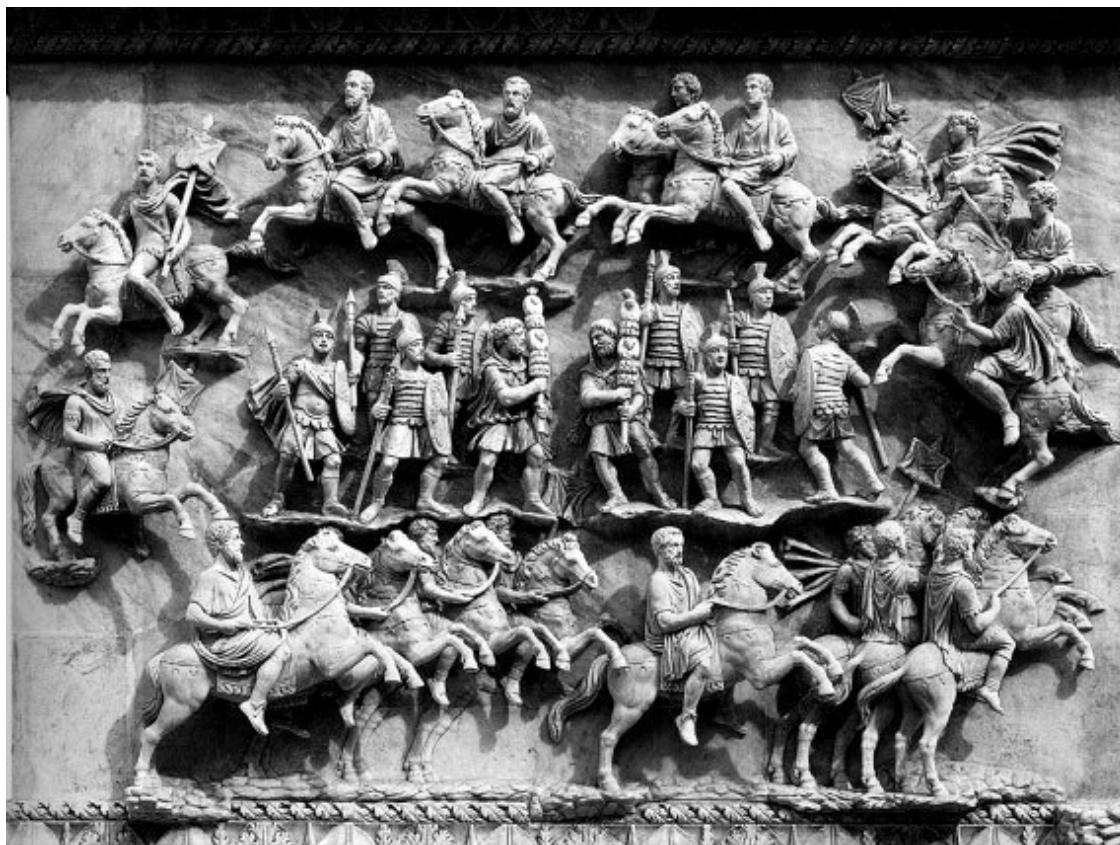
XVII	253
XVIII	254
XIX	255
XX	256
XXI	257
XXII	258
XXIII	259
XXIV	260
XXV	261
XXVI	262
XXVII	263
XXVIII	264
XXIX	265
XXX	266
XXXI	267
XXXII	268
XXXIII	269
XXXIV	271
XXXV	272
XXXVI	273
XXXVII	274
XXXVIII	275
XXXIX	276
XL	277
XLI	278
XLII	279
XLIII	280
XLIV	281
Книга седьмая	282
Содержание	282
I	283
II	284
III	285
IV	286
V	287
VI	288
VII	289
VIII	290
IX	291
X	292
XI	293
XII	294
XIII	295
XIV	296
XV	297
XVI	298
XVII	299
XVIII	300
XIX	301

XX	302
XXI	303
XXII	304
XXIII	305
XXIV	306
XXV	307
XXVI	308
XXVII	309
XXVIII	310
XXIX	311
XXX	312
XXXI	313
XXXII	314
XXXIII	315
XXXIV	316
XXXV	318
XXXVI	319
XXXVII	320
XXXVIII	321
XXXIX	322
XL	323
XLI	324
XLII	325
XLIII	326
XLIV	327
XLV	328
XLVI	329
XLVII	330
XLVIII	331
XLIX	332
L	333
LI	334
LII	335
LIII	336
LIV	337
LV	338
LVI	339
LVII	340
LVIII	341
LIX	342
LX	343
LXI	344
LXII	345
LXIII	346
LXIV	347
LXV	348
LXVI	349
LXVII	350
LXVIII	351

LXIX	352
LXX	353
LXXI	354
LXXII	355
LXXIII	356
LXXIV	357
LXXV	358
LXXVI	359
LXXVII	360
LXXVIII	361
LXXIX	362
LXXX	363
LXXXI	364
LXXXII	365
LXXXIII	366
LXXXIV	367
LXXXV	368
LXXXVI	369
LXXXVII	370
LXXXVIII	371
LXXXIX	372
Приложение	373
§ 1 Организация войска. Оружие и амуниция	373
§ 2 Войско на походе	377
§ 3 Войско в лагере	379
§ 4 Войско в бою	381
§ 5 Крепостная война	383

Гай Юлий Цезарь Записки о Галльской войне

Книга первая

Содержание

География Галлии (гл. 1).

Поход против гельветов (гл. 2–29).

Поход против Ариовиста (гл. 30–54)

I

Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги¹, в другой – аквитаны², в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами³. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов – Матрона и Секвана. Самые храбрые из них – бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы⁴ превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов⁵ и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

¹ Бельги (Belgae) – группа племен, занимавшая третью часть Галлии.

² Аквитаны (Aquitani) – жители Аквитании (Aquitania), самой южной из трех главных частей Галлии между Пиренеями и Гаронной и океаном.

³ Галлы (Galli) – жители Галлии.

⁴ Гельветы (Helvetii) – галльское племя между Женевским озером и Рейном.

⁵ Секваны (Sequani) – крупное племя в Кельтской Галлии между Араром и Юрой.

II

У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Мессалы и М. Писона, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой – очень высоким хребтом Юрой – между секванами и гельветами, с третьей – Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинственные, они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

III

Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, скупить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул друга римского народа, захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуа Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов.

IV

Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами они заставили Оргеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Оргеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Оргеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

V

После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города числом до двенадцати, села числом около четырехсот и, сверх того, все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, – с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей – рауриков⁶, тулингов⁷ и латовиков⁸ – сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев⁹, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею.

⁶ Раурики (Raurici) – племя в Кельтской Галии, по соседству с гельветами, где был впоследствии город Augusta Rauricorum, н. August у Базеля.

⁷ Тулинги (Tulingi) – германское племя, соседи гельветов.

⁸ Латовики (Latovici) – германское племя, соседи гельветов.

⁹ Бои (Boi) – кельтское племя соседи гельветов, с городом Горгобиной.

VI

Было вообще два пути, по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный – через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как между гельветами и недавно покоренными аллоброгами¹⁰ течет река Родан, в некоторых местах проходима вброд. Самый дальний от нас город аллоброгов в ближайшем соседстве с гельветами – Генава. Из этого города идет мост в страну гельветов. Они были уверены в том, что либо уговорят все еще не примирившихся с римской властью аллоброгов, или же заставят силой дать свободный проход через их землю. Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских Календ, в год консульства Л. Писона и А. Габивия.

¹⁰ Аллоброги (Allobroges) – кельтское племя, жившее между Роной, Изерой, Женевским озером и Альпами, в теперешнем Дофине и Савойе. Главный город их – Виенна, н. Виенне.

VII

При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклетий. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо, то он не считал возможным согласиться на их проход: он понимал, что люди, враждебно настроенные, в случае разрешения пройти через Провинцию не воздержатся от причинения вреда и насилий. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать; если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

VIII

Тем временем, при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родан, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров. По окончании этих сооружений он расставил вдоль их посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотках, отчасти вброд, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказаться от их попыток.

IX

Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гельветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг, благодаря своему личному авторитету и щедрости, имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гельветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно больше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий.

Х

Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдуев в страну сантонов¹¹, лежащую недалеко от области толосатов¹², которая находится уже в Провинции. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебородной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабиена, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кеутроны¹³, грайокелы¹⁴ и катуриги¹⁵, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг – от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела – области воконтиев¹⁶ в Дальней Провинции. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов, а от них к сегузиавам. Это – первое племя за Роданом вне Провинции.

¹¹ Сантоны (Santoni) – приморское племя Кельтской Галлии к северу от Гарумны, н. Saintes.

¹² Толосаты (Tolosates) – жители Толосы (Tolosa), города в Провинции (вольков-тектосагов) на Гаронне.

¹³ Кеутроны (Ceutrones): а) галльское альпийское племя в Провинции, в теперешнем *département* Savoie; б) бельгийское племя, клиенты нервиев, жившие по левому берегу Шельды.

¹⁴ Грайокелы (Graioceli) – племя в Провинции Галлии около Mont-Cenis с городом Окелом (Ocelum).

¹⁵ Катуриги (Caturiges) – галльское племя в Провинции, имя которого еще сохранилось за современным местечком Chorges, *département* Hautes Alpes в бывшей провинции Le Dauphiné.

¹⁶ Воконтии (Vocontii) – кельтское племя в Провинции между Роной и Изерой.

XI

Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: эдуи, говорили послы, *при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать – почти что на глазах римского войска! – опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов.* Единоновременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры¹⁷ известили Цезаря, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. И аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них осталась лишь голая земля. Все это привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

¹⁷ Амбарры (Ambarri) – небольшое кельтское племя между Соной и Роной.

XII

По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арар. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельветы переправлялись через нее на плотках и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Арара, он выступил из лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах. Этот паг назывался Тигуринским (надо сказать, что весь народ гельветский делится на четыре пага). Это и есть единственный паг, который некогда на памяти отцов ваших выступил из своей земли, убил консула Л. Кассия и его армию провел под ярмо. Таким образом, произошло ли это случайно или промыслом бессмертных богов, во всяком случае, та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Писона, деда Цезарева тестя Л. Писона.

XIII

Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Араре мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение поразило гельветов, так как они увидели, что он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в двадцать дней. Поэтому они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: *если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научились тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии.*

XIV

Цезарь дал им такой ответ: *он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое ссылались гельветские послы, и тем более им огорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы римляне сознавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным. Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменой судьбы было тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдуев за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллоброгов, то он согласен на мир с ними. Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и не давать их; этому сам римский народ свидетель. С ЭТИМ ОТВЕТОМ ОН УДАЛИЛСЯ.*

XV

На следующий день они снялись отсюда с лагеря. Цезарь сделал то же самое и для наблюдения над маршрутом неприятелей выслал вперед всю конницу, числом около четырех тысяч человек, которых он набрал во всей Провинции, а также у эдуев и их союзников. Всадники, увлекшись преследованием арьергарда, завязали на невыгодной позиции сражение с гельветской конницей, в котором потеряли несколько человек убитыми. Так как гельветы всего только с пятьюстами всадников отбросили такую многочисленную конницу, то это сражение подняло в них дух, и они стали по временам смелее давать отпор и беспокоить наших нападениями своего арьергарда. Но Цезарь удерживал своих солдат от сражения и пока ограничивался тем, что не давал врагу грабить и добывать фураж. И вот обе стороны двигались около пятнадцати дней так, что расстояние между неприятельским арьергардом и нашим авангардом было не больше пяти или шести миль.

XVI

Между тем Цезарь каждый день требовал от эдуев хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата, не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гельветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду. Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдуев вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что, когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают, а между тем он решился на эту войну главным образом по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

XVII

Только тогда, после речи Цезаря, Лиск высказал то, о чем раньше молчал. Есть известные люди, говорил он, очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба; раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдуев так же, как и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.

XVIII

Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака, но, не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глазу на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откуп пошлины и все остальные государственные доходы эдуев за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился, и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуригов¹⁸, сам взял себе жену из племени гельветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гельветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиаку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гельветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуями Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице.

¹⁸ Битуриги (Bituriges Cubi) – племя в Кельтской Галлии по соседству с эдуями, н. Вергу.

XIX

Эти сообщения давали Цезарю достаточное основание покарать его или самолично, или судом его сограждан, так как к указанным подозрениям присоединялись вполне определенные факты, именно, что он перевел гелветов через страну секванов, устроил между ними обмен заложниками, что он все это сделал не только против воли Цезаря и своего племени, но даже без их ведома и что, наконец, в этом его обвиняет представитель высшей власти у эдуев. Но было одно серьезное препятствие. Цезарь знал, что брат Думнорига Дивитиак отличается великой преданностью римскому народу и расположением лично к нему и что это – человек в высшей степени верный, справедливый и разумный: его-то и боялся Цезарь обидеть казнью Думнорига. Поэтому прежде, чем принять какие-либо меры, он приказал позвать к себе Дивитиака, удалил обычных переводчиков и повел с ним беседу при посредстве своего друга Г. Валерия Троукилла, видного человека из Провинции Галлии, к которому питал полное доверие. Цезарь, между прочим, напомнил о том, что на собрании галлов в его присутствии было сказано о Думнориге; затем сообщил ему о том, что сказали ему другие, каждый в отдельности, в разговоре с глазу на глаз. При этом он убедительно просил Дивитиака не считать себя оскорбленным, если он сам по расследовании дела поставит приговор о Думнориге или предложит это сделать общине эдуев.

XX

Дивитиак, обливаясь слезами, обнял [колена] Цезаря и начал умолять его не принимать слишком суровых мер против его брата: *он знает, что все это правда, и никто этим так не огорчен, как он: ведь его брат возвысился только благодаря ему в то время, когда он сам пользовался большим влиянием у себя на родине и в остальной Галлии, а тот по своей молодости не имел почти никакого значения. Но все свои средства и силы брат употребляет не только для уменьшения его влияния, но, можно сказать, для его гибели. И все-таки, помимо своей любви к брату, ему приходится считаться и с общественным мнением. Если Цезарь слишком сурово накажет Думнорига, то все будут уверены, что это произошло не без согласия Дивитиака, который состоит в числе самых близких его друзей; а в результате от него отвернется вся Галлия.* В ответ на эту красноречивую просьбу, сопровождавшуюся обильными слезами, Цезарь взял его за руку, утешил и просил прекратить свое ходатайство, уверяя Дивитиака, что он так им дорожит, что во внимание к его желанию и просьбе готов простить Думноригу измену римскому народу и свое личное оскорбление. Затем он зовет к себе Думнорига и в присутствии брата ставит ему на вид все, что он в нем порицает, все, что замечает за ним сам и на что жалуются его сограждане; на будущее время советует избегать всяких поводов к подозрению, а прошлое извиняет ради его брата Дивитиака. К Думноригу он приставил стражу, чтобы знать все, что он делает и с кем разговаривает.

XXI

В тот же день, узнав от разведчиков, что враги остановились у подошвы горы в восьми милях от его лагеря, он послал на разведку, какова эта гора и каков подъем на нее с разных сторон. Ему сообщили, что легкий. Тогда он приказал легату с правами претора Т. Лабиену подняться в третью стражу на самую вершину горы с двумя легионами и с такими проводниками, которые хорошо знают путь; вместе с тем он познакомил его со своим общим планом действия. А сам в четвертую стражу двинулся на врагов тем же путем, каким они шли, и выслал вперед себя всю конницу. Вместе с разведчиками был послан вперед П. Консидий, который считался знатоком военного дела и в свое время служил в войске Л. Суллы, а впоследствии у М. Красса.

XXII

На рассвете Лабиден уже занял вершину горы, а сам Цезарь был от неприятельского лагеря не более как в полутора милях; причем враги, как он потом узнал от пленных, пока еще не знали ни о его приходе, ни о приходе Лабидена. В это время во весь опор прискакал Консидий с известием, что гора, которую он поручил занять Лабидену, находится в руках врагов: это он будто бы узнал по галльскому оружию и украшениям. Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выстроил их в боевом порядке. Лабиден помнил приказ Цезаря не начинать сражения, пока не увидит его собственного войска вблизи неприятельского лагеря, чтобы атаковать врага одновременно со всех сторон, и потому, по занятии горы, поджидал наших и воздерживался от боя. Уже среди белого дня Цезарь узнал от разведчиков, что гора занята римлянами и что гелветы снялись с лагеря, а Консидий со страха сообщил, будто бы видел то, чего на самом деле не видел. В этот день Цезарь пошел за врагами в обычном от них расстоянии и разбил свой лагерь в трех милях от их лагеря.

XXIII

До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня, и так как Цезарь находился не более чем в восемнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провиантом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гельветов, направившись к Бибракте. Об этом было сообщено неприятелям через беглых рабов декуриона галльской конницы Л. Эмилия. Может быть, гельветы вообразили, что римляне уходят от них из страха, тем более что накануне, несмотря на захват возвышенностей, они не завязали сражения; но может быть, у них появилась уверенность, что римлян можно отрезать от хлеба. Во всяком случае, они изменили свой план, повернули назад и начали наседать на наш арьергард и беспокоить его.

XXIV

Заметив это, Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выслал конницу, чтобы сдерживать нападения врагов. Тем временем сам он построил в три линии на середине склона свои четыре старых легиона, а на вершине холма поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, а также все вспомогательные отряды, заняв таким образом всю гору людьми, а багаж он приказал снести тем временем в одно место и прикрыть его полевыми укреплениями, которые должны были построить войска, стоявшие наверху. Последовавшие за ним вместе со своими телегами гелветы также направили свой обоз в одно место, а сами отбросили атакой своих тесно сомкнутых рядов нашу конницу и, построившись фалангой, пошли в гору на нашу первую линию.

XXV

Цезарь приказал прежде всего увести своего коня, а затем и лошадей всех остальных командиров, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды на бегство; ободрив после этого солдат, он начал сражение. Так как солдаты пускали свои тяжелые копья сверху, то они без труда пробивали неприятельскую фалангу, а затем обнажили мечи и бросились в атаку. Большой помехой в бою для галлов было то, что римские копья иногда одним ударом пробивали несколько щитов сразу и таким образом пригвождали их друг к другу, а когда острие загибалось, то его нельзя было вытащить, и бойцы не могли с удобством сражаться, так как движения левой рукой были затруднены; в конце концов многие, долго тряся рукой, предпочитали бросать щит и сражаться, имея все тело открытым. Сильно израненные, они наконец начали подаваться и отходить на ближайшую гору, которая была от них на расстоянии около одной мили, и ее заняли.

Когда к ней стали подступать наши, то бои и тулинги, замыкавшие и прикрывавшие в количестве около пятнадцати тысяч человек неприятельский арьергард, тут же на походе зашли нашим в незащищенный фланг и напали на них. Когда это заметили те гельветы, которые уже отступили на гору, то они стали снова наседать на наших и пытаться возобновить бой. Римляне сделали поворот и пошли на них в два фронта: первая и вторая линии обратились против побежденных и отброшенных гельветов, а третья стала задерживать только что напавших тулингов¹⁹ и боев.

¹⁹ Тулинги (Tulingi) – германское племя, соседи гельветов.

XXVI

Таким образом долго и горячо сражались на два фронта. Но когда наконец враги оказались не в состоянии выдерживать наши атаки, то одни из них отступили на гору, как это было и сначала, а другие обратились к своему обозу и повозкам; в продолжение всего этого сражения, хотя оно шло от седьмого часа до вечера, никто из врагов не показал нам тыла. До глубокой ночи шел бой также и у обоза, так как галлы выставили наподобие вала телеги и с них отвечали на наши атаки обстрелом, причем некоторые из них, расположившись между повозками и телегами, бросали оттуда свои легкие копья и ранили наших. Но после долгого сражения наши овладели и обозом, и лагерем. Тут были взяты в плен дочь и один из сыновей Оргеторига. От этого сражения уцелело около ста тридцати тысяч человек, и они шли всю ночь без перерыва; нигде не останавливаясь ни днем, ни ночью, они на четвертый день дошли до области лингонов²⁰, так как наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их преследовать. Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать гельветам ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами. Затем сам он по истечении трех дней двинулся со всем своим войском в погоню за ними.

²⁰ Лингоны (Lingones) – племя в Кельтской Галлии (ср. н. Langres).

XXVII

Доведенные таким образом до полной крайности, гельветы отправили к Цезарю послов с предложением сдачи. Они встретились с ним на походе, бросились к его ногам и со слезами покорно молили о мире. Он приказал им ждать его прихода на том месте, где они теперь находятся. Они повиновались. Прибыв туда, Цезарь потребовал от них заложников, а также выдачи оружия и перебежавших к ним рабов. Пока все это разыскивали и собирали в одно место, наступила ночь, и около шести тысяч человек из так называемого Вербигенского пага в самом же начале ночи оставили гельветский лагерь и направились к Рейну и в страну германцев, может быть, из страха, что по выдаче оружия их перебьют, а может быть, в надежде на спасение, так как при очень большой массе сдававшихся их бегство могло бы быть скрыто или даже совсем остаться незамеченным.

XXVIII

Как только Цезарь узнал об этом, он приказал тем племенам, через страну которых они шли, разыскать их и вернуть назад, если они желают перед ним оправдаться. С возвращенными он поступил как с врагами, а сдачу всех остальных принял по выдаче заложников, оружия и перебежчиков. Гельветам, тулингам и латовикам он велел вернуться на их покинутую родину, а так как по уничтожении всего урожая им дома нечего было есть, то приказал аллоброгам дать им нужный запас провианта; сожженные ими города и села они должны были отстроить сами. Это он сделал главным образом из нежелания, чтобы покинутая гельветами страна оставалась пустой; иначе вследствие доброкачественности почвы могли бы переселиться в страну гельветов зарейнские германцы и, таким образом, сделались бы соседями Галльской Провинции и аллоброгов. На просьбу эдуев поселить в их стране известных своей выдающейся храбростью боев он изъявил согласие. Они отвели им землю и впоследствии приняли их в свою общину, дав им те же права и свободу, какими пользовались сами.

XXIX

В лагере гельветов были найдены и доставлены Цезарю списки, написанные греческими буквами. В них были поименно подсчитаны все вообще выселившиеся и отдельно указано число способных носить оружие, а также детей, стариков и женщин. В итоге оказалось: гельветов двести шестьдесят три тысячи, тулингов тридцать шесть тысяч, латовиков четырнадцать тысяч, рауриков двадцать три тысячи, боев тридцать две тысячи; из них около девяноста двух тысяч способных носить оружие. А в общем итоге – триста шестьдесят восемь тысяч. Число вернувшихся домой, по переписи, произведенной по приказу Цезаря, оказалось сто десять тысяч.

XXX

По окончании войны с гельветами к Цезарю явились с поздравлениями, в качестве представителей почти всей Галлии, князья общин. *Хотя он, говорили они, войной покарал гельветов за старые обиды, причиненные ими римскому народу, но они понимают, что такой исход столько же полезен для галльской земли, сколько для римского народа, так как гельветы, жившие у себя на родине в полном благополучии, покинули ее только с тем намерением, чтобы открыть войну против всей Галлии и подчинить ее своей власти, а затем из многих доставшихся им галльских областей выбрать себе для жительства самую удобную и плодородную и все остальные племена сделать своими данниками.* Вместе с тем они просили у Цезаря разрешения и согласия на созыв к определенному дню представителей всей Галлии: *по некоторым вопросам они желали бы, согласно с общим решением этого собрания, обратиться к нему с просьбой.* Получив это позволение, они установили день для собрания и обязались взаимной клятвой, что никто, за исключением лиц, на то официально уполномоченных, не будет разглашать постановлений собрания.

XXXI

Когда это собрание разошлось, то те же князья общин, которые перед этим были у Цезаря, вернулись к нему и попросили у него позволения переговорить с ним о существенных интересах не только своих личных, но и всей Галлии. Получив это разрешение, они все со слезами бросились перед Цезарем на колени и сказали, что они столь же настойчиво стремятся к сохранению в тайне своих сообщений, как к исполнению своих желаний, потому что в случае разглашения тайны им, несомненно, предстоит мучительнейшая смерть. Тогда от лица их взял слово эдуй Дивитиак. *Вся Галлия, говорил он, распадается на две партии: во главе одной стоят эдуи, во главе другой – арверны*²¹. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство, и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли через Рейн сначала в количестве около пятнадцати тысяч человек; но когда этим грубым варварам полюбили галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь в Галлии их уже около ста двадцати тысяч человек. Эдуи и их клиенты неоднократно вели с ними вооруженную борьбу, но в конце концов потерпели тяжкое поражение и лишились всей знати, всего сената и всей конницы. Эдуи, когда-то самые могущественные во всей Галлии благодаря своей храбрости, а также узам гостеприимства и дружбы с римским народом, были сломлены этими роковыми сражениями и вынуждены были дать в заложники секванам своих знатнейших граждан, а кроме того, обязать свою общину клятвой – никогда не требовать назад заложников, не молить римский народ о помощи и не отказывать в полном и неизменном повиновении их неограниченной власти. Он, Дивитиак, оказался единственным человеком во всей общине эдуев, которого не удалось принудить ни к этой клятве, ни к выдаче детей своих в заложники. Поэтому он бежал из своей общины и прибыл в Рим просить сенат о помощи, так как он один не связан ни клятвой, ни заложниками. Впрочем, с победителями секванами случилось нечто худшее, чем с побежденными эдуями: в их стране утвердился германский царь Ариовист, занял треть земли секванов, самой лучшей во всей Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло двадцать четыре тысячи гарудов²², которым должна быть предоставлена земля для поселения. Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей страны и все германцы перейдут через Рейн, ибо нельзя и сравнивать галльскую землю с германской, равно как и галльский образ жизни с германским. Ариовист со времени своей победы над галльскими войсками при Магетобриге властвует высокомерно и жестоко, он требует в заложники детей самых знатных граждан и подвергает их для примера жесточайшим наказаниям, если что-либо делается не по его повелению и воле. Это – человек дикий, вспыльчивый и вздорный: его деспотизма они выносить дальше не могут. Если они не найдут помощи у Цезаря или у римского народа, то всем галлам придется последовать примеру гельветов, именно – покинуть родной дом, искать себе другой земли, другого местожительства подальше от германцев и испытать все, что выпадет на их долю. Если все это будет сообщено Ариовисту, то он, несомненно, подвергнет жесточайшей казни всех находящихся у него заложников. Только Цезарь своим личным авторитетом, внушительным войском, недавней победой и самим именем римского народа может остановить германцев от переселения в еще большем количестве за Рейн и защитить всю Галлию от обид со стороны Ариовиста.

²¹ Арверны (Arverni) – могущественное племя в Кельтской Галлии по реке Элаверу с главным городом Герговией, в графстве Оверни (départ. Puy-de-Dôme).

²² Гаруды (Harudes) – германское племя, жившее между Рейном, Майном и Дунаем.

XXXII

После этой речи Дивитиака все присутствующие с громким плачем стали просить Цезаря о помощи. Цезарь заметил, что только секваны не делают того, что другие, но с опущенной головой печально смотрят в землю. Он с удивлением спросил их о причине такого поведения. Секваны ничего не отвечали, но продолжали молчать и оставались печальными, как прежде. Он несколько раз повторил свой вопрос, но так и не добился от них ни звука. Тогда тот же эдуй Дивитиак ответил: судьба секванов тем печальнее и тяжелее положения остальных галлов, что они даже тайно не смеют жаловаться и молить о помощи: Ариовист страшен для них своей жестокостью даже заочно, как если бы он сам был перед ними. Ведь все остальные имеют возможность хоть бежать, секванам же придется претерпеть всякие мучения, так как они приняли Ариовиста в свою страну и все их города находятся в его власти.

XXXIII

После этих сообщений Цезарь ободрил галлов и обещал позаботиться об этом деле: *он питает, говорил он, большие надежды на то, что Ариовист благодаря услугам и авторитету его, Цезаря, прекратит свои обиды.* С этими словами он распустил собрание. Но и помимо того многие другие соображения побуждали его подумать об этом деле и взять его на себя: прежде всего, он видел, что эдуи, которые неоднократно получали от нашего сената титул единокровных братьев римского народа, состоят в рабстве и в полном подчинении у германцев и их заложники находятся в руках Ариовиста и секванов; а это, при величии власти римского народа, он считал величайшим позором для себя и для государства. Далее он понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся – по примеру кимбров²³ и тевтонов²⁴ – от перехода в Провинцию и оттуда в Италию, тем более что секванов отделяет от нашей Провинции только река Родан. Все это, по мнению Цезаря, необходимо было как можно скорее предупредить. Но и сам Ариовист успел проникнуться таким высокомерием и наглостью, что долее терпеть такое его поведение не представлялось возможным.

²³ Кимбры (Сimbri) – германское племя, жившее в Северной Ютландии. В 113 г. до н. э. вместе с тевтонами двинулись на юг и опустошили Галлию.

²⁴ Тевтоны (Teutoni) – германское (или, может быть, кельтское) племя.

XXXIV

Поэтому Цезарь решил отправить к Ариовисту послов с требованием выбрать какое-либо место, одинаково от них обоих удаленное, для переговоров, которые он желает вести с ним о делах государственных и по вопросам, очень важным для них обоих лично. Этому посольству Ариовист ответил: *если бы ему самому был нужен Цезарь, то он к нему и явился бы, а если Цезарю что-либо от него угодно, то он должен прийти к нему. Кроме того, он не решился бы явиться без войска в те части Галлии, которыми владеет Цезарь, да и войско он не может стянуть в одно место без провианта и без сложных приготовлений. Ему только удивительно, какое дело Цезарю и вообще римскому народу до его Галлии, которую он победил войной.*

XXXV

Когда этот ответ был сообщен Цезарю, то он снова отправляет к Ариовисту послов со следующим поручением: *за великую милость со стороны его, Цезаря, и римского народа, именно – за то, что в его консульство сенат признал его царем и союзником, – чем Ариовист отблагодарил теперь его и римский народ – отказом от приглашения явиться для переговоров и нежеланием высказаться по вопросам, общим для них, и даже познакомиться с ними! Поэтому Цезарь предъявляет ему следующие требования: во-первых, он не должен производить никаких дальнейших массовых переселений через Рейн в Галлию; далее он должен вернуть эдуям их заложников, а секванам разрешить вернуть – с его соизволения – эдуям имеющихся от них заложников; не беспокоить эдуев какими-либо враждебными действиями и не идти войной на них и их союзников. Если Ариовист удовлетворит эти требования, то у него навсегда сохранятся добрые отношения и дружба с Цезарем и с народом римским; но если Цезарь не получит удовлетворения, то он не сочтет себя вправе закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, так как в консульство М. Мессалы и М. Писона сенат постановил, что каждый наместник Провинции Галлии обязан защищать эдуев и остальных друзей римского народа соответственно интересам республики.*

XXXVI

На это Ариовист отвечал: *право войны позволяет победителям распоряжаться с побежденными, как им угодно; так и римский народ привык распоряжаться с побежденными не по чуждому предписанию, но по собственному усмотрению. Если сам он не предписывает римскому народу способов осуществления его права, то и римский народ не должен мешать ему пользоваться своим законным правом. Эдуи сделались его данниками потому, что они решили испытать военное счастье, вступили в бой и были побеждены. Цезарь совершает большую несправедливость, уменьшая своим прибытием его доходы. Эдуям он заложников не возвратит, но не намерен без законного основания открывать войну ни против них, ни против их союзников, если они будут оставаться верными условиям договора и ежегодно платить дань; в противном случае им нисколько не поможет титул братьев римского народа. Правда, Цезарь заявляет ему, что не будет закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, но для всех, кто до сих пор вступал с ним, Ариовистом, в борьбу, эта борьба была гибельной. Пусть Цезарь идет, когда хочет; он тогда убедится, что значит храбрость непобедимых германцев, этих очень опытных воинов, которые за последние четырнадцать лет совсем не бывали под кровлей дома.*

XXXVII

Как раз в то же самое время, когда Цезарь получил этот ответ, пришли послы от эдуев и от треверов²⁵, – эдуи с жалобой на то, что переведенные недавно в Галлию гаруды опустошают их землю: хотя они дали Ариовисту заложников, но даже и этим не могли купить у него мира; а треверы жаловались, что сто свебских пагов расположились на берегу Рейна с намерением перейти через него: во главе их стоят братья Насуя и Кимберий. Эти сообщения очень встревожили Цезаря, и он счел нужным немедленно принять необходимые меры: иначе эти новые полчища свебов²⁶могут соединиться со старыми войсками Ариовиста и дать им отпор будет уже нелегко. Поэтому он со всей поспешностью обеспечил себя продовольствием и ускоренным маршем двинулся на Ариовиста.

²⁵ Треверы (Treveri) – племя в Кельтской Галлии, по обоим берегам Мозеля, откуда нынешнее название города.

²⁶ Свебы (Suebi) – крупное германское племя.

XXXVIII

После трехдневного марша его известили о том, что Ариовист со всеми своими силами направляется для захвата главного города секванов – Весонтиона – и уже отошел на три дневных перехода от границ своей страны. Занятие этого города Цезарь считал нужным всячески предупредить. Именно здесь легко можно было найти много всяких военных запасов, и уже по самому характеру местности город был так защищен, что открывал полную возможность затянуть войну. Действительно, он почти весь опоясан, точно по циркулю, рекой Дубисом; единственный доступ к нему – не более тысячи шестисот футов шириной, – который река оставляет открытым, занят высокой горой, причем ее подошва с обеих сторон подходит к берегам реки. Окружающая эту гору стена делает из нее крепость и соединяет ее с городом. Цезарь двинулся сюда ускоренным маршем, не прекращая его ни днем, ни ночью, и, заняв город, поставил в нем гарнизон.

XXXIX

В то время как Цезарь задержался на несколько дней под Весонтионом для урегулирования продовольствия и подвоза, наши расспрашивали о германцах галлов и купцов. Последние заявляли, что германцы отличаются огромным ростом, изумительной храбростью и опыtnостью в употреблении оружия; в частых сражениях с ними галлы не могли выносить даже выражения их лица и острого взора. Вследствие этих рассказов всем войском вдруг овладела такая робость, которая немало смутила все умы и сердца. Страх обнаружился сначала у военных трибунов, начальников отрядов и других, которые не имели большого опыта в военном деле и последовали из Рима за Цезарем только ради дружбы с ним. Последние под разными предложениями стали просить у него позволения уехать в отпуск по неотложным делам; лишь некоторые оставались из стыда, не желая навлечь на себя подозрение в трусости. Но они не могли изменить выражение лица, а подчас и удержаться от слез; забиваясь в свои палатки, они либо в одиночестве жаловались на свою судьбу, либо скорбели с друзьями об общей опасности. Везде во всем лагере составлялись завешания. Трусливые возгласы молодежи стали мало-помалу производить сильное впечатление даже на очень опытных в лагерной службе людей: на солдат, центурионов, начальников конницы. Те из них, которые хотели казаться менее трусливыми, говорили, что они боятся не врага, но трудных перевалов и обширных лесов, отделяющих римлян от Ариовиста, и что опасаются также за правильность подвоза провианта. Некоторые даже заявили Цезарю, что солдаты не послушаются его приказа сняться с лагеря и двинуться на врага и из страха не двинутся.

XL

Заметив все это, Цезарь созвал военный совет, на который пригласил также центурионов всех рангов, и в гневных выражениях высказал порицание прежде всего за то, что они думают, будто их дело – спрашивать и раздумывать, куда и с какой целью их ведут. *В его консульство Ариовист усердно домогался дружбы римского народа; откуда же можно заключить, что он теперь без всяких оснований откажется от своих обязательств? Он, по крайней мере, держится того убеждения, что как только Ариовист познакомится с его требованиями и удостоверится в их справедливости, он не станет отталкивать от себя расположения его, Цезаря, и римского народа. Но если даже под влиянием бешенства и безумия он действительно начнет войну, так чего же они, в конце концов, боятся? И зачем они отчаиваются в своей собственной храбрости и в осмотрительности своего полководца? Ведь с этим врагом померились на памяти наших отцов, когда Г. Марий разбил кимбров и тевтонов и войско явно заслужило не меньшую славу, чем сам полководец; померились недавно и в Италии во время восстания рабов, когда ему все-таки некоторую пользу принес полученный от нас опыт и дисциплина. В конце концов они одолели врага, несмотря на его вооружение и победы, хотя перед этим некоторое время без всякого основания боялись его, даже пока он был плохо вооружен. По этому можно судить, сколько выгоды заключает в себе стойкость. Наконец, это все тот же враг, над которым часто одерживали победы гельветы, и притом не только на своей, но по большей части на его земле, а ведь гельветы никогда не могли устоять против нашего войска. Но если некоторых смущает неудачное сражение и бегство галлов, то, разобрав дело, они поймут, что галлы были утомлены продолжительной войной. Ариовист же много месяцев подряд не выходил из своего лагеря и из болот и не давал случая сразиться с ним; они уже потеряли всякую надежду на сражение и рассеялись, когда он внезапно напал на них и одержал победу не столько храбростью, сколько хитрым расчетом. Но если расчет этот был уместен в борьбе с неопытными варварами, то и сам Ариовист не надеется провести им наше войско. А те, которые прикрывают свой страх лицемерной тревогой за продовольствие или ссылкой на трудные перевалы, те позволяют себе большую дерзость, отчаиваясь в верности полководца своему долгу и осмеливаясь давать ему предписания. Это его дело. Хлеб ему доставляют секваны, леуки²⁷ и лингоны, и он на полях уже созрел; а о состоянии путей они скоро сами получают представление. А что будто бы его не послушают и на неприятеля не пойдут, то эти разговоры его нисколько не волнуют: он знает, что те, кого не слушалось войско, не умели вести дело и им изменяло счастье; или же это были люди, известные своей порочностью и явно избалованные в корыстолюбии; но его собственное бескорыстие засвидетельствовано всей его жизнью, а его счастье – войной с гельветами. Поэтому то, что он предполагал отложить на более отдаленный срок, он намерен осуществить теперь, и в ближайшую же ночь, в четвертую стражу, снимется с лагеря, чтобы как можно скорее убедиться в том, что в них сильнее: чувство чести и долга или трусость. Если за ним вообще никто не пойдет, то он выступит хотя бы с одним 10-м легионом: в нем он уверен, и это будет его преторской когортой. Надо сказать, что этому легиону Цезарь всегда давал особые льготы и благодаря его храбрости очень на него полагался.*

²⁷ Леуки (Leuci) – кельтское племя в Южной Лотарингии.

XLI

Эта речь вызвала удивительную перемену в настроении всего войска и пробудила весьма большую бодрость и боевой пыл. Прежде всего 10-й легион принес ему через военных трибунов благодарность за очень лестный отзыв и уверил в своей готовности к бою. Затем и остальные легионы просили своих военных трибунов и центурионов первых рангов оправдаться от их лица перед Цезарем и указать, что у них никогда не было ни колебаний, ни страха, но они всегда думали, что высшее руководство войной принадлежит не им, а полководцу. Приняв это оправдание, Цезарь поручил Дивитиаку, которому доверял более, чем кому-либо другому, обследовать путь, с тем чтобы можно было вести войско по открытой местности, но с обходом в пятьдесят с лишком миль. После этого он, как и сказал раньше, выступил в четвертую стражу. На седьмой день безостановочного марша он получил известие от разведчиков, что войска Ариовиста находятся от нас в двадцати четырех милях.

XLII

Узнав о приближении Цезаря, Ариовист отправил к нему послов со следующим объяснением: *что касается заявленного раньше Цезарем требования по поводу переговоров, то теперь он ничего не имеет против его исполнения, так как Цезарь подошел ближе, и он думает, что он может сделать это безопасно.* Цезарь не отверг этого предложения и уже думал, что Ариовист готов образумиться, так как теперь он сам обещает то, в чем раньше отказывал, вопреки просьбе Цезаря; он начал даже питать большие надежды на то, что во внимание к великим милостям, полученным от него и от римского народа, Ариовист оставит свое упорство, как скоро познакомится с его требованиями. Переговоры были назначены на пятый день. А тем временем обе стороны часто отправляли друг к другу послов; при этом Ариовист требовал, чтобы Цезарь отнюдь не брал с собой на эти переговоры пехотинцев: *он боится, что Цезарь может коварно заманить его в ловушку; оба они должны явиться только в сопровождении конницы – иначе он не явится.* Так как Цезарь не желал, чтобы под каким бы то ни было предлогом переговоры не состоялись, и вместе с тем не решался доверить жизнь свою галльской коннице, то он признал наиболее целесообразным спешить всю галльскую конницу и на ее коней посадить своих легионеров 10-го легиона, на который он безусловно полагался, чтобы в случае надобности иметь при себе самую преданную охрану. По этому поводу один солдат 10-го легиона не без остроумия заметил: *Цезарь делает больше, чем обещал: он обещал сделать 10-й легион своей преторской когортой, а теперь зачисляет его во всадники.*

XLIII

Была большая равнина и на ней довольно высокий земляной холм. Это место находилось почти на одинаковом расстоянии от лагерей Цезаря и Ариовиста. Сюда они и явились для переговоров, как условились раньше. Легиону, посаженному на коней, Цезарь приказал остановиться в двухстах шагах от холма. На таком же расстоянии остановились и всадники Ариовиста. Ариовист потребовал, чтобы оба они беседовали верхом и чтобы каждый взял с собой на переговоры еще по десять человек. Когда наконец они друг с другом встретились, Цезарь в начале своей речи упомянул о милостях, оказанных Ариовисту им и сенатом. Он указывал, что *Ариовист получил от нашего сената титул царя и друга и что ему посылались самые почетные дары; это отличие, говорил он, лишь немногим доставалось на долю и обыкновенно дается в награду только за большие заслуги. Хотя Ариовист не имел ни повода, ни законного основания для подобных притязаний, однако он получил такое отличие только благодаря милости и щедрости Цезаря и сената. Цезарь ссылаясь и на то, как давно и как законно существует близкая связь у римлян с эдуями, как часто в самых лестных выражениях составлялись постановления сената по отношению к эдуям; как эдуи еще до заключения с нами дружественного союза всегда занимали первое место во всей Галлии. Римский народ привык заботиться о том, чтобы его союзники и друзья не только не теряли ничего своего, но чтобы, наоборот, усиливались в своем влиянии, видном положении и почете: кто мог бы потерпеть, чтобы у них было отнято то, чем они владели к моменту заключения дружественного союза с римским народом? Наконец, Цезарь повторил те требования, которые он заявлял раньше через послов: Ариовист не должен идти войной ни на эдуев, ни на их союзников и обязан вернуть заложников; если он не может хоть некоторую часть германцев отправить обратно на родину, то пусть он, по крайней мере, не допускает их дальнейшего перехода через Рейн.*

XLIV

На требования Цезаря Ариовист дал короткий ответ, но зато подробно распространялся о своих достоинствах: *он перешел через Рейн не по своему побуждению, но по просьбе и приглашению галлов; не без больших надежд и расчета на важные выгоды он оставил родину и близких; места для жительства в Галлии уступлены ему самими галлами, заложники даны по их доброй воле; дань он берет по праву войны, именно ту, которую победители обыкновенно налагают на побежденных. Не он начал войну с галлами, а галлы с ним: все галльские общины выступили против него и стали лагерем; но все эти силы были им разбиты и побеждены в одном сражении. Если они снова хотят с ним померяться, то и он снова готов сразиться; если же хотят иметь мир, то несправедливо отказывать в дани, которую они до сих пор платили добровольно. Дружба римского народа должна служить ему украшением и защитой, а не приносить вред: с этим расчетом он и искал ее. Если по милости римского народа дань будет сложена, а сдавшиеся будут у него отобраны, то он откажется от дружбы с римским народом столь же охотно, как искал ее. Что он переводит в Галлию массу германцев – это он делает для своей безопасности, а не для завоевания Галлии: доказательством служит то, что он пришел сюда по просьбе галлов и вел войну не наступательную, но оборонительную. Он пришел в Галлию раньше, чем римский народ. До сего времени войско римского народа ни разу не выходило за пределы Провинции Галлии. Что Цезарю нужно? Зачем он вступает в его владения? Эта Галлия – его провинция, как та – римская. Как ему самому не следовало бы позволять вторгаться в наши земли, так и с нашей стороны несправедливо вмешиваться в его права. Цезарь говорит, что сенат назвал эдуев братьями; но он не до такой степени груб и невежествен, чтобы не знать того, что ни в последнюю войну с аллоброгами эдуи не помогали римлянам, ни сами в борьбе с ним и с секванами не пользовались помощью римского народа. Ему приходится догадываться, что дружба с эдуями – простой предлог и что войско, которое Цезарь держит в Галлии, он держит для уничтожения Ариовиста. Если Цезарь не уйдет и не выведет отсюда своего войска, то он будет считать его не другом, а врагом; и если его убьет, то этим доставит удовольствие многим знатным и видным римлянам: это ему известно от их собственных гонцов, и его смертью он мог бы купить расположение и дружбу всех их. Но если Цезарь уйдет и предоставит ему беспрепятственное обладание Галлией, то он отплатит ему большими услугами и все войны, какие Цезарь пожелает вести, доведет до конца без всяких хлопот и риска для Цезаря.*

XLV

Цезарем много было сказано о том, почему он не может отказаться от этого дела: *ни его личная политика, ни политика римского народа не позволяют покидать заслуженных союзников; далее, он не признает за Ариовистом больше прав на Галлию, чем за римским народом. Кв. Фабий Максим победил арвернов и рутенов²⁸, однако римский народ простил их, не обратил их страны в свою провинцию и не обложил данью. Если считаться с давностью, то власть римского народа над Галлией более законна, чем какая бы то ни было другая; а если усвоить себе точку зрения римского сената, то Галлия должна быть свободной, так как, несмотря на победу над ней, он оставил за ней самоуправление.*

²⁸ Рутены (Ruteni) – кельтское племя, принадлежащее отчасти к Провинции, с главным городом civitas Rutenorum, или Segodunum, н. Rhodéz, dép. Aveyron.

XLVI

В этот момент беседы Цезарю дали знать, что всадники Ариовиста приближаются к холму, насакивают на наших и пускают в них камни и копья. Цезарь прекратил переговоры, отступил к своим и отдал им строжайший приказ не отвечать на неприятельские выстрелы. Хотя он видел, что сражение с конницей отнюдь не опасно для отборного легиона, но считал недопустимым, чтобы после поражения врагов могли говорить, что он во время переговоров напал на них вероломно. В солдатской среде скоро стало известно, с какой наглостью Ариовист отказывал римлянам в каких бы то ни было правах на Галлию, как его всадники напали на наших и как этим переговоры были прерваны. Все это подняло в войске бодрость и боевой пыл.

XLVII

На другой день Ариовист отправил к Цезарю послов с заявлением, что он желает продолжать начатые, но еще не оконченные переговоры: пусть Цезарь снова назначит для них день, или, если он этого не желает, пусть пришлет послом кого-либо из своих приближенных. Но Цезарь не видел оснований для возобновления переговоров, тем более что уже накануне германцев нельзя было удержать от обстреливания наших. Отправить послом кого-либо из своих – это значило подвергнуть посла большой опасности и отдать в жертву людям диким. Наиболее целесообразным показалось послать к нему Г. Валерия Прокилла, сына Г. Валерия Кабура, и М. Меттия. Первый был очень храбрым и образованным молодым человеком, отец которого получил римское гражданство от Г. Валерия Флакка; он пользовался доверием Цезаря и, сверх того, знал галльский язык, на котором Ариовист бегло говорил от давнего пребывания в Галлии. Наконец, у германцев не было причины оскорбить его. А Меттий был связан с Ариовистом узами гостеприимства. Цезарь поручил им узнать, что говорит Ариовист, и сообщить ему. Но когда Ариовист увидел их у себя в лагере, то он закричал в присутствии своего войска: зачем они пришли к нему? Может быть, шпионить? Они пытались было отвечать, но он не дал им говорить и приказал наложить на них цепи.

XLVIII

В тот же день он двинулся вперед и стал лагерем в шести милях от лагеря Цезаря под горой. На следующий день он провел свои войска мимо лагеря Цезаря и разбил свой лагерь в двух милях сзади него, чтобы отрезать Цезаря от хлеба и другого провианта, подвозимого из страны секванов и эдуев. С этого дня Цезарь в течение пяти дней подряд выводил свои войска и выстраивал их перед лагерем, чтобы дать Ариовисту сражение, если он того захочет. Но Ариовист все эти дни держал войско в лагере и завязывал ежедневно только конные стычки. Это был особый род сражений, в котором германцы были опытни. У них было шесть тысяч всадников и столько же особенно быстрых и храбрых пехотинцев, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всей пехоты для своей личной охраны: эти пехотинцы сопровождали своих всадников в сражениях. К ним всадники отступали: если положение становилось опасным, то пехотинцы ввязывались в бой; когда кто-либо получал тяжелую рану и падал с коня, они его обступали; если нужно было продвинуться более или менее далеко или же с большой поспешностью отступить, то они от постоянного упражнения проявляли такую быстроту, что, держась за гриву коней, не отставали от всадников.

XLIX

Видя, что Ариовист не покидает своего лагеря, Цезарь выбрал, во избежание дальнейшей задержки провианта, удобное место для лагеря по ту сторону лагеря германцев, приблизительно в шестистах шагах от него, и двинулся туда в боевом порядке тремя линиями. Первой и второй линиям приказано было стоять под оружием, а третьей укреплять лагерь. Это место, как упомянуто было, отстояло от неприятеля приблизительно на шестьсот шагов. Ариовист послал туда около шестнадцати тысяч человек налегке со всей конницей, чтобы наводить на наших страх и мешать постройке укреплений. Тем не менее Цезарь не отменил своего прежнего распоряжения и приказал двум линиям отражать врага, а третьей оканчивать работу. Укрепив лагерь, он оставил там два легиона и часть вспомогательных войск, а остальные четыре отвел назад в главный лагерь.

Л

На следующий день Цезарь, по своему обыкновению, вывел из обоих лагерей свои войска, немного продвинулся от своего главного лагеря и таким образом снова дал врагам случай сразиться. Но заметив, что они все-таки не выходят из своего лагеря, он около полудня отвел войско назад в лагерь. Только тогда Ариовист двинул часть своих сил на штурм малого лагеря. С обеих сторон завязался продолжавшийся вплоть до вечера ожесточенный бой. При заходе солнца Ариовист, после больших потерь с той и другой стороны, отвел свои войска назад в лагерь. Цезарь стал спрашивать пленных, почему Ариовист уклоняется от решительного сражения; они объяснили это тем, что, по существующему у германцев обычаю, их замужние женщины объясняют на основании метания жребия и предсказаний, выгодно ли дать сражение или нет; и вот теперь они говорят, что германцам не суждено победить, если они дадут решительное сражение до новолуния.

LI

На следующий день Цезарь, оставив для того и другого лагеря достаточное прикрытие, все вспомогательные войска расположил перед малым лагерем на виду у врагов. Эти вспомогательные войска он употребил в дело только для виду, так как численностью легионной пехоты он слишком уступал превосходившему его врагу. А сам он, построив войско в три линии, вплотную подошел к лагерю врагов. Только тогда германцы уже по необходимости вывели из лагеря свои силы и поставили их по племенам на одинаковом расстоянии друг от друга: это были гаруды, маркоманы²⁹, трибоки³⁰, вангионы³¹, неметы³², седусии³³ и свебы. Все свое войско они окружили повозками и телегами, чтобы не оставалось никакой надежды на бегство. На них они посадили женщин, которые простирали руки к уходившим в бой и со слезами молили их не предавать их в рабство римлянам.

²⁹ Маркоманы (Marcomanni) – германский народ между Рейном, Майном и Дунаем.

³⁰ Трибоки (Triboci) – племя в Кельтской Галлии между Вогезами и Рейном.

³¹ Вангионы (Vangiones) – германское племя в Кельтской Голлии, между Рейном и нижним течением Мозеля с городом Borbetomagus, н. Worms.

³² Неметы (Nemetes) – племя в Кельтской Галлии.

³³ Седусии (Sedusii) – германское племя у р. Майна.

ЛII

Цезарь назначил командирами отдельных легионов легатов и квестора, чтобы каждый солдат имел в их лице свидетелей своей храбрости, а сам начал сражение на правом фланге, так как заметил, что именно здесь неприятели всего слабее. Наши по данному сигналу атаковали врага с таким пылом и со своей стороны враги так внезапно и быстро бросились вперед, что ни те, ни другие не успели пустить друг в друга копий. Отбросив их, обнажили мечи, и начался рукопашный бой. Но германцы, по своему обыкновению, быстро выстроились фалангой и приняли направленные на них римские мечи. Из наших солдат оказалось немало таких, которые бросались на фалангу, руками оттягивали щиты и наносили сверху раны врагам. В то время как левый фланг неприятелей был разбит и обращен в бегство, их правый фланг своим численным превосходством сильно теснил наших. Это заметил начальник конницы, молодой П. Красс, который был менее занят, чем находившиеся в бою, и двинул в подкрепление нашему теснимому флангу третью (резервную) линию.

LIII

Благодаря этому сражение возобновилось. Все враги обратились в бегство и прекратили его только тогда, когда достигли реки Рейна приблизительно в пяти милях отсюда. Там лишь очень немногие, в надежде на свою силу, попытались переплыть на другой берег или же спаслись на лодках, которые нашлись там. В числе их был и Ариовист, который нашел маленькое судно и на нем спасся бегством; всех остальных наша конница догнала и перебила. У Ариовиста было две жены, одна из племени свебов, которую он взял с собой из дому, а другая норийка, сестра царя Воккиона, который прислал ее в Галлию, где Ариовист и женился на ней. Обе они во время бегства погибли. Было и две дочери: одна из них была убита, другая взята в плен. Г. Валерий Прокилл, которого его сторожа во время бегства тащили на трех цепях, наткнулся на самого Цезаря, когда последний со своей конницей преследовал врага. Эта встреча доставила Цезарю не меньшее удовольствие, чем сама победа: таким образом этот весьма почтенный в Провинции Галлии человек, его друг и гостеприимец, вырвался из рук врагов и возвращен ему, и судьба, избавив его от гибели, ничем не омрачила великой радости ликования по случаю победы. Прокилл рассказывал, что в его присутствии о нем трижды бросали жребий – казнить ли его немедленно сожжением или же отложить казнь на другое время: он уцелел по милости этих гаданий. Точно так же и М. Метгий был найден и приведен к Цезарю.

LIV

Когда известие об этом сражении проникло за Рейн, то уже достигшие его берегов свебы начали возвращаться на родину. Воспользовавшись их паникой, на них напали убии³⁴, жившие ближе других к Рейну, и многих из них перебили. Таким образом Цезарь окончил в одно лето две очень большие войны и потому несколько раньше, чем этого требовало время года, отвел войско на зимние квартиры к секванам. Комендантом зимнего лагеря он назначил Лабиена, а сам отправился в Ближнюю Галлию для судопроизводства.

³⁴ Убии (Ubi) – германское племя на правом берегу Рейна между Майном и Ланом.

Книга вторая

Содержание

Поход против бельгов (гл. 1–33):

а) покорение западных бельгов (гл. 1–15);

б) победа над нервиями и их союзниками (гл. 16–28);

в) покорение адуатуков (гл. 29–33).

Покорение аремарийских племен (гл. 34).

Покорение германских племен. Отъезд Цезаря в Италию. Благодарственное молебствие (гл. 35)

I

Когда Цезарь находился, как было выше упомянуто, в Ближней Галлии, до него часто доходили слухи, подтверждаемые письменными сообщениями Лабизна, что все бельги (занимавшие, как было выше сказано, треть Галлии) заключают тайные союзы против римского народа и обмениваются заложниками. Указывались следующие причины этих заговоров: *прежде всего, бельги боятся, что после покорения всей Галлии наше войско будет поведено на них; затем их подстрекают некоторые галлы: отчасти это были те, которые были недовольны зимовкой и вообще долговременным пребыванием римского войска в Галлии, подобно тому как до этого они не желали, чтобы в Галлии надолго устраивались германцы; отчасти это были люди, стремившиеся к перевороту по легкомыслию и непостоянству; наконец, некоторые агитировали потому, что в Галлии люди могущественные, имеющие средства для содержания наемников, большей частью стремились к захвату царской власти, а при нашем господстве это было для них не так легко.*

II

Встревоженный этими известиями и донесениями, Цезарь набрал в Ближней Галлии два новых легиона и поручил легату Кв. Педию отвести их в начале лета в Дальнюю Галлию, а сам отправился к войску, как только на полях стал накапливаться фураж. Сенонам и остальным галлам, жившим по соседству с бельгами, он дал поручение узнавать, что у них делается, и доводить до его сведения. Они все единогласно сообщили, что там набирают отряды и стягивают войска в одно место. Тогда он уже без дальнейших колебаний решил двинуться против них и, обеспечив себя провиантом, снялся с лагеря и дней через пятнадцать достиг бельгийской границы.

III

Так как он появился там внезапно и скорее, чем его могли ожидать, то ближайшие соседи бельгов, ремы³⁵, отправили к нему послами первых людей своей общины Иккия и Андекумбория с заявлением, что они *себя и все свое достояние отдают под власть и покровительство римского народа; они не были заодно с остальными бельгами и вообще не вступали ни в какие тайные союзы против римского народа; наоборот, они готовы дать заложников, исполнить все требования, принять римлян в свои города и снабдить их хлебом и другими припасами. Все остальные бельги стоят под оружием, с ними соединились также германцы, живущие по эту сторону Рейна, и у всех них так велико возбуждение, что ремам не удалось отклонить от союза с ними даже своих единокровных братьев суэссионов³⁶, которые имеют общее с ними право и законы и даже общию военную власть и гражданское управление.*

³⁵ Ремы (Remi) – могущественное племя Бельгийской Галлии между Аксоной и Матроной, их города Бибракт (н. Bièvre) и Дурокортор (н. Reims).

³⁶ Суэссионы (Suessiones) – племя в Бельгийской Галлии по обоим берегам Аксоны с городом Новиодуном (Soissons).

IV

На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные силы, ему отвечали: *большая часть бельгов – по происхождению германцы, которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей – галлов – выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам; вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся. Что же касается численности восставших, то ремы утверждали, что она им точно известна, так как их общее происхождение и родственные связи позволили им узнать, какой контингент каждое племя обещало на общем собрании бельгов выставить для войны. Первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них белловаки³⁷; они могут выставить сто тысяч вооруженных; из них они обещали шестьдесят тысяч человек отборного войска и за это требуют себе верховного руководства войной. Соседи самих ремов – суэссионы; у них больше всех земли, и притом самой плодородной. Еще в наше время у них был царем Дивитиак, обладавший наибольшим в Галлии могуществом: в его руках была власть не только над значительной частью этой местности, но и над Британией. Теперь у них царем Гальба: за его справедливость и ум ему единодушно желают вручить верховное командование. Городов у них всего двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооруженных, столько же и нервий³⁸, которые у самих бельгов считаются самыми дикими и живут дальше всех. Пятнадцать тысяч обещают атребаты³⁹, десять тысяч – амбианы⁴⁰, двадцать пять – морины⁴¹, семь тысяч – менапии⁴², десять тысяч – калеты⁴³, столько же велиокассы⁴⁴ и веромандуи⁴⁵, восемнадцать – адуатуки⁴⁶; кондрусы⁴⁷, эбуроны⁴⁸, кересы⁴⁹ и пеманы⁵⁰, которые объединяются общим названием германцев, по их мнению, могут дать около сорока тысяч.*

³⁷ Белловаки (Bellovaci) – бельгийское племя, жившее между Соммой, Сенной и Уазой.

³⁸ Нервии (Nervii) – воинственное племя в Бельгийской Галлии между Самброй и Шельдой.

³⁹ Атребаты (Atrebates) – племя в Бельгийской Галлии (н. Artois) с главным городом Неметокенной (н. Arras).

⁴⁰ Амбианы (Ambiani) – бельгийское племя с главным городом Samarobriva, н. Amiens, дёр. Somme.

⁴¹ Морины (Morini) – племя на приморском побережье Бельгийской Галлии.

⁴² Менапии (Menapii) – племя в Бельгийской Галлии между Маасом и Шельдой.

⁴³ Калеты (Caleti или Caletes) – ареморийская община в Бельгийской Галлии (в нынешней Нормандии).

⁴⁴ Велиокассы (Velioasses или Velioassii) – ареморийское племя, к северу от Сены, к югу от белловаков, с главным городом Rotomagus, н. Rouen, дёр. Seine Inférieure.

⁴⁵ Веромандуи (Viromandui) – племя в Бельгийской Галлии между Шельдой и Уазой (ср. н. Vermandais в Пикардии).

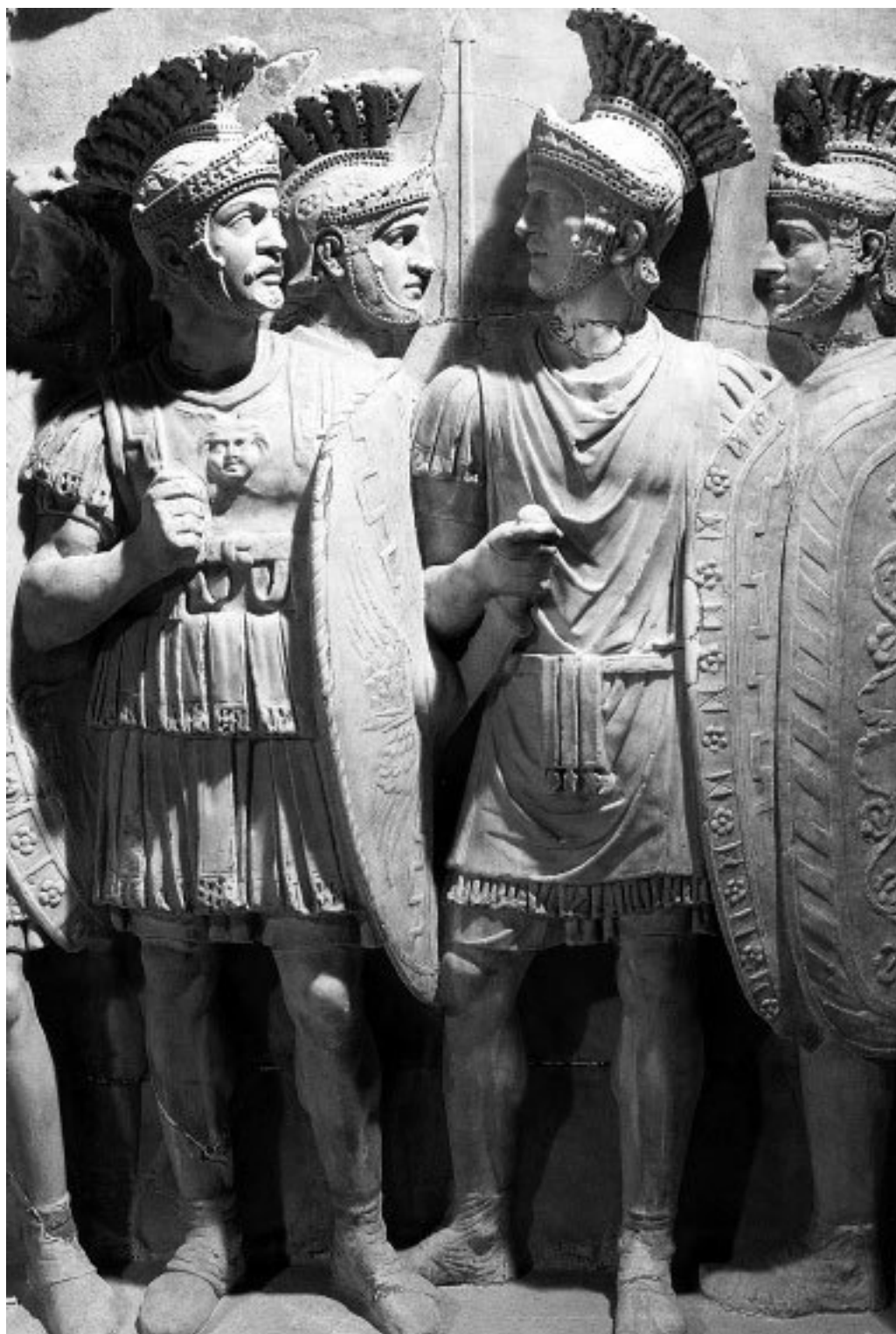
⁴⁶ Адуатуки (Aduatuci) – племя в Бельгийской Галлии, происходившее от кимбров и тевтонов и жившее между Шельдой и Маасом.

⁴⁷ Кондрусы (Condrusi) – германское племя в Бельгийской Галлии; имя его сохранилось в бельгийской местности le Condroz близ Льежа.

⁴⁸ Эбуроны (Eburones) – германское племя в Бельгийской Галлии по Маасу с городом Aduatuca.

⁴⁹ Кересы (Ceutrones) – германское племя в Бельгии.

⁵⁰ Пеманы (Pemani) – племя Кельтской Галлии, жившее в Арденнах (ср. н. Famèpe).

V

Ободрив ремов и отпустив их с дружественными словами, Цезарь приказал всему сенату явиться к нему и потребовал привода детей их князей в качестве заложников. Все это было исполнено ими в точности и к сроку. С особым ободрением Цезарь обратился к эдую Дивити-аку и указал ему, *насколько важно для римского государства и для его общих с эдуями интересов разъединить неприятельские войска, чтобы не пришлось сражаться с этими огромными полчищами одновременно. Это разъединение возможно в том случае, если эдуи со своими войсками вторгнутся в страну белловаков и начнут опустошать их поля.* С этим поручением он его и отпустил. Когда он убедился в том, что бельги стянули все войска в одно место и уже двигаются против него, а от посланных им разведчиков и от ремов узнал, что они уже недалеко, то он поспешил перевести войско через реку Аксону, которая течет на самой границе ремов, и там разбил лагерь. Таким образом, одна сторона лагеря была прикрыта берегами реки, вместе с тем был защищен его тыл и обеспечен безопасный подвоз провианта от ремов и других племен. На этой реке был мост. Там он поставил прикрытие, а на другом берегу реки оставил легата Кв. Титурия Сабина с шестью когортами; свой лагерь он приказал укрепить валом в двенадцать футов высотой и рвом в восемнадцать футов шириной.

VI

От этого лагеря был в восьми милях город ремов Бибракт. Бельги прямо с похода начали ожесточенно штурмовать его, и в этот день осажденные лишь с трудом продержались. У галлов и у бельгов один и тот же способ осады городов. Они массой окружают со всех сторон городские стены и начинают штурмовать их камнями, пока не заставят защитников покинуть свои посты; затем образуют «черепашу» и пытаются поджечь ворота и подрывать стену. На этот раз это было нетрудно. Когда эта огромная масса стала бросать камни и метать копья и стрелы, то держаться на стене не было никакой возможности, и только ночь положила конец этому штурму. Тогдашний комендант города рем Иккий, человек знатный и среди своих популярный, один из участников мирного посольства к Цезарю, послал ему гонца с известием, что если ему не пришлют помощи, то он дольше держаться не может.

VII

Цезарь воспользовался гонцами Иккия в качестве проводников и в этот же день около полуночи послал на помощь горожанам нуикдийских и критских стрелков и балеарских пращников. Их приход поднял у ремов надежду на оборону и возбудил желание дать отпор, а враги по той же причине оставили мысль о захвате города. Поэтому они пробыли еще немного времени под городом, опустошили поля ремов, сожгли все села и усадьбы, в какие только могли проникнуть; затем всей массой двинулись против лагеря Цезаря и разбили свой лагерь менее чем в двух милях от него. Этот их лагерь, судя по дыму и огням, тянулся на восемь с лишком миль в ширину.

VIII

Ввиду численного превосходства на стороне неприятелей и чрезвычайной храбрости, которою они славились, Цезарь сначала решил уклониться от генерального сражения; все-таки посредством ежедневных конных стычек он испытывал храбрость врагов и смелость своих, причем убедился в том, что наши солдаты не уступают неприятелю. Кроме того, и местность перед лагерем по самому своему характеру была очень удобна для того, чтобы выстроить на ней войско в боевом порядке: тот холм, на котором был лагерь Цезаря, постепенно поднимался над долиной; на стороне, обращенной к врагу, он имел в ширину как раз столько места, сколько могло занимать выстроенное войско. С обоих боков холм этот круто обрывался, а спереди спускался в долину слегка и мало-помалу. По обоим его бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми орудиями, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходившие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги. После этого он оставил два недавно набранных легиона в лагере, чтобы в случае надобности двинуть их в качестве резерва, а остальные шесть легионов выстроил перед лагерем. Враги также вывели из лагеря свое войско и выстроили его.

IX

Между нашим и неприятельским войсками было небольшое болото. Враги ждали, не станут ли наши переходить его, а наши стояли под оружием в полной боевой готовности, чтобы воспользоваться затруднениями врага при переправе, если он ее первый начнет, и тогда атаковать его. Тем временем между обоими войсками шло конное сражение. Но ни те, ни другие не начали переправы, а конное сражение было более благоприятно для нас, и Цезарь отвел своих назад в лагерь. Враги немедленно двинулись отсюда к реке Аксоне, находившейся, как было указано, в тылу нашего лагеря. Там они нашли брод и попытались переправить часть своих сил, чтобы по возможности взять с бою редуты, которыми командовал легат Кв. Титурий, и разрушить мост; а если это не удастся, то опустошить страну ремов, очень полезную для нас в наших военных операциях, и отрезать наших от подвоза.

Х

По получении об этом известия от Титурия Цезарь перевел по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и стрелков и направился против неприятеля. Там завязалось ожесточенное сражение. Наши напали на неприятелей в то время, когда последние были заняты переправой через реку, и довольно много их перебили; остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов; а тех первых, которые успели перейти, окружила конница и перебила. Враги поняли, что обманулись в надежде на взятие города с бою и на переход через реку; они заметили также, что наши не двигаются на неудобное для сражения место, и, кроме того, сами стали ощущать нужду в провианте. Поэтому они созвали собрание и постановили, что лучше всего каждому возвращаться домой, а затем всем и отовсюду собираться для защиты той области, в которую раньше всего вторгнутся с войском римляне; вести войну лучше будет не на чужой, а на своей земле, так как здесь можно будет пользоваться местными запасами провианта. К этому решению, помимо всех других оснований, привело их еще и то обстоятельство, что они узнали о приближении Дивитиака и эдуев к границам области белловаков; убедить их, чтобы они больше не оказывали помощи своим землякам, было уже невозможно.

XI

Согласно с этим постановлением они выступили во вторую стражу из лагеря с большим шумом и криком, без всякого порядка и команды: каждый хотел идти впереди и поскорей добраться до дому. Таким образом, это выступление было похоже на бегство. Об этом Цезарь узнал через лазутчиков, но так как он еще не понимал действительной причины этого отступления, то боялся засады и потому держал свое войско и конницу в лагере. На рассвете известие это было подтверждено разведчиками, и тогда он выслал вперед всю конницу с поручением задерживать неприятельский арьергард. Во главе ее он поставил легатов Кв. Педия и Л. Аурункулея Котту, а легату Т. Лабиезу приказал идти за нею следом с тремя легионами. Они напали на арьергард, много миль преследовали его по пятам и перебили очень многих из тех неприятелей, которые пытались бежать; именно – в то время как последние ряды арьергарда, которые и подверглись нападению, остановились и дали храбрый отпор нашей атаке, шедшие в его голове считали себя вне опасности, и, кроме того, над ними не было ни принуждения, ни командования; поэтому, как только они слышали крики, они все в полном беспорядке стали искать спасения в бегстве. Вследствие этого наши без всякой для себя опасности в продолжение целого дня избивали неприятелей; только перед самым заходом солнца они прекратили бойню и согласно приказу вернулись в лагерь.

XII

На следующий день Цезарь, не давая врагам опомниться от ужаса и бегства, повел войско в землю суэссионов, ближайших соседей ремов, и после большого дневного перехода двинулся против города Новиодуна. Он слышал, что там нет защитников, и попытался было прямо с похода взять его штурмом, но не мог этого сделать даже при малом количестве защитников вследствие глубины рва и высоты стены. Поэтому он приказал укреплять лагерь, подводить подвижные галереи («винеи») и вообще готовить все необходимое для осады. Тем временем вся бежавшая масса суэссионов вошла в ближайшую ночь в город. Немедленно были подведены к городу галереи, насыпан вал и воздвигнуты осадные башни. Эти огромные сооружения, до сего времени невиданные и неслыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на галлов такое сильное впечатление, что они отправили к Цезарю посольство с предложением сдачи и по ходатайству ремов были помилованы.

ХІІІ

Цезарь взял в заложники самых видных граждан, в том числе двух сыновей самого царя Гальбы, приказал выдать все находившееся в городе оружие и принял суессионов на капитуляцию, а затем двинулся с войском в страну белловаков. Они удалились со всем своим достоянием в город Братуспантий. Когда Цезарь находился от него милях в пяти, из города вышли ему навстречу все пожилые люди и, протягивая руки, криками давали понять, что они отдаются во власть и под покровительство римского народа и не оказывают ему вооруженного сопротивления. Когда он подошел к самому городу и стал разбивать лагерь, женщины и дети, протягивая, по своему обычаю, со стен руки, точно так же просили у римлян мира.

XIV

На защиту их выступил Дивитиак, который после ухода бельгов распустил войско эдуев и вернулся к Цезарю: *белловаки, говорил он, всегда соблюдали верность и дружбу по отношению к общине эдуев; они изменили эдуям и пошли войной на римлян только по подстрекательству своих князей, которые говорили, что эдуи поработены Цезарем и терпят от него всевозможные возмутительные оскорбления. Действительные зачинщики, понимая, какую беду они навлекли на свой народ, бежали в Британию. Просят не только белловаки, но за них и эдуи проявить по отношению к ним свойственную ему милость и кротость. Этим он увеличит влияние эдуев у всех бельгов, а их сильную помощью эдуи пользовались во всех войнах, которые им случалось вести.*

XV

Цезарь заявил, что, во внимание к Дивитиаку и эдуям, он готов принять их сдачу и помиловать их. Так как эта большая община отличалась среди бельгов своим влиянием и многочисленностью населения, то он потребовал с нее шестьсот заложников. Их дали, а также выдали все находившееся в городе оружие, и Цезарь двинулся отсюда в пределы амбианов, которые немедленно сдались со всем своим достоянием. С ними граничили нервии. На расспросы об их характере и нравах Цезарь получил следующий ответ: *к ним нет доступа купцам; они категорически воспрещают ввоз вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость; эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных бельгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость; они ручаются, что ни послов не пошлют, ни каких-либо условий мира не примут.*

XVI

После трехдневного марша по их стране Цезарь узнал от пленных, что не более чем в десяти милях от его лагеря течет река Сабис; за этой рекой засели все нервии и там ожидают приближения римлян – вместе со своими соседями атребатами и веромандуями (тех и других они убедили попытать вместе с ними военное счастье); они поджидают также войско адватуков, которые уже находятся в пути; женщин и всех, кто по своему возрасту не годился для войны, они укрыли в таком месте, которое из-за болот недоступно для войска.

XVII

По получении этих сведений он выслал вперед разведчиков и центурионов – выбрать удобное для лагеря место. Цезаря сопровождали на походе многие из сдавшихся бельгов и остальных галлов; некоторые из них, как впоследствии было узнано от пленных, познакомились с обычным распорядком движения римского войска за эти дни, перешли ночью к нервиям и обратили их внимание на то, что между каждыми двумя легионами идет большой обоз и что нет никакого труда напасть на первый легион в момент его прихода на место лагеря, пока он еще не снял с себя амуницию, а остальные легионы еще далеко; если он будет разбит, а обоз разграблен, то прочие легионы не решатся остановиться для отпора. В пользу их совета говорило то, что нервии с давних пор были слабы конницей (да и до сего времени они о ней не заботятся, но вся их главная сила состоит в пехоте). И вот, чтобы тем легче парализовать набеги соседней конницы за добычею, они надрезали снизу молодые деревья и пригибали их к земле, а между ветвями, густо распространившимися в ширину, насажали ежевики и кустарника, так что этот плетень образовал своего рода укрепление, похожее на стену, причем не только нельзя было туда проникнуть, но и что-либо за ним разглядеть. Так как подобные плетни должны были затруднять движение нашего войска, то нервии сочли нужным воспользоваться упомянутым средством.

XVIII

Природные свойства той местности, которую наши выбрали для лагеря, были таковы: к названной выше реке Сабису шел холм, равномерно покатый сверху донизу. На другом берегу, прямо напротив этого холма, поднимался другой холм с подобным уклоном; внизу шагов на двести в ширину он был открыт, а вверху зарос лесом, так что нелегко было что-либо там разглядеть. В этом лесу и держался секретно враг; а на открытом месте, вдоль по реке, виднелись его редкие конные посты. Река эта была около трех футов глубиной.

XIX

Цезарь выслал вперед конницу и сам шел за ней со всеми своими силами. Но весь порядок похода был иной, чем бельги сообщили нервиям. Так как теперь он приближался к самому врагу, то, по своему прежнему обыкновению, он вел шесть легионов без багажа и обоза; за ним следовал обоз всей армии; наконец, два недавно набранных легиона замыкали всю движущуюся колонну и прикрывали обоз. Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку и завязали сражение с неприятельской конницей. Враги то и дело отступали в леса к своим и затем снова нападали на наших; в свою очередь, наши не решались преследовать отступающих неприятелей далее того пункта, где кончалась открытая местность. Тем временем шесть легионов, которые пришли первыми, отмерили площадь для лагеря и начали ее укреплять. Как только скрывавшиеся в лесу неприятели заметили головную часть нашего обоза (относительно этого момента они заранее условились, причем еще в лесу они выстроились в боевой порядок и ободряли друг друга), они вдруг всей массой выскочили из лесу и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбежали к реке, так что почти одновременно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением.

XX

Цезарь должен был делать все сразу: выставить знамя [это было сигналом к началу сражения], дать сигнал трубой, отозвать солдат от шанцевых работ, вернуть тех, которые более или менее далеко ушли за материалом для вала, построить всех в боевой порядок, ободрить солдат, дать общий сигнал к наступлению. Всему этому мешали недостаток времени и быстрое приближение врага. Но в этом трудном положении выручали, во-первых, знание и опытность самих солдат: опыт прежних сражений приучил их самих разбираться в том, что надо делать, не хуже, чем по чужим указаниям; во-вторых, Цезарь запретил легатам покидать лагерные работы и свой легион, пока лагерь не будет вполне укреплен. Ввиду близости врага и той быстроты, с которой он действовал, они уже не дожидались приказов Цезаря, но сами принимали соответствующие меры.

XXI

Отдав самые необходимые распоряжения, Цезарь поспешил со словами ободрения к солдатам – там, где их заставлял, и попал к 10-му легиону. Его солдатам он лишь вкратце посоветовал твердо помнить о своей прежней доблести, не падать духом и храбро выдержать неприятельскую атаку. Так как враги подошли уже приблизительно на расстояние выстрела, он дал сигнал к бою. Направившись в другое место также для ободрения, он застал солдат уже в самом разгаре сражения. Времени было так мало и враги шли с такой боевой отвагой, что некогда было возложить на себя знаки отличия и даже надеть шлемы и снять чехлы со щитов. Солдаты, шедшие с лагерных работ, занимали первые попавшиеся места в строю и приставали к первым встречным частям, чтобы в поисках своей части не терять времени для боя.

XXII

Войско наконец было выстроено в боевой порядок, но скорее в соответствии с условиями местности, с покатостью холма и с требованиями данного момента, чем по правилам военного распорядка: легионы бились с врагом в разных местах, каждый поодиночке; вышеупомянутые очень густые плетни, находившиеся между ними и неприятелями, закрывали от них горизонт, невозможно было ни расположить в определенных местах необходимые резервы, ни сообразить, что где нужно; нельзя было и единолично распорядиться всеми операциями. Понятно, что при столь неблагоприятных условиях неизбежны были колебания военного счастья.

XXIII

Стоявшие на нашем левом фланге солдаты 9-го и 10-го легионов, бросая сверху копья, быстро сбили ими в реку атребатов, которым достался этот участок и которые были изнурены утомительным бегом вверх и ранами и едва переводили дух. Когда они попытались переправиться через реку, то наши бросились туда за ними с мечами и многих из них во время переправы перебили. Они даже сами не задумались переправиться и при этом зашли на невыгодную для себя позицию; но когда враги повернулись на них и возобновили сражение, то они обратили их в бегство. Точно так же и в другом пункте два отдельных легиона, 11-й и 8-й, сбили с возвышенности веромандуев, с которыми у них завязался рукопашный бой, и теперь сражались уже у самого берега реки. Но вследствие этого почти весь римский лагерь по фронту и на левом фланге был обнажен, и на правом фланге стоял только 12-й легион и недалеко от него 7-й. Тогда все нервы густейшими рядами, под предводительством своего главнокомандующего Бодуогната, устремились к этому пункту; часть из них стала обходить легионы с незащищенной стороны, а другая двинулась на возвышенность, на которой находился лагерь.

XIV

В то же время наши всадники и бывшие с ними легковооруженные пехотинцы, которые, как я раньше сказал, были разбиты при первой неприятельской атаке, натыкались на врагов при своем отступлении к лагерю и снова обращались в бегство – уже в другом направлении. То же было и с обозными служителями: сначала, когда они из задних ворот лагеря на вершине холма заметили, как наши победоносно перешли через реку, они вышли из лагеря на поиски добычи; но как только они обернулись и увидели, что враги уже в нашем лагере, то они опрометью пустились бежать. Единоновременно с этим поднимали крик и шум те, которые шли с обозом, и все в ужасе неслись в разные стороны. Все это произвело сильное впечатление на посланных своей общиной в помощь Цезарю треверских всадников – народа, который славится у галлов своей выдающейся храбростью: когда они увидели, что лагерь наполняется массой неприятелей, что легионы изнемогают от напора врагов и почти окружены ими, что обозные, всадники, пращники, нумидийцы бегут врассыпную отдельно друг от друга в разные стороны, – то они потеряли веру в успех нашего дела и устремились домой; там они сообщили своим землякам, что римляне разбиты наголову и что их лагерем и обозом овладели враги.

XXV

Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидел, что его солдаты теснят, манипулы со своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжело изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее исполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан.

XXVI

Увидев, что на стоящий рядом 7-й легион также напирал враг, Цезарь приказал через военных трибунов легионам мало-помалу соединиться, сделать поворот и перейти в наступление. Когда, таким образом, одни отряды стали подавать помощь другим и перестали бояться нападения врагов с тылу, то солдаты начали смелее давать отпор и вообще храбрее сражаться. Тем временем солдаты двух легионов, которые в арьергарде прикрывали обоз, при известии о сражении направились туда беглым шагом, и враг скоро увидел их уже на вершине холма. Т. Лабиден овладел лагерем врагов и, заметив сверху, что делается в нашем лагере, послал нашим на помощь 10-й легион. Бегство всадников и обозных дало понять этим солдатам, как обстоит дело и в какой опасности находятся и лагерь, и легионы, и главнокомандующий. Поэтому они поспешили со всей скоростью, на которую только были способны.

XXVII

С их приходом произошла полная перемена положения: даже те из наших солдат, которые свалились от ран, возобновили бой, опираясь на щиты. Тогда обозные, заметив у врагов панику, даже без оружия пошли навстречу вооруженным, а всадники стали сражаться по всему полю сражения, чтобы храбростью загладить свое позорное бегство и превзойти легионных солдат. Со своей стороны, враги даже при ничтожной надежде на спасение проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались, стоя на них; когда и эти падали и из трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их метательные копья и пускали назад в римлян. Таким образом, надо было признать, что недаром эти удивительно храбрые люди решились перейти через очень широкую реку, подняться на ее высокие берега и взобраться на позицию, для себя, безусловно, опасную: их необыкновенное геройство сделало все эти величайшие трудности легкими.

XXVIII

Эта битва окончилась почти полным уничтожением всего племени и даже имени нервиев. Их пожилые люди, которые, как мы выше сказали, вместе с женщинами и детьми были укрыты в лагунах и болотах, при известии об этом сражении поняли, что для победителей нет больше трудностей, а для побежденных – безопасности. Поэтому с согласия всех уцелевших они отправили к Цезарю послов и сдались ему. Упомянув о несчастье, постигшем их народ, они сослались на то, что из их шестисот сенаторов уцелело только трое, а из шестидесяти тысяч мужчин, способных носить оружие, едва-едва пятьсот. Чтобы с очевидностью проявить милосердие к несчастным и молящим, Цезарь дал им полное помилование, им самим приказал спокойно оставаться в своей стране и городах, а их соседям воспретил чинить им какие бы то ни было оскорбления и насилия.

XXIX

Адуатуки, о которых мы выше писали, уже двигались со всеми военными силами на помощь нервиям, но при известии об этом сражении повернули с полпути домой; оставив все города и укрепленные пункты, они со всем своим достоянием направились в один очень защищенный от природы город. Он был почти со всех сторон окружен весьма высокими скалами и обрывами, и только с одной стороны возможен был подступ к нему по постепенной покато-сти шириной не более двухсот футов. Этот пункт они своевременно укрепили очень высокой двойной стеной; а теперь они укладывали на этой стене тяжелые каменные глыбы и заострен-ные бревна. Сами они происходили от кимбров и тевтонов; последние во время своего похода на нашу Провинцию и Италию оставили по сю сторону Рейна то имущество, которое не могли захватить с собой, и при нем в качестве стражи и прикрытия шесть тысяч человек из своего народа. После уничтожения кимбров и тевтонов люди этого гарнизона много лет страдали от соседей в наступательных и оборонительных войнах с ними; наконец между ними всеми состо-ялось соглашение и мир, и они выбрали себе именно эту местность для поселения.

XXX

На первых порах после прихода нашего войска они часто делали из города вылазки и завязывали небольшие стычки с нашими; но с тех пор, как Цезарь окружил со всех сторон их город на пятнадцать миль в окружности валом в двенадцать футов вышиной и заложил во многих местах редуты на небольшом расстоянии друг от друга, они перестали выходить из города. А как только они увидели, что против них двигают галереи, насыпана плотина и сооружена вдали башня, то они стали насмехаться и громко издеваться, что такую громадную машину строят на таком далеком расстоянии: *где же руки и силы – особенно у таких маленьких людей, – с которыми они надеются поставить такую тяжелую башню на стену?* Надо сказать, что галлы при их высоком росте большей частью относятся к нашему небольшому росту с презрением.

XXXI

Но как только они увидели, что эта башня действительно движется и приближается к их стенам, это невиданное и необычайное зрелище так поразило их, что они отправили к Цезарю послов с предложением мира. Послы говорили следующее: *они убедились в том, что римляне ведут войну с божественной помощью, если они способны двигать вперед столь высокие сооружения с такой быстротой; поэтому они отдаются им на милость со всем своим достоянием. Об одном они убедительно просят: в случае, если Цезарь с свойственной ему милостью и кротостью, о которой они слышаны от других, признает нужным помиловать адуатукков, то пусть он не лишает их оружия. К ним враждебны почти все их соседи и завидуют их храбрости. По выдаче оружия они не в состоянии будут защищаться от них. Раз они уже доведены до такой крайности, им лучше сносить какую угодно участь от римского народа, чем мучительно погибать от тех, над которыми они до сих пор привыкли господствовать.*

XXXII

На это Цезарь отвечал: *скорее по своему обыкновению, чем по их заслугам, он готов помиловать их народ, если, однако, они сдадутся прежде, чем таран коснется их стены. Но сдача возможна только под условием выдачи оружия. Он сделает то же, что сделал по отношению к нервиям, именно – запретит соседним народам чинить какие-либо обиды людям, сдавшимся римскому народу.* Послы сообщили об этом своим, и те заявили, что исполнят это требование. Множество оружия было сброшено со стены в ров, находившийся перед городом, так что груды его достигали верхнего края стены и вершины вала; но все-таки около трети, как выяснилось впоследствии, было спрятано и удержано в городе. Как бы то ни было, они открыли ворота римлянам, и горожане провели этот день в мире.

XXXIII

Под вечер Цезарь приказал запереть ворота, а солдатам выйти из города, чтобы горожане не подверглись ночью каким-либо обидам с их стороны. Но у адуатуков, как оказалось, уже заранее был обдуман свой план, а именно: они решили, что по случаю сдачи наши выведут из редутов охрану или же наконец будут сторожить не очень зорко; и вот, отчасти с тем оружием, которое они скрыли и удержали в городе, отчасти со щитами, сделанными из коры или из прутьев и за краткостью времени наспех покрытыми кожей, они вдруг в третью стражу сделали из города вылазку там, где подъем на наши укрепления казался особенно легким. Согласно с приказом, который Цезарь отдал раньше, быстро дан был сигнальный огонь, и по этому сигналу туда сбежались солдаты из ближайших редутов. Враги сражались так ожесточенно, как и должны были сражаться храбрые люди, когда почти не оставалось надежды на спасение или же она зависела исключительно от храбрости; они занимали невыгодную позицию и имели дело с противником, который обстреливал их снарядами с вала и башен. Около четырех тысяч человек было убито, остальные были отброшены в город. На следующий день были взломаны ворота при отсутствии защитников, солдаты были введены в город, и Цезарь приказал всю военную добычу с этого города продать с аукциона. Число проданных жителей, о котором ему было доложено покупателями, было пятьдесят три тысячи человек.

XXXIV

В то же самое время П. Красс, посланный с одним легионом против венетов⁵¹, венеллов⁵², осисмов⁵³, куриосолитов, эсубиев⁵⁴, аулерков⁵⁵ и редонов⁵⁶ (все это приморские общины, жившие по берегу Океана), известил Цезаря о том, что все они теперь подчинены владычеству римского народа.

⁵¹ Венеты (Veneti) – могущественная ареморийская община, н. Vannes.

⁵² Венеллы (Venelli) – ареморийская община в Северо-Западной Нормандии.

⁵³ Осисмы (Osismi) – ареморийское племя.

⁵⁴ Эсубии (Esubii) – народ в Кельтской Галлии, н. Essey в Нормандии.

⁵⁵ Аулерки (Aulerci) – группа приморских племен Кельтской Галлии, в состав которой входили четыре племени: 1) бранновики, клиенты эдзев; 2) диаблинты в провинции Le Maine, dépr. Mayenne; 3) кеноманы, южнее диаблинтов, севернее туронов, 4) эбуровики, к северо-востоку от диаблинтов, в Нормандии и части Иль-де-Франса.

⁵⁶ Редоны (Redones) – ареморийское племя.

XXXV

В результате всех этих операций была замирена вся Галлия, и об этой войне среди варваров пошла такая слава, что зарейнские народы отправили к Цезарю послов с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Так как Цезарь спешил в Италию и Иллирию, то он приказал этим посольствам вернуться к нему в начале лета. А сам он отвел легионы на зимние квартиры в области карнутов⁵⁷, андов⁵⁸ и туронов⁵⁹ и тех соседних с ними общин, где он вел войну, и затем отправился в Италию. По случаю этих событий сенатом на основании донесения Цезаря было определено пятнадцатидневное молебствие – отличие, которое до сих пор никому не выпадало на долю.

⁵⁷ Карнуты (Carnutes) – галльское племя между Сеной и Луарой, н. Chartres, их столица Кенаб.

⁵⁸ Анды (Andes или Andi) – галльское племя к северу от Луары, в нынешнем Anjou, dépt. Maine-et-Loire.

⁵⁹ Туроны (Turoni) – племя в Кельтской Галлии по нижнему течению Лигера, н. Touraine с городом Tours.

Книга третья

Содержание

- Борьба с альпийскими племенами (гл. 1–6).
- Морская война с ареморийскими племенами (гл. 7–16).
- Победа Титурия Сабина над венеллами (гл. 17–19).
- Победа П. Красса над аквитанами (гл. 20–27).
- Поход Цезаря против моринов и менапиев (гл. 28–29)

I

Отправляясь в Италию, Цезарь послал Сервия Гальбу с 12-м легионом и частью конницы к нантуатам⁶⁰, вараграм⁶¹ и седунам⁶², области которых простираются от границ аллобругов, Леманнского озера и реки Родана до гребня Альп. Целью посылки было сделать свободной дорогу через Альпы, на которой купцы обыкновенно подвергались большим опасностям и должны были платить большие пошлины. Он позволил Гальбе в случае надобности расквартировать в этих местах легион на зиму. После нескольких удачных сражений с горцами и захвата у них некоторых укрепленных пунктов они отовсюду прислали к Гальбе послов, выдали заложников и заключили мир. Тогда он решил поместить две когорты у нантуатов, а сам с остальными когортами этого легиона остался зимовать у варагров в селении Октодуре. Оно лежит в долине, к которой примыкает небольшая равнина, и со всех сторон окружено очень высокими горами. Селение это разделяет пополам река. Одну часть его Гальба уступил галлам, а другую, которую они очистили, отвел под зимний лагерь своих когорт и все это место укрепил валом и рвом.

⁶⁰ Нантуаты (Nantuates) – племя в Кельтской Галлии, соседнее с Провинцией.

⁶¹ Варагры (Varagri) или верагры (Veragri) – кельтское племя в юго-западной части кантона Wallis.

⁶² Седуны (Seduni) – альпийское племя в Кельтской Галлии, соседнее с вараграми (ср. н. Sion) в кантоне Валлисе).

II

Прошло несколько дней зимовки, и он уже приказал свозить туда хлеб, как вдруг разведчики дали ему знать, что из той части, которую он уступил галлам, все жители ночью ушли и господствующие высоты заняты огромными полчищами седунов и варагров. Что галлы так внезапно задумали возобновить войну и уничтожить легион, на это было много причин: прежде всего, они презирали малочисленность этого легиона, который вдобавок был далеко не в полном составе, так как целых две когорты были из него выделены, и кроме того, не было налицо многих солдат, которых небольшими группами послали за провиантом. Далее, галлы полагали, что когда они будут сбегать с гор и стрелять в наших, то мы вследствие неудобства позиции будем не в состоянии выдержать даже их первый натиск. К тому же галлы были огорчены уводом их детей в заложники и были убеждены в том, что римляне пытаются занять альпийские горы не только с целью обеспечить себе дороги, но и навсегда закрепить их за собой и присоединить к своим владениям эту страну как соседнюю с Провинцией.

III

Ко времени получения этих известий еще не были вполне закончены работы по устройству и укреплению лагеря; а так как Гальба после состоявшейся сдачи горцев и приема от них заложников не имел никаких оснований бояться возобновления военных действий, то и не было принято мер к обеспечению войска хлебом и другим провиантом. Поэтому он немедленно созвал военный совет и стал собирать голоса участников. Эта грозная и внезапная опасность наступила вопреки всем ожиданиям, и уже почти все высоты на глазах у наших были заняты массой вооруженных врагов; дороги были, следовательно, отрезаны, и невозможно было ни получить помощь, ни подвезти провиант. Ввиду всего этого общее положение представлялось почти безнадежным, и на этом военном совете раздавались даже такие голоса, что надо оставить обоз, сделать вылазку и пробиться по той дороге, по которой они сюда пришли. Однако большинство постановило прибегнуть к этому средству только в крайнем случае, а покамест выжидать исхода дела и защищать лагерь.

IV

Едва успели отдать необходимые распоряжения для исполнения этого постановления, как враги вскоре по данному сигналу стали отовсюду сбегать с высот и обсыпать вал камнями и копьями. Наши сначала со свежими силами храбро отбивались и со своей более высокой позиции обстреливали врагов без промаха; когда какая-либо часть лагеря под напором врагов оказывалась без защитников, они спешили туда на помощь; но они были слабее тем, что враги в случае утомления продолжительностью боя могли оставлять сражение и их место заступали люди с свежими силами; тогда как для наших при их малочисленности это было совершенно невозможно: у нас не только утомленные не могли выйти из сферы боя, но даже раненым нельзя было отступить и оставлять то место, где они стояли.

V

Бой продолжался уже больше шести часов без перерыва, и у наших не хватало не только сил, но даже и снарядов. Наоборот, враги все сильнее наступали и уже начали, пользуясь нашим изнурением, ломать вал и засыпать рвы. Таким образом, положение сделалось критическим. Тогда первый центурион П. Секстий Бакул, который, как мы говорили, был изранен в сражении с нервиями, а также военный трибун Г. Волусен, человек столько же осмотрительный, сколько храбрый, поспешили к Гальбе и указали ему, что единственная надежда на спасение – это прорваться и рискнуть на крайнее средство. Поэтому Гальба созвал центурионов и немедленно отдал приказ солдатам прервать на некоторое время сражение, лишь принимать на себя пускаемые врагом снаряды и таким образом отдохнуть от напряжения, а затем по данному сигналу они должны прорваться, полагаясь, однако, исключительно на свою храбрость.

VI

Как им было приказано, так они и поступили: они вдруг бросились из всех ворот и не дали врагу времени ни понять, что происходит, ни собраться в одно место. Счастье переменилось, и врагов, которые надеялись, что лагерь уже в их руках, наши со всех сторон обошли и перебили; из с лишком тридцати тысяч варваров (именно в этом количестве они, как установлено было, наступали на наш лагерь) больше трети было убито; остальные обратились в паническое бегство, и им не дали утвердиться даже на высотах. Таким образом, разбив и обезоружив все неприятельские полчища, наши солдаты вернулись в свой лагерь и укрепления. Но после этого сражения Гальба не пожелал слишком часто испытывать счастье и не забывал, что то положение, в которое он попал, не соответствовало цели его зимовки. Кроме того, он ощущал большую нужду в хлебе и другом провианте. Поэтому на следующий же день он сжег в этом селении все усадьбы и направился назад в Провинцию. На этом пути он не встретил ни малейшей помехи и задержки со стороны неприятелей и благополучно провел свой легион в область нантуатов, а затем аллоброгов, где и перезимовал.

VII

После этого Цезарь имел все основания считать Галлию вполне замиренной: действительно, была одержана победа над бельгами, прогнаны за Рейн германцы и в Альпах побеждены седуны. Поэтому он отправился в начале зимы в Иллирию, желая посетить и эти племена и познакомиться с их страной, как вдруг в Галлии вспыхнула война по следующему поводу. Молодой П. Красс зимовал с 7-м легионом у самых берегов Океана, в стране андов. Так как в этих местах было мало хлеба, то он разослал по соседним общинам за провиантом нескольких командиров конницы и военных трибунов. Между прочим, Т. Террасидий был послан к эсубиям, М. Требий Галл – к куриосолитам, Кв. Веланий с Т. Силием – к венетам.

VIII

Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю. Они начали с того, что задержали Силия и Велания в уверенности, что через них они вернут своих заложников, выданных ими Крассу. Их примеру последовали и их соседи: со свойственной галлам склонностью поспешно и внезапно принимать решения они задержали с той же целью Требия и Таррасидия, немедленно разослали повсюду послов и через своих князей дали друг другу клятву – делать все не иначе, как сообща, и всякую участь делить вместе. Кроме того, они подняли на ноги и другие общины, убеждая их лучше оставаться верными свободе, унаследованной от предков, чем выносить римское рабство. Таким образом, они быстро склонили на свою сторону население всего морского побережья и затем сообща отправили к П. Крассу посольство с предложением вернуть им их заложников, если он желает получить назад своих людей.

IX

Когда Цезарь получил от Красса известие об этом, он был слишком далеко от него. Поэтому он приказал строить тем временем военные корабли на реке Лигере, впадающей в Океан, организовать в Провинции комплект гребцов и набирать матросов и кормчих. Все это было скоро исполнено, и он поспешил сам к войску, как только это оказалось возможным по времени года. Венеты и их союзники понимали, какое преступление они совершили, задержав и заключив в оковы послов, звание которых всегда и у всех народов было священным и неприкосновенным; и поэтому при известии о приближении Цезаря они стали готовиться к войне соответственно с опасностью, которой она угрожала; главным же образом они стали приводить в боевую готовность свой флот, возлагая на него тем большие надежды, что они были уверены в естественных выгодах своей страны. Они знали, что их сухопутные дороги перерезаны лагунами, а плаванье затруднительно по незнакомству с местностью и вследствие малочисленности гаваней; они были уверены также, что наши войска не могут слишком долго задержаться у них из-за недостатка провианта; и если бы даже все происходило вопреки их ожиданиям, то за ними остается численный перевес в кораблях, между тем как римляне ими не располагают, и, кроме того, в тех местностях, в которых им предстоит вести войну, они не знают ни отмелей, ни гаваней, ни островов; да и самое плаванье в закрытом море – совсем иное дело, чем в безбрежном, всюду открытом Океане. Согласно с принятым решением они укрепляют города, свозят в них хлеб из деревень, стягивают как можно больше кораблей в Венетию, где Цезарь, несомненно, должен был начать военные действия. Для совместного ведения этой войны они принимают в союзники осисмов, лексовиев⁶³, намнетов⁶⁴, амбилиатов⁶⁵, моринов, диаблинтов⁶⁶, менапиев, а вспомогательные войска берут из противоположащей Британии.

⁶³ Лексовии (Lexovii) – галльское приморское племя в Нормандии, н. Lesieux.

⁶⁴ Намнеты (Namnetes) – племя в Кельтской Галлии.

⁶⁵ Амбилиаты (Ambiliati) – племя в Бельгийской Галлии, союзники венетов, жившие в районе н. Аббевиля.

⁶⁶ Диаблинты (Diablintes) – см. Аулерки.

Х

Указанные трудности ведения войны, несомненно, были налицо; тем не менее многое побуждало Цезаря к тому, чтобы начать ее, а именно: насильственное задержание римских всадников, возобновление войны после капитуляции, отпадение после выдачи заложников, тайный союз стольких общин, особенно же опасение, что и остальные племена сочтут для себя то же самое дозволенным, если он здесь не примет решительных мер. И вот, понимая, что почти все галлы падки на все новое и очень легко и быстро поддаются подстрекательству к войне (вообще люди от природы стремятся к свободе и ненавидят рабство), он решил разделить свое войско и распределить его по возможно более широкому району прежде, чем еще большее число племен вступит в тайный союз.

XI

Поэтому он послал легата Т. Лабиена с конницей в страну треверов, живущих у самого Рейна, с поручением побывать у ремов и остальных бельгов и держать их в повиновении, а также отразить германцев (которых, по слухам, пригласили к себе на помощь бельги) в случае, если они силой попытаются переправиться на кораблях через реку. Затем П. Крассу он отдал приказ отправиться с двенадцатью легионными когортами и многочисленной конницей в Аквитанию, чтобы воспрепятствовать посылке вспомогательных войск отсюда в Галлию и соединению этих больших народностей. Легата Кв. Титурия Сабина он отправил с тремя легионами в страну венеллов, куриосолитов и лексовиев, чтобы по мере возможности разъединять их боевые силы. Наконец, молодой Д. Брут был назначен командиром флота и галльских кораблей, которые по приказу Цезаря должны были собраться туда из страны пиктонов⁶⁷, сантонов и из прочих замиренных местностей. Бруту дан был приказ как можно скорее напасть на венетов. Сам Цезарь поспешил туда со своей сухопутной армией.

⁶⁷ Пиктоны (Pictones) – племя в Кельтской Галлии (ср. н. Poitou); их город Lemonum, н. Poitiers.

XII

Тамошние города обыкновенно были расположены на конце косы или на мысу, и к ним нельзя было подойти ни с суши, так как два раза в день, через каждые двенадцать часов, наступал морской прилив, ни с моря, так как при наступлении отлива корабли терпели большие повреждения на мели. Таким образом, то и другое затрудняло осаду городов. И если удавалось взять верх над жителями сооружением огромной насыпи и плотин, которые отбивали волны и достигали высоты городской стены, заставляя их отчаиваться в своем спасении, тогда они пригоняли множество судов, которые были у них в изобилии, увозили на них все свои пожитки и укрывались в ближайших городах. Там они снова оборонялись, пользуясь теми же выгодами местоположения. Все это тем легче удавалось им в течение значительной части лета, что наши корабли задерживались бурями и вообще плаванье по безбрежному и открытому морю с высокими волнами его приливов и при редкости и даже почти при полном отсутствии гаваней было чрезвычайно затруднительно.

ХІІІ

Надо сказать, что их собственные корабли были следующим образом построены и снаряжены: их киль был несколько более плоским, чтобы легче было справляться с мелями и отливами; носы, а равно и кормы были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения; ребра корабля были внизу связаны балками в фут толщиной и скреплены гвоздями в палец толщиной; якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов на кораблях была грубая или же тонкая дубленая кожа, может быть, по недостатку льна и неумению употреблять его в дело, а еще вероятнее – потому, что полотняные паруса представлялись недостаточными для того, чтобы выдерживать сильные бури и порывистые ветры Океана и управлять такими тяжелыми кораблями. И вот когда наш флот сталкивался с этими судами, то он брал верх единственно быстротой хода и работой гребцов, а во всем остальном галльские корабли удобнее приспособлены к местным условиям и к борьбе с бурями. И действительно, наши суда не могли им вредить своими носами (до такой степени они были прочными); вследствие их высоты нелегко было их обстреливать; по той же причине не очень удобно было захватывать их баграми. Сверх того, когда начинал свирепеть ветер и они все-таки пускались в море, им было легче переносить бурю и безопаснее держаться на мели, а когда их захватывал отлив, им нечего было бояться скал и рифов. Наоборот, все подобные неожиданности были очень опасны для наших судов.

XIV

По завоевании нескольких городов Цезарь убедился, что все это напрасный труд, что даже захват городов не останавливает бегства неприятелей и вообще им нельзя причинить вред. Поэтому он решил дожидаться своего флота. Как только он пришел и показался врагам на глаза, около двухсот двадцати вполне готовых к бою и во всех отношениях отлично снаряженных кораблей вышли из гавани и стали против наших. Ни командир всего флота Брут, ни командовавшие отдельными кораблями военные трибуны и центурионы не могли решить, что им делать и какой тактики держаться в бою. Они знали по опыту, что корабельными носами повредить неприятелю нельзя, а если они и устанавливали на своих судах башни, то они не достигали высоты неприятельских корм, и, таким образом, обстрел их с более низкого пункта был не вполне действителен, тогда как галльские снаряды били с большей силой. Одно только наше приспособление оказалось очень полезным – острые серпы, вставленные в шесты и прикрепленные к ним, приблизительно вроде стальных серпов. Когда ими захватывали и притягивали к себе канаты, которыми реи прикреплялись к мачтам, то начинали грести и таким образом разрывали их. Тогда реи неизбежно должны были падать, и лишенные их галльские корабли, в которых все было рассчитано на паруса и снасти, сразу становились не годными в дело. Дальнейшая борьба зависела исключительно от личной храбрости, в которой наши солдаты имели тем больший перевес, что сражение шло на глазах Цезаря и всего войска и, следовательно, ни одно сколько-нибудь значительное проявление геройства не могло остаться незамеченным, ибо все ближайшие холмы и высоты, с которых открывался вид на море, были заняты нашим войском.

XV

Когда реи, как мы указали, бывали сбиты, то по два и по три наших корабля окружали один неприятельский, и солдаты, напрягая все силы, старались перейти на неприятельские корабли. Когда таким образом было взято с бою несколько кораблей и варвары заметили, что против этого все средства были бессильны, они поспешили спастись бегством. Но когда они уже повернули свои корабли в направлении ветра, вдруг наступило на море такое безветрие и такая тишина, что они не могли двинуться с места. Эта случайность особенно содействовала окончанию всего предприятия: гонясь за неприятельскими кораблями, наши захватывали их один за другим, так что изо всей их массы только очень немногие достигли при наступлении ночи берега после сражения, продолжавшегося приблизительно с четвертого часа дня до захода солнца.

XVI

Это сражение положило конец войне с венетами и со всем побережьем. Ибо туда сошлись все способные носить оружие, даже пожилые люди, обладавшие хоть некоторым умом и влиянием; в этом же пункте были отовсюду собраны все корабли, которые только были в их распоряжении. Все это погибло, и уцелевшим некуда было укрыться и неизвестно, как защищать города. Поэтому они со всем своим достоянием сдались Цезарю. Он решил строго покарать их, чтобы на будущее время варвары относились с большим уважением к праву послов, и приказал весь их сенат казнить, а всех остальных продать с аукциона.

XVII

Так шли дела в стране венетов. Тем временем Титурий Сабин прибыл с теми войсками, которые он получил от Цезаря, в страну венеллов. Во главе их стоял Виридовик; он же был главнокомандующим всех вообще отпавших племен, у которых он набрал войско и большие вспомогательные силы; за последние дни также и аулерки, эбуровики⁶⁸ и лексовии перебили свой сенат за его нежелание согласиться на эту войну, заперли ворота и соединились с Виридовиком. Кроме того, сюда сошлись во множестве со всей Галлии люди отчаянные и разбойники, которых отвлекала от земледелия и повседневного труда надежда на добычу и страсть к войне. Сабин спокойно стоял в лагере на позиции, во всех отношениях выгодной, несмотря на то что Виридовик, утвердившийся против него в двух милях, ежедневно выводил против него свои войска и готов был дать сражение. В конце концов не только враги стали презирать Сабина, но даже и наши солдаты нередко задирали его своим злословием; и вообще он до такой степени внушил мнение о своей трусости, что враги осмеливались подходить уже к самому валу его лагеря. Это он делал на том основании, что легат, по его мнению, особенно в отсутствие главнокомандующего, мог бы дать решительное сражение столь превосходным силам врага только на удобной позиции и вообще при особо благоприятных условиях.

⁶⁸ Эбуровики (Eburovices) – см. Аулерки.

XVIII

Укрепив за собой репутацию труса, он выбрал в своих вспомогательных войсках одного ловкого и подходящего для дела галла. Большими подарками и обещаниями он склонил его к тому, чтобы перейти к врагу, и дал ему точные указания относительно того, что от него требуется. Галл пришел к неприятелям как перебежчик и изобразил им страх римлян, сообщил также, как венеты теснят Цезаря и что не далее ближайшей ночи Сабин должен тайно вывести из лагеря свое войско и отправиться на помощь к Цезарю. Как только там это услышали, все подняли крик, что нельзя упускать такого благоприятного случая, но надо идти на штурм лагеря. Многие склоняло галлов к такому решению: колебания Сабина в предыдущие дни, ручательство перебежчика, недостаток съестных припасов, о которых они мало позаботились, надежда на успех венетской войны, наконец, и то, что люди вообще охотно верят тому, что они желают. Под влиянием всего этого они не выпускали из собрания Виридовика и остальных вождей, пока им не будет разрешено взяться за оружие и идти на штурм лагеря. Этому разрешению они обрадовались так, как будто бы победа была уже в их руках; они набрали хворосту и фашичника, чтобы завалить им римские рвы, и двинулись на лагерь.

XIX

Римский лагерь стоял на возвышенности, которая постепенно поднималась [снизу] на протяжении около одной мили. Они бросились сюда бегом, чтобы совсем не дать римлянам времени собраться и вооружиться для отпора, и добежали, еле переводя дыхание. Сабин ободрил своих и дал сигнал к бою, которого они страстно желали. Так как враги были связаны ношей, которая была с ними, то он приказал своим внезапно напасть на них из двух ворот сразу. Выгодное местоположение, неосведомленность и изнурение неприятеля, храбрость солдат и опытность, приобретенная ими в прежних сражениях, привели к тому, что неприятели не выдержали даже первого нашего натиска и тотчас же обратились в бегство. Преследовавшие их со свежими силами наши солдаты перебили множество их при их неспособности к сопротивлению; остальных догнали всадники, от которых спаслись очень немногие, именно те, которые успели ускользнуть из бежавшей массы. Таким образом, одновременно Сабин получил известие о морском сражении, а

Цезарь – о победе Сабина, и все общины немедленно сдались Титурию Сабину. Действительно, насколько галлы бодро и решительно начинают войну, настолько же они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач.

XX

Почти в то же самое время П. Красс прибыл в Аквитанию, которая, как сказано было раньше, по своему протяжению и населению составляет приблизительно треть всей Галлии. Принимая во внимание, что ему придется вести войну в таких местах, где немного лет тому назад был разбит и убит легат Л. Валерий Преконин и откуда спасся бегством после потери всего обоза проконсул Л. Маллий, он понимал, что ему необходимо было действовать с величайшей осторожностью, и вот он обеспечил себя провиантом, набрал конницу и вспомогательные войска и, кроме того, вызвал поименно много храбрых ветеранов из Толосы, Каркассона и Нарбона, городов Провинции Галлии, лежащих по соседству с этими местами, а затем вступил со своими войсками в страну сотиатов⁶⁹. При известии о его приближении сотиаты собрали большое войско и конницу, составлявшую их главную силу, напали на наш отряд во время его движения и завязали прежде всего конное сражение, а когда наши отбросили конницу и стали ее преследовать, они внезапно появились со своими пешими силами из лощины, где они были в засаде. Напав на наши разрозненные части, они возобновили сражение.

⁶⁹ Сотиаты (Sotiates) – аквитанское племя по левому берегу Гаронны, н. Sös. dép. Gers.

XXI

Оно длилось долго и было упорным, так как сотиаты, полагаясь на свои прежние победы, понимали, что исключительно от их храбрости зависит спасение всей Аквитании, а наши солдаты очень желали показать, на что они способны в отсутствие главнокомандующего, без поддержки остальных легионов и под предводительством очень молодого командира. Наконец враги, изнемогая от ран, обратились в бегство. Перебив большое число их, Красс тут же с похода начал осаду их города. Вследствие их храброго сопротивления он двинул на них подвижные галереи и башни. Они отчасти пытались делать вылазки либо подводили подкопы под наш вал и галереи: в этом деле они имеют очень большую опытность, так как у них в разных местах много медных рудников и каменоломен. Но, заметив, что все эти меры ни к чему не приводят ввиду нашей бдительности, они отправили к Крассу послов с просьбой принять их на капитуляцию. Эта просьба была уважена под условием выдачи оружия, что они и сделали.

XXII

В то время как внимание римлян было направлено исключительно на эту капитуляцию, из другой части города главный вождь сотиатов Адиатунн попытался сделать вылазку во главе отряда из шестисот «преданных», которых галлы называют «солдуриями». Их положение таково: они обыкновенно пользуются всеми благами жизни сообща с теми, чьей дружбе они себя посвятили; но если этих последних постигнет насильственная смерть, то солдурии разделяют их участь или же сами лишают себя жизни; и до сих пор на памяти истории не оказалось ни одного такого солдурия, который отказался бы умереть в случае умерщвления того, кому он обрек себя в друзья. Вот с ними-то и попытался прорваться Адиатунн. Но на этой стороне наших укреплений подняли крик, солдаты сбежались к оружию, и после ожесточенного сражения Адиатунн был отброшен в город. Впрочем, он добился от Красса тех же условий сдачи, как и другие.

XXIII

По выдаче оружия и заложников Красс двинулся в сторону вокатов и тарусатов. Только тогда на варваров произвела глубокое впечатление весть о том, что город, укрепленный и природой, и человеческим искусством, был взят римлянами через несколько дней после их прихода. Они стали рассылать повсюду посольства, заключать тайные союзы, обмениваться заложниками и набирать войско. Даже к пограничным с Аквитанией общинам Ближней Испании были отправлены послы: отсюда они пригласили к себе не только вспомогательные войска, но и вождей. С их прибытием они начали снова вести войну с большой решительностью и при наличии крупных боевых сил. В вожди были выбраны люди, все время служившие под знаменами Кв. Сертория и считавшиеся большими знатоками военного дела. По примеру римлян они стали выбирать удобные позиции, укреплять лагерь, отрезывать наших от подвоза. Красс понял, что его собственный отряд ввиду его малочисленности неудобно дробить, что враги рыскают всюду, занимают дороги и все-таки оставляют достаточное прикрытие для своего лагеря, а потому подвоз хлеба и прочего провианта становится для него все более и более затруднительным, тогда как численность врагов увеличивается со дня на день. Поэтому он решил безотлагательно дать генеральное сражение. Доложив об этом военному совету и увидев, что все того же мнения, он назначил сражение на следующий день.

XXIV

На рассвете он вывел все свое войско, выстроил его в две линии, поместив вспомогательные отряды в центре, и стал ждать, что предпримут враги. Последние ввиду своего численного превосходства и старой военной славы, а также вследствие нашей малочисленности были уверены в том, что решительный бой не будет для них опасен; но еще более безопасным представлялось им занять дороги, отрезать подвоз и таким образом одержать бескровную победу, именно – в случае, если бы римляне за недостатком съестных припасов начали отступать, они рассчитывали напасть на них (с еще большей уверенностью в своих силах) во время похода, когда они, помимо других затруднений, будут обременены поклажей. Этот план был одобрен вождями; поэтому, хотя римляне и вывели свое войско, галлы держались спокойно в своем лагере. Но их колебания и кажущийся страх только повысили бодрость и боевой пыл у наших солдат, и отовсюду стали слышаться голоса, что нечего больше ждать, но пора идти на лагерь. Понявший намерения врагов, Красс ободрил своих и, к их общему удовольствию, быстро двинулся на лагерь врагов.

XXV

Там одни стали засыпать рвы, другие градом снарядов старались выбивать с вала и из укреплений их защитников, а солдаты вспомогательных отрядов, которым Красс не придавал большого боевого значения, подавали камни и снаряды, носили дерн для вала и этим с виду могли быть приняты за бойцов; но и враги сражались стойко и бесстрашно, и их снаряды, пускаемые сверху, попадали в цель. Но римские всадники, успевшие объехать неприятельский лагерь, донесли Крассу, что у задних ворот он укреплен не с такой же тщательностью, как в других местах, и легко может быть атакован.

XXVI

Красс посоветовал командирам конницы подбодрить своих людей большими наградами и обещаниями и дал им необходимые указания. Те, как и было приказано, вывели когорты, оставленные для прикрытия лагеря и до сих пор не бывшие в деле, повели их дальним и кружным путем так, чтобы их не было видно из неприятельского лагеря, и, пользуясь тем, что все внимание врага было устремлено на сражение, быстро достигли указанных укреплений. Они прорвали их и утвердились в неприятельском лагере прежде, чем враги могли даже заметить их и понять, в чем дело. Теперь, когда наши услышали крик с той стороны, они с обновленными силами, как это обыкновенно бывает в ожидании победы, еще смелее ударили на врага. Обойденные со всех сторон, неприятели в полном отчаянии стали бросаться из своих укреплений и поспешно спасаться бегством. Их преследовала на совершенно открытой местности конница, вернувшаяся в лагерь только поздно ночью. Из пятидесяти тысяч человек, которые, по точным сведениям, собрались сюда из Аквитании и от кантабров⁷⁰, уцелела едва одна четверть.

⁷⁰ Кантабры (Cantabri) – племя в Ближней Испании.

XXVII

При известии об этом сражении большая часть Аквитании сдалась Крассу и сама послала ему заложников. В числе сдавшихся были тарбеллы⁷¹, бигеррионы⁷², птиании⁷³, вокаты⁷⁴, тарусаты⁷⁵, элусаты⁷⁶, гаты⁷⁷, ауски⁷⁸, гарумны⁷⁹, сибузаты⁸⁰, кокосаты⁸¹. Лишь несколько отдаленных народностей пренебрегли этим, полагаясь на время года, так как уже приближалась зима.

⁷¹ Тарбеллы (Tarbelli) – аквитанское племя, жившее на реке Атуре (Adour), н. Tarbes, départment. Hautes-Pyrénées.

⁷² Бигеррионы (Bigerriones) – аквитанское племя на реке Адур, в Hautes-Pyrénées.

⁷³ Птиании (Pitiani) – аквитанское племя у подошвы Пиренеев.

⁷⁴ Вокаты (Vocates) – аквитанское племя на нижнем течении Гаронны.

⁷⁵ Тарусаты (Tarusates) – аквитанское племя между со(н)тиатами и тарбеллами, (ср. н. Tartas, départment. Landes).

⁷⁶ Элусаты (Elusates) – аквитанское племя.

⁷⁷ Гаты (Gates) – аквитанское племя в нынешнем Gauge.

⁷⁸ Ауски (Ausci) – аквитанское племя в Гаскони.

⁷⁹ Гарумны (Garumni) – аквитанский народ у истоков Гаронны.

⁸⁰ Сибузаты (Sibuzates) – приморское племя в Аквитании.

⁸¹ Кокосаты (Cocosates) – народ в Аквитании.

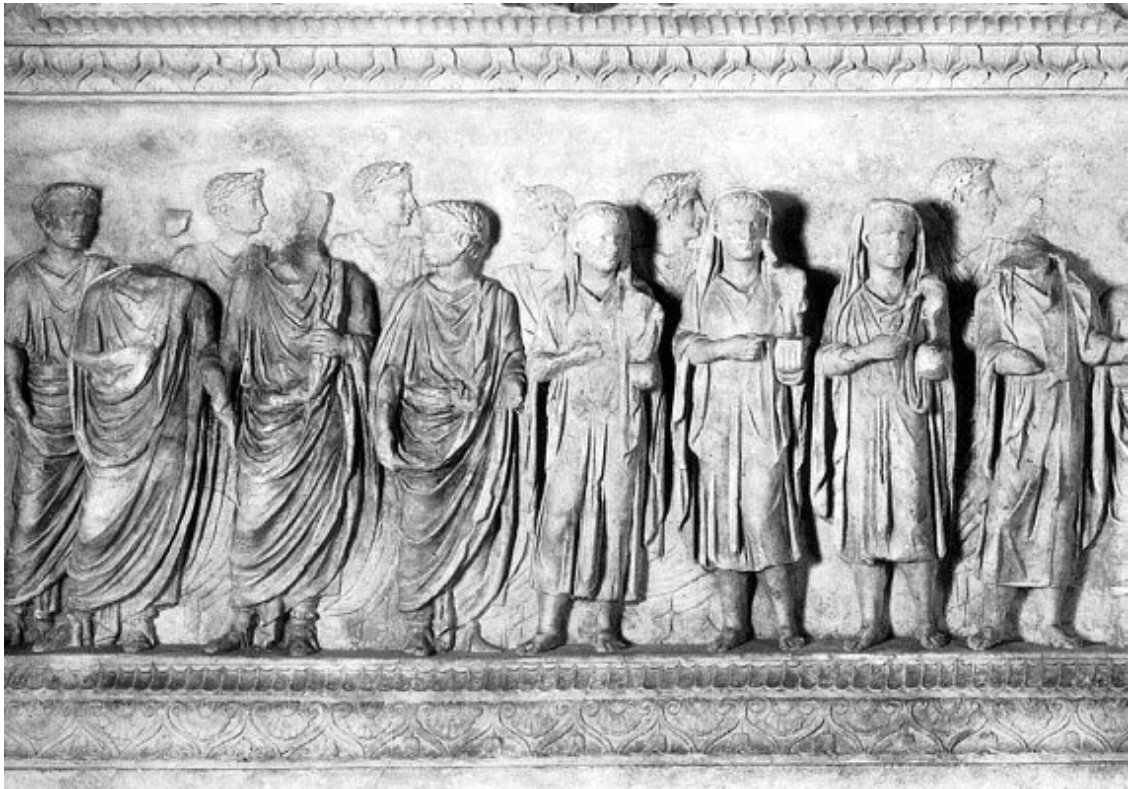
XXVIII

После покорения всей Галлии только морины и менапии еще стояли под оружием и вообще ни разу не присылали к Цезарю мирного посольства. Хотя лето было на исходе, но Цезарь повел туда свое войско в надежде скоро окончить эту войну. Однако эти племена стали вести войну совсем иначе, чем остальные галлы. Так как они видели, что даже самые большие народности в открытом бою с римлянами потерпели полное поражение, то они со всем своим достоянием укрылись в сплошных лесах и болотах своей страны. Когда Цезарь подошел к началу этих лесов и стал укреплять там свой лагерь, врагов некоторое время не было видно; но как только наши разделились за работой на партии, они вдруг выскочили отовсюду из леса и напали на наших. Те немедленно схватились за оружие и отбросили их в леса, причем нескольких человек убили; но, попробовав преследовать их в местах, трудно проходимых, сами понесли некоторые потери.

XXIX

Затем в течение нескольких дней подряд по распоряжению Цезаря занимались рубкой леса. Чтобы на невооруженных солдат не могло быть нападений врасплох с флангов, он приказал все срубленные деревья повертывать верхушками к врагу и, накладывая их одно на другое, устраивать с обоих боков своего рода вал. В несколько дней с невероятной быстротой была готова целая большая полоса, и римляне уже захватили скот и хвост неприятельского обоза, но сами неприятели удалились в еще более густую чащу. Но тут наступила такая плохая погода, что работу пришлось по необходимости прекратить, и от непрерывных дождей солдаты дольше не могли жить в палатках. Тогда Цезарь опустошил все неприятельские поля, сжег все их селения и усадьбы, отвел войско назад и разместил его на зимних квартирах у аулерков и лексовиев, а также и у остальных племен, которые только что с ними воевали.

Книга четвертая

Содержание

Война с усипетами и тенктерами (гл. 1—15).
Первая переправа Цезаря через Рейн (гл. 16—19).
Первая переправа Цезаря в Британию (гл. 20—36).
Наказание моринов и менапиев (гл. 37—38)

I

Следующую зиму (это был год консульств Гн. Помпея и М. Красса) два германских племени – усипеты⁸² и тенктеры⁸³ – перешли большой массой через реку Рейн недалеко от его впадения в море. Причиной этого переселения было то, что они много лет страдали от свебов, которые беспокоили их войнами и мешали обрабатывать землю. Свебы – самый большой и самый воинственный народ в Германии. Говорят, что их страна состоит из ста пагов, каждый из которых ежегодно высылает за границу по тысяче вооруженных людей на войну. Остающиеся дома прокармливают и себя, и их; эти, в свою очередь, через год становятся под оружие, а те остаются дома. Таким образом, у них нет перерыва ни в обработке полей, ни в приобретении военных знаний и опытности. У них вовсе нет земельной собственности, и никому не позволяется больше года оставаться на одном месте для обработки земли. Питаются они сравнительно мало хлебом, а главным образом молоком и мясом своего скота. Кроме того, они проводят много времени на охоте. Она развивает их физические силы и сообщает им огромный рост благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине, и они делают только то, что им нравится. В конце концов они так себя закалили, что даже в самых холодных местностях надевают на себя только короткие шкуры, оставляющие значительную часть тела открытой, и купаются в реках.

⁸² Усипеты (Usipetes) – германское племя между Липпе и Нижним Рейном, соседнее с тенктерами.

⁸³ Тенктеры (Tencteri) – германское племя между Лупией (Lippe) и Рурой (Ruhr).

II

Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары. Даже привозных лошадей, до которых такие охотники галлы, покупающие их за большие деньги, германцы не употребляют, но в своих доморощенных, малорослых и безобразных лошадях развивают ежедневными упражнениями чрезвычайную выносливость. В конных сражениях они часто соскакивают с лошадей и сражаются пешими, а лошади у них приучены оставаться на месте, и в случае надобности они быстро к ним отступают. По их понятиям, нет ничего позорнее и трусливее, как пользование седлом. Поэтому, как бы их ни было мало, они не задумываются атаковать любое число всадников на оседланных конях. Вино они вообще не позволяют к себе ввозить, так как, по их мнению, оно изнеживает человека и делает его не способным выносить лишения.

III

По их понятиям, чем шире пустыни вокруг границ страны, тем больше для нее славы: это признак того, что многие другие народы не в состоянии бороться с ее силой. Так, на одной стороне области свебов, говорят, лежит пустыня около шести тысяч миль. На другой стороне с ними граничат убии, которые когда-то образовали обширное и цветущее государство, поскольку на это вообще способны германцы. Они несколько культурнее остальных своих сородичей, так как живут у самого Рейна; к ним часто приезжают купцы, да и сами они усвоили себе некоторые нравы своих соседей-галлов. Часто воевавшие с ними свебы не могли выгнать их из их страны вследствие ее больших размеров и могущества, но все-таки сильно принизили и ослабили их и сделали своими данниками.

IV

В том же положении оказались и вышеупомянутые усипеты и тенктеры, которые в течение многих лет сопротивлялись напору свебов, но в конце концов были изгнаны из своей земли и после трехлетних скитаний в разных местах Германии достигли Рейна. В этом районе жили менапии и по обоим берегам реки имели земли, дворы и селения; но, уstraшенные подходом такой массы, они выселились из своих дворов за реку, расставили по сю сторону Рейна вооруженные отряды и старались помешать переходу германцев. Те делали всевозможные попытки переправиться, но для форсирования реки у них не доставало судов, а пройти тайно они не могли из-за береговой охраны. Тогда они притворились, что возвращаются к себе на родину, но после трехдневного похода вернулись назад, сделали весь этот переход с своей конницей в одну ночь и совершенно неожиданно напали на менапиев, которые вследствие известий разведчиков об уходе германцев безбоязненно переселились за Рейн в свои деревни. Германцы перебили их, захватили их суда, переправились через реку прежде, чем об этом могла узнать находившаяся по сю сторону Рейна часть менапиев, и, захватив их хутора, прожили конец зимы их запасами.

V

Как только Цезарь был извещен об этом, он счел совершенно невозможным доверяться в этом деле галлам из боязни их слабохарактерности, так как они слишком скоры на решения и обыкновенно склонны ко всяким переменам. Действительно, у галлов есть привычка останавливать путешественников даже против их воли и расспрашивать их, что они о том или ином слышали или узнали; точно так же в городах народ окружает купцов и заставляет их рассказывать, из каких они стран и что они там узнали. Под впечатлением всех этих слухов и пустой болтовни они часто принимают решения по самым важным делам и, конечно, немедленно в них раскаиваются, так как верят неопределенным слухам, и большинство сообщает им в угоду прямые выдумки.

VI

Зная эту привычку, Цезарь отправился к войску ранее, чем обыкновенно, чтобы пресечь войну, пока она еще не приняла более опасного оборота. При своем прибытии он убедился в том, что его предположения подтвердились: некоторые племена уже отправили к германцам посольства с приглашением отступить от Рейна и с обещанием исполнить все их требования. Обнадеженные этими обещаниями, германцы расширили район своих набегов и уже вступили в область подчиненных треверам эбуронов и кондрусов. Цезарь вызвал к себе галльских князей, но счел нужным скрыть от них свои сведения; он просто успокоил и ободрил их, потребовал от них конницы и решил начать войну с германцами.

VII

Обеспечив себя продовольствием и набрав конницу, он пошел походом в те местности, в которых, по слухам, находились германцы. Когда он был на расстоянии нескольких дней пути от них, к нему пришли их послы со следующим заявлением: *германцы не начинают первыми войны с римлянами, но если их заденут, не отказываются от боя, так как, по унаследованному от предков обычаю, они дают отпор всякому нападающему врагу, а не упрашивают его. Но вот что они хотят сказать: не по доброй воле они пришли сюда, но изгнанниками из отечества; если римляне желают их дружбы, то они могут быть полезными для них друзьями; тогда пусть они отведут им земли или оставят за ними те, которыми они овладели с помощью оружия; они уступают только одним свебам, с которыми даже бессмертные боги не могут померяться; а кроме них, нет никого на свете, кого бы они не были в состоянии победить.*

VIII

На это Цезарь дал ответ, какой счел нужным, но конец его речи был таков: *у него не может быть никакой дружбы с ними, если они останутся в Галлии; несправедливо, чтобы чужую землю захватывали те люди, которые не могли защитить своей; да и нет в Галлии свободной земли, чтобы ее можно было дать им, особенно при таком их множестве, не обижая других; но если они хотят, они могут поселиться в стране убиев, послы которых теперь как раз находятся у него с жалобой на обиды свебов и с просьбой о помощи: об этом он отдаст приказ убиям.*

IX

Послы сказали, что сообщат об этом своим и по обсуждении этого предложения на третий день вернутся к Цезарю; а на это время они просили его не продвигаться вперед. Но Цезарь заявил им, что и на это он не согласен. Дело в том, что, по полученным им сведениям, несколько дней тому назад они послали за добычей и за провиантом большой конный отряд в страну амбиваритов⁸⁴ за Мосой: теперь они, предполагал он, поджидают возвращения этого отряда и именно с этой целью добиваются отсрочки.

⁸⁴ Амбивариты (Ambivariti) – племя в Бельгийской Галлии, жившее между менапиями и эбуронами.

Х

Моса зарождается в области лингонов в горном хребте Восеге, затем принимает в себя один из рукавов Рейна, по имени Вакал, образует с ним остров батавов⁸⁵ и приблизительно в восьмидесяти милях от него впадает в Океан. А Рейн зарождается в области альпийского народа лепонтиев⁸⁶, затем на большом протяжении течет с большой быстротой по земле нантуатов, гельветов, секванов, медиоматриков⁸⁷, трибоков и треверов. Недалеко от Океана он разделяется на несколько рукавов и образует много огромных островов; значительная часть из них населена дикими и варварскими народностями, из которых некоторые будто бы питаются только рыбой и птичьими яйцами. Наконец, многими устьями Рейн впадает в Океан.

⁸⁵ Батавы (Batavi) – германское племя, жившее между устьями Рейна и Мааса.

⁸⁶ Лепонтии (Lepontii) – племя Кельтской Ретии.

⁸⁷ Медиоматрики (Mediomatrici) – племя в Кельтской Галлии между треверами и леуками (ср. н. Metz).

XI

Когда Цезарь был не более чем в двенадцати милях от врага, к нему, как и было условлено, вернулись послы; встретив его на походе, они очень просили не двигаться дальше. Получив в этом отказ, они стали просить послать гонца к тем всадникам, которые образовали его авангард, и удержать их от сражения, а им разрешить отправить послов к убиям; если князя и сенат этого народа дадут им клятвенное ручательство, то они готовы принять предложение Цезаря, но для этого они просят у него три дня сроку. Цезарь понимал, что все это клонится к тому, чтобы выиграть эти три дня и дать вернуться отсутствующим всадникам; однако он заявил им, что продвинется вперед не более, чем на четыре мили за водой; пусть они соберутся туда на следующий день в большом числе: тогда он разберет их требования. А тем временем он послал начальникам всей конницы, шедшей в авангарде, приказ не нападать на врага, а если на них нападут, то ограничиться обороной, пока он сам не подойдет с главными силами.

XII

Наша конница состояла из пяти тысяч человек, а у неприятеля было налицо не более восьмисот всадников, так как те, которые переправились на другой берег Мосы за фуражом, еще не вернулись; тем не менее, как только они заметили наших всадников, они напали на них и быстро привели в замешательство: дело в том, что послы неприятелей незадолго до того ушли от Цезаря и просили перемирия именно на этот день; вот почему наши всадники не опасались никакого нападения. Когда они стали сопротивляться, те, по своему обыкновению, спешили и, подкалывая наших лошадей, многих из наших сбили с них, а остальных обратили в бегство и гнали в такой панике, что те перестали бежать только при появлении головного отряда нашей пехоты. В этом сражении было убито из наших всадников семьдесят четыре человека, в том числе храбрый и очень знатный аквитанец Писон, дед которого был некогда царем своего народа и получил от нашего сената титул друга. Поспешив на помощь к своему брату, которого окружили враги, он выручил его, но сам был сбит со своего раненого коня; тем не менее, пока был в состоянии, очень храбро защищался; наконец, окруженный врагами, он пал от ран. Когда его брат, бывший уже вне линии боя, издали заметил это, он во весь опор бросился на врагов и также был убит.

ХІІІ

После этого сражения Цезарь считал уже совершенно недопустимым выслушивать послы и принимать какие-либо предложения от людей, которые сначала лживо и коварно просили мира, а затем сами, без всякого повода, открыли военные действия; а ждать усиления неприятельского войска и возвращения конницы он признавал верхом безумия. Зная, далее, галльское непостоянство, он видел, как уже много выиграли в их глазах враги только одним этим сражением; разумеется, им нельзя было давать ни одной минуты на принятие каких-либо решений. После таких соображений он сообщил легатам и квестору свое решение не терять ни одного удобного дня для сражения. Но тут весьма кстати случилось, что на следующий день к Цезарю в лагерь явились в большом количестве – столь же вероломно и лицемерно – германцы вместе со своими князьями и старейшинами будто бы для извинения в том, что накануне их люди завязали сражение вопреки соглашению и их собственной просьбе, а также для того, чтобы по возможности обманно выпросить себе новую отсрочку. Цезарь был очень рад, что они попались ему в руки, и приказал их задержать; сам же выступил со всем своим войском из лагеря, а коннице приказал идти в арьергарде, так как полагал, что она все еще находится в страхе от вчерашнего сражения.

XIV

Построив войско в три линии, он быстро прошел восемь миль и достиг неприятельского лагеря прежде, чем германцы успели понять, в чем дело. Их все сразу ошеломило: быстрота нашего наступления, отсутствие своих и невозможность, за недостатком времени, посоветоваться друг с другом и взяться за оружие; в смятении они не знали, что лучше – вывести ли войско против неприятеля, защищать ли лагерь или спастись бегством. Покамест они обнаруживали свой страх шумом и беспорядочной беготней, наши солдаты, раздраженные их вчерашним вероломством, ворвались в лагерь. Здесь те из них, которые успели быстро схватиться за оружие, некоторое время сопротивлялись и завязали сражение между обозными телегами. Но вся остальная масса, состоявшая из женщин и детей (они оставили родину и перешли через Рейн всем народом), бросилась бежать врассыпную; в погоню за ними Цезарь послал конницу.

XV

Когда германцы услышали у себя в тылу крик и увидели избиение своих, то они побросали оружие, оставили знамена и кинулись из лагеря; но, добежав вплоть до того места, где Моса сливается с Рейном, должны были отказаться от дальнейшего бегства; очень многие из них были перебиты, уцелевшие бросились в воду и погибли, не справившись ни со своим страхом и утомлением, ни с силой течения. Наши все до одного, за исключением весьма немногих раненых, благополучно вернулись в лагерь, избавившись от очень опасной войны, так как число неприятелей доходило до четырехсот тридцати тысяч человек. Тем, которые были задержаны в лагере, Цезарь разрешил удалиться, но они, из боязни подвергнуться мучительной казни со стороны галлов, земли которых были ими разорены, заявили, что желают остаться у него. Тогда Цезарь даровал им свободу.

XVI

По окончании войны с германцами Цезарь по многим причинам счел необходимым переправиться через Рейн. Важнейшей из них было его желание внушить германцам, которые очень легко склоняются к переходу в Галлию, страх за их собственные владения и показать им, что у римской армии хватит силы и решимости перейти через Рейн. К тому же часть конницы уси-петов и тенктеров, которая, как я выше упоминал, перешла через Мосу за добычей и за провиантом и не участвовала в бою, после поражения своих укрылась за Рейном в стране сугамбров⁸⁸ и соединилась с ними. Когда Цезарь послал к ним гонцов с требованием выдачи ему тех германцев, которые напали на него и на Галлию, они ему отвечали: *власть римского народа кончается рекой Рейном. Если Цезарь считает несправедливым переход германцев против его воли в Галлию, почему же он желает присвоить себе права и господство над какими бы то ни было землями за Рейном?* Наконец, убии, которые одни из зарейнских народов отправили к Цезарю послов, заключили с ним дружественный договор и дали заложников, теперь настойчиво просили помочь им против притеснений со стороны свебов: *если же по соображениям политическим он этого сделать не может, то пусть он переправит свое войско через Рейн – это будет для них достаточной поддержкой и, кстати, гарантией на будущее время.*

Поражением Ариовиста и этим недавним сражением, говорили они, войско это стяжало себе такое имя и славу даже у самых отдаленных германских народностей, что уже самая идея дружбы с римским народом может вполне их обезопасить. Вместе с тем они обещали большое число кораблей для переправы войска.

⁸⁸ Сугамбры (Sygambri) – германское племя между Рурой (н. Ruhr) и Лаугоной (н. Lahn).

XVII

По указанным причинам Цезарь решил переправиться через Рейн. Но переправу на судах он считал не вполне безопасной и не соответствующей его личной чести и достоинству римского народа. Хотя работы по постройке моста представлялись чрезвычайно трудными вследствие ширины, глубины и быстроты течения этой реки, он твердо решил или добиться своей цели, или уже не переправлять войска каким-либо иным способом. Мост он построил следующим образом. Бревна в полтора фута толщиной, несколько заостренные снизу и по длине своей соразмерные с глубиной реки, соединялись друг с другом попарно на расстоянии двух футов. Они были с помощью машин опущены в реку, укреплялись и вколачивались бабами, однако не перпендикулярно, как вбиваются обыкновенные сваи, но наискось, наподобие стропил, и с уклоном в сторону течения реки; против каждой из этих пар вбивалась на расстоянии сорока футов по дну пара бревен, соединенная таким же образом, но уже поставленная против течения. Обе эти пары соединялись сверху поперечной балкой в два фута толщиной соответственно расстоянию между соединенными бревнами [каждой пары] и держались в одинаковом одна от другой расстоянии посредством двух болтов на обоих концах поперечной балки. Так как, следовательно, эти пары балок были [посредством поперечных балок] разъединены и укреплены в обе противоположные стороны, то все сооружение получило естественным образом такую прочность, что чем сильнее был напор воды, тем крепче все его балки были связаны друг с другом. Поперечные сваи были устланы сверху продольными брусьями, а эти последние были покрыты шестами и фашинами. Тем не менее были еще вогнаны наискось вниз по течению сваи несколько ниже самих балок и вроде таранов, чтобы в соединении со всем сооружением разбивать напор воды. Были также и другие защитные сваи выше моста [против течения] на небольшом от него расстоянии, с тем чтобы стволы деревьев или бревна, которые вздумают пустить варвары по течению для разрушения моста, разбивались о них и не вредили мосту.

XVIII

В течение десяти дней с того времени, как начали свозить лес, вся постройка была закончена, и теперь приступили к переправе войска. Цезарь оставил сильное прикрытие на обоих концах моста и поспешил двинуться в страну сугамбров. Тем временем к нему пришли послы от многих племен. На просьбу их о дружбе и о мире он дал благосклонный ответ и приказал привести заложников. Но сугамбры еще со времени начала постройки моста, по совету находившихся у них тенктеров и усипетов, приготовились к бегству, выселились из своей страны со всем своим движимым имуществом и укрылись в глухих лесах.

XIX

Пробыв несколько дней в их стране, Цезарь приказал сжечь все селения и дворы и скосить хлеб, затем вернулся в область убиев и обещал им свою помощь на случай нападения свебов. О них он получил следующие сведения: *после того как свебы узнали от разведчиков о постройке моста, они, по своему обыкновению, созвали собрание и разослали повсюду гонцов с предложением выселяться из городов, укрыть в лесах жен и детей и все движимое имущество, а всем способным носить оружие сходиться в одно место – оно выбрано приблизительно в центре свебских владений; здесь они намерены поджидать прихода римлян и дать им решительный бой.* Таковы были сведения, полученные Цезарем. Он уже привел в исполнение все то, ради чего решил переправить войско: нагнал страху на германцев, покарал сугамбров, освободил убиев от осады. Полагая, что им достаточно сделано для славы и пользы римского народа, он после восемнадцатидневного пребывания за Рейном вернулся в Галлию и снес мост.

XX

Хотя лето уже подходило к концу, и в этих местах ввиду северного положения Галлии зимы наступают рано, однако Цезарь решил предпринять поход в Британию, так как знал, что почти во все войны с Галлией оттуда посылались подкрепления нашим врагам; если бы даже остаток лета оказался недостаточным для ведения регулярной войны, то он все-таки считал очень полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах. Все это галлам было почти неизвестно. И действительно, туда не заходит без крайней нужды никто, кроме купцов, да и они знакомы исключительно с морским побережьем и местностями, лежащими против Галлии. Поэтому хотя он пригласил к себе отовсюду купцов, но не мог дознаться от них, как велик остров, какие народности его населяют и насколько они многочисленны, какова их боевая опытность и каковы учреждения, наконец, какие гавани в состоянии вместить более или менее значительный флот.

XXI

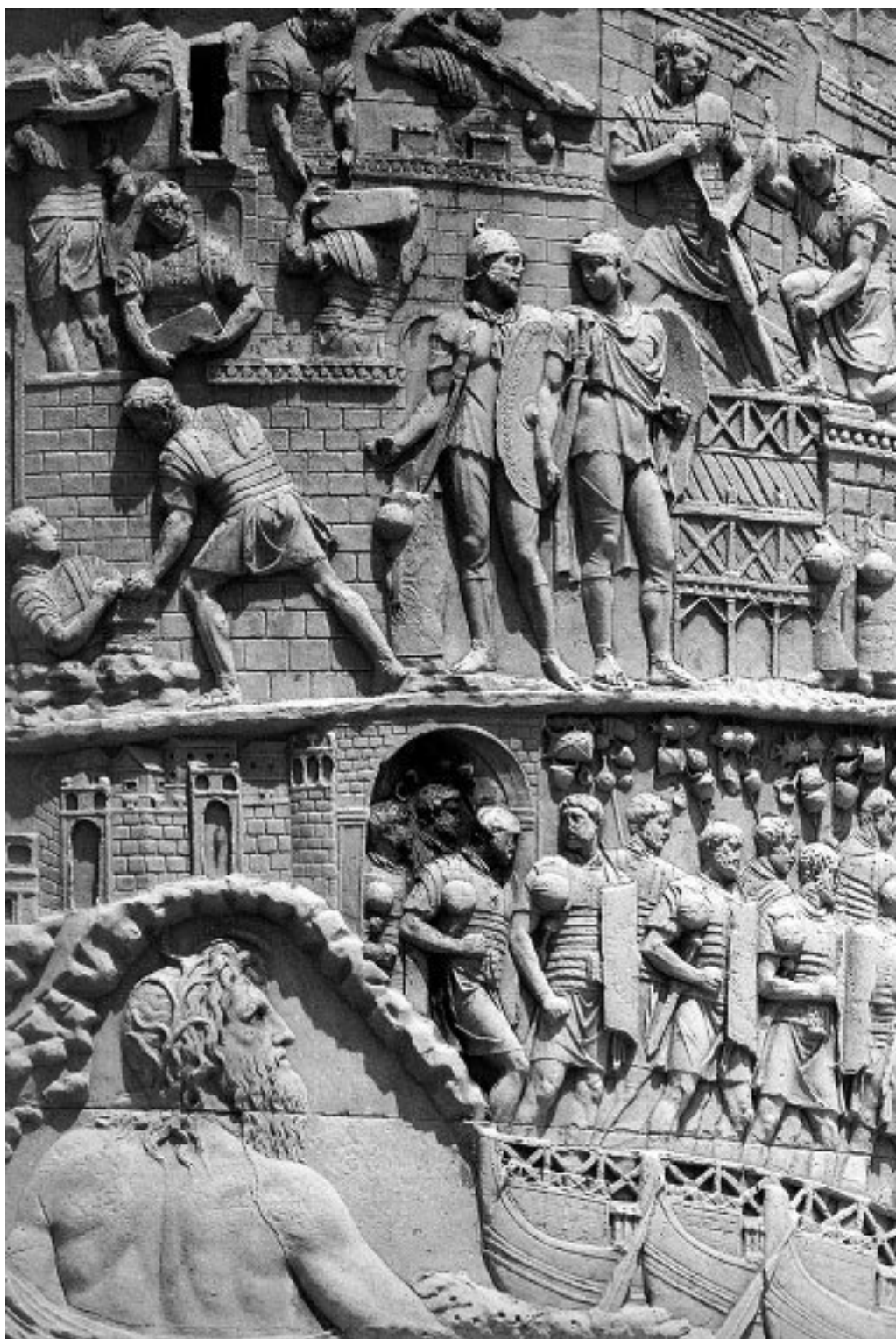
Чтобы осведомиться обо всем этом до начала своего предприятия, он предварительно послал туда с военным кораблем Г. Волусена, которого считал подходящим для этой цели. Ему он поручил произвести все необходимые разведки и затем как можно скорее вернуться. А сам со всем войском двинулся в страну моринов, так как оттуда была кратчайшая переправа в Британию. Здесь он назначил сбор всех кораблей из соседних местностей и флота, построенного им прошлым летом для войны с венетами. Тем временем его планы стали известными и через купцов дошли до британцев. Тогда от многих общин явились к нему послы с обещанием дать заложников и подчиниться римской власти. По выслушании их он отпустил их с дружественными обещаниями и с советом остаться при этом своем решении. Вместе с ним он послал Коммия, которого после победы над атребатами назначил им в цари: он ценил его храбрость и ум и считал преданным себе; к тому же Коммий пользовался в этих местах большим личным влиянием. Он приказал Коммию посетить возможно большее количество племен и посоветовать им отдаться под покровительство римского народа, а также сообщить им о скором прибытии самого Цезаря. Волусен осмотрел все пункты, насколько это было для него возможно, так как он не решался сойти с корабля и довериться варварам. На пятый день он вернулся к Цезарю и доложил обо всех своих наблюдениях.

XXII

В то время как Цезарь занят был в этих местах изготовлением кораблей, от значительной части моринов пришли к нему послы с извинением за свое поведение в прошлом году, именно – что по своей дикости и незнанию наших порядков они открыли войну против римского народа. Вместе с тем они обещали исполнять на будущее время все его требования. Для Цезаря это было очень кстати, так как он не хотел оставлять у себя в тылу врага, а воевать с ним по времени года не имел возможности; наконец, он не считал возможным интересоваться такими мелочами предпочтительно перед британской экспедицией. Поэтому он потребовал от них большого количества заложников и по выдаче их принял этот народ под римское покровительство. Ему удалось собрать и сосредоточить в одном месте около восьмидесяти грузовых судов, которых, по его мнению, было достаточно для перевоза двух легионов, а все находившиеся сверх того, что в его распоряжении, военные суда он распределил между квестором, легатами и префектами. Сверх того, у него были еще восемнадцать грузовых судов, которые задерживались ветром в восьми милях от сборного пункта и не могли достигнуть гавани; они были определены им на перевоз конницы. Остальное войско он поручил легатам Кв. Титурию Сабину и Л. Аурункулею Котте отвести в области менапиев и те округа моринов, от которых у него не было послов, а легату П. Сульпицию Руфу он приказал занять гавань с достаточным отрядом.

XXIII

Отдав эти распоряжения, Цезарь дождался удобной для плавания погоды и около третьей стражи снялся с якоря; при этом коннице он приказал отправиться к дальней гавани, сесть на корабли и следовать за ним. Она, однако, несколько запоздала. Сам он достиг с первыми кораблями около четвертого часа дня Британии и заметил, что там на всех холмах стоят вооруженные неприятельские отряды. Естественные особенности этого пункта таковы, что горы очень близко подходят к морю и суживают его; таким образом, с этих высот возможен обстрел всего берега. Находя, что высадка здесь совершенно неудобна, Цезарь простоял до девятого часа на якоре в ожидании подхода остальных кораблей. Тем временем он созвал легатов и военных трибунов, познакомил их со сведениями, полученными от Волусена, и со своими собственными намерениями и предупредил, что они должны все выполнять по первому его мановению и вовремя, как это вообще требуют правила войны, особенно же на море, где все быстро меняется. Едва Цезарь отпустил их, как начался благоприятный ветер и прилив. Тогда он дал сигнал и приказал сняться с якоря. Пройдя затем отсюда около семи миль, он пристал к открытому и плоскому берегу.

XXIV

Но варвары поняли намерения римлян. Они выслали вперед конницу и боевые колесницы, употребляемые ими почти во всех сражениях, сами с остальными силами последовали за ними и начали мешать нашей высадке. Она представляла много больших затруднений: наши корабли по своим размерам могли держаться на якоре только на глубоких местах; солдаты же, не знавшие местности, с несвободными руками и обремененные сложным вооружением, должны были одновременно спрыгивать с кораблей, стараться стать твердой ногой в воде и сражаться с врагами, в то время как последние или оставались на сухом месте, или лишь немного входили в воду и при отличном знакомстве с местностью и полной свободе движения храбро стреляли в наших и налетали на своих хорошо обученных конях. Все это приводило наших в полное замешательство, и за отсутствием опытности в подобного рода боях они не проявляли в этой борьбе той бодрости и рвения, которые были им свойственны в сухопутных сражениях.

XXV

Заметив это, Цезарь приказал отвести в сторону от грузовых судов военные (которые и по своему виду были очень необычными для варваров, и по быстроходности более подходили для подобных операций), дать им быстрый ход на веслах, поставить против незащищенного фланга врагов и на этой позиции отбивать и отгеснять их пращами, стрелами и метательными снарядами. Это распоряжение оказалось для наших очень полезным: самый вид кораблей, движение весел и непривычное действие метательных машин – все это произвело на варваров сильное впечатление; они остановились и несколько подались назад. Но наши солдаты все еще колебались, особенно вследствие глубины моря. Тогда орлоносец 9-го легиона обратился с мольбой к богам, чтобы его поступок принес счастье легиону, и сказал солдатам: *прыгайте, солдаты, если не хотите предать орла врагам; а я, во всяком случае, исполню свой долг перед республикой и императором.* С этим громким призывом он бросился с корабля и пошел с орлом на врагов. Тогда наши ободрили друг друга и, чтобы не навлекать на себя великого позора, все до одного спрыгнули с корабля; когда это заметили солдаты, находившиеся на ближайших кораблях, они также последовали этому примеру и двинулись на врага.

XXVI

Обе стороны сражались ожесточенно. Но наши были в большом замешательстве, так как не могли ни держать строя, ни стать твердой ногой, ни собираться у своих знамен; люди, сходявшие каждый с разных кораблей, приставали к первым попавшимся частям. Наоборот, враги, которым были известны все мели, нападали, пустив в галоп коней, на наших каждый раз, как замечали с берега, что наши поодиночке оставляли корабли и первое время были в затруднении; при этом они в большом количестве окружали немногих, а другие обстреливали всю нашу линию на ее незащищенном фланге. Заметив это, Цезарь приказал посадить солдат на шлюпки военных кораблей, а также на разведочные суда и стал посылать подкрепления туда, где наших теснили. Но как только наши стали твердой ногой на сушу и к ним присоединились все их товарищи, они атаковали врагов и обратили их в бегство. Впрочем, они не могли слишком далеко их преследовать, так как конница не была в состоянии держаться намеченного курса и достигнуть острова. Лишь этого недоставало до полной удачи, до сих пор всегда сопутствовавшей Цезарю.

XXVII

Как только разбитые враги после своего бегства пришли в себя, они тут же отправили к Цезарю послов с просьбой о мире и с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Вместе с этими послами вернулся к Цезарю атребат Коммий, который, как я выше указал, был им послан вперед в Британию. Когда он сошел с корабля и уже отправился к ним, чтобы в качестве уполномоченного сообщить им поручение Цезаря, они схватили его и заключили в оковы. Теперь, после сражения, они отпустили его назад. В своих просьбах о мире они сваливали вину на народную массу и просили извинения за свою необдуманность. Цезарь выразил им свое возмущение тем, что сначала они по собственному почину отправили к нему на материк послов для ходатайства о мире, а затем без причины пошли на него войной. Однако он заявил им, что прощает их необдуманность, и потребовал заложников. Часть их они дали немедленно, другую обещали вызвать из отдаленных мест острова и выдать через несколько дней. А тем временем они приказали своим людям вернуться в деревни; их князья стали собираться со всех сторон и отдаваться под покровительство Цезаря.

XXVIII

Когда, таким образом, мир был упрочен, на четвертый день после прибытия в Британию те восемнадцать кораблей, которые, как выше было указано, перевозили конницу, вышли при тихом ветре из верхней гавани. Когда они уже приближались к Британии и были видны из лагеря, вдруг поднялась такая буря, что ни один из них не был в состоянии держаться курса, но одни были отнесены к месту своего выхода, а другие выбросились с большой для себя опасностью к нижней части острова, которая лежала ближе к западу. Но когда они стали на якорь и их стало заливать водой, они по необходимости должны были, несмотря на темную ночь, выйти в открытое море и направиться к материку.

XXIX

В ту же ночь случилось полнолуние; а этот день обыкновенно вызывает в Океане сильнейшие приливы, что нашим не было известно. Таким образом единовременно и военные корабли, на которых Цезарь организовал переправу войска и теперь приказал вытащить их на берег, заливало волнами, и стоявшие на якоре грузовые бросало в разные стороны бурей, так что у нас не было возможности ни управлять ими, ни подавать, где нужно, помощь. Значительное число кораблей разбилось, остальные же, лишившись канатов, якорей и прочих снастей, сделались непригодными к плаванию; а это, как и надо было ожидать, вызвало большую панику во всем войске. Действительно, других кораблей для обратного перевоза не было; равным образом совершенно недоставало нужных материалов для починки судов; и наконец, так как все были уверены, что придется зимовать в Галлии, то в этой местности не заготовили провианта на зиму.

XXX

Британские князья, бывшие у Цезаря после сражения, обо всем этом узнали. Они заметили, что у римлян не хватает ни конницы, ни кораблей, ни хлеба, и из малых размеров лагеря заключили о малочисленности войска; лагерь же был мал, между прочим, потому, что Цезарь переправил легионы без обоза. Тогда они вступили в переговоры друг с другом и признали самым лучшим возобновить войну, отрезать наших от хлеба и подвоза и затянуть дело до зимы, в полной уверенности, что если это наше войско будет побеждено или отрезано от возвращения, то после этого уже никто не захочет переправляться в Британию с враждебными целями. Поэтому они снова составили заговор и начали мало-помалу уходить из нашего лагеря и тайно собирать свой народ из деревень.

XXXI

Хотя Цезарь еще не знал их намерений, но из несчастья со своими кораблями и из приостановки выдачи заложников делал такие предположения, которые и оправдались. Поэтому он на всякий случай принимал необходимые меры: ежедневно свозил хлеб с полей в лагерь; дерево и медь с тех кораблей, которые получили особенно тяжелые повреждения, приказал употребить на починку остальных, а другой необходимый материал привезти с материка. Таким образом, при чрезвычайно ревностной работе солдат он лишился только двенадцати кораблей, а остальные снова были приведены в достаточную пригодность.

XXXII

Во время этих работ 7-й легион был, по обыкновению, послан за хлебом. До сих пор пока не было никаких оснований предполагать возобновление войны, так как часть населения оставалась в деревнях, а некоторые даже продолжали посещать наш лагерь. Вдруг с передовых постов, стоявших у лагерных ворот, Цезарю дали знать, что в том направлении, в котором выступил легион, показалось необыкновенно большое облако пыли. Заподозрив у варваров какой-то особый умысел (что и было в действительности), Цезарь приказал этим караульным когортам отправиться с ним в этом направлении, двум другим сменить их, а остальным вооружиться и спешно следовать за ним. Отойдя немного от лагеря, он заметил, что враги теснят наших и последние с трудом держатся, а так как легион сбился в кучу, то его обстреливают со всех сторон. Дело в том, что хлеб был везде сжат и оставался только один участок. В предположении, что наши придут сюда, враги спрятались ночью в лесах; и вот, когда наши солдаты сняли с себя оружие и, рассеявшись в разные стороны, были заняты жатвой, британцы внезапно напали на них, несколько человек убили, а остальных привели в замешательство, тем более что они не могли построиться в ряды; вместе с тем они окружили их конницей и боевыми колесницами.

XXXIII

Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы малопомалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом в подобном сражении достигается подвижность конницы в соединении с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу.

XXXIV

Все эти маневры и необычайный способ сражения привели наших в большое замешательство, и Цезарь весьма кстати подоспел к ним на помощь: при его приближении враги остановились, а наши оправились от страха. Несмотря на это, Цезарь счел неудобным напасть в этот момент на врага с целью завязать с ним сражение, но остался на своей позиции и немного спустя отвел легионы в лагерь. Тем временем, когда все наши были этим заняты, британцы, еще оставшиеся в деревнях, ушли из них. Затем несколько дней подряд были бури, которые и наших удерживали в лагере, и врагам не давали нападать. Между тем варвары разослали во все стороны гонцов, всюду выставляли на вид, что наших солдат мало, и указывали на то, какой удобный случай представляется попользоваться добычей и навсегда закрепить за собой свободу, если удастся выбить римлян из их лагеря. Этим путем они быстро собрали многочисленную пехоту и конницу и двинулись на наш лагерь.

XXXV

Цезарь предвидел, что и на этот раз произойдет то же, что было в предыдущие дни, то есть что враги если и будут разбиты, то все-таки избегнут гибели благодаря своему проворству. Тем не менее, имея при себе только тридцать всадников, которых перевез с собою вышеупомянутый атребат Коммий, он выстроил легионы перед лагерем. В завязавшемся сражении враги не могли долго устоять перед натиском наших солдат и обратились в бегство. Наши преследовали их настолько, насколько позволяли силы и быстрота ног, и многих из них перебили; затем, предав пламени все их дворы всюду, где они попадались, они вернулись в лагерь.

XXXVI

В тот же день к Цезарю пришли послы от неприятелей с просьбой о мире. Цезарь потребовал от них вдвое большего числа заложников, чем прежде, и приказал доставить их на материк, так как ввиду приближения равноденствия и дурного состояния кораблей не считал разумным подвергать свои войска опасностям плаванья в период зимних бурь. А сам он выждал подходящей погоды и вскоре после полуночи снялся со своим флотом с якоря. В общем, все его суда благополучно достигли материка, и только два грузовых не дошли до тех же гаваней, что и остальные, но были отнесены несколько ниже.

XXXVII

Высадившиеся с этих кораблей солдаты, числом около трехсот человек, шли в лагерь. Тут в надежде на добычу окружили их – сначала не в очень большом количестве – морины, которых Цезарь при своем отправлении в Британию оставил замиренными, и потребовали от наших положить оружие, если не хотят быть убитыми. Когда же те образовали каре и стали защищаться, на крик моринов сбежалось еще около шести тысяч человек. Получив об этом известие, Цезарь послал из лагеря своим на помощь всю конницу. Тем временем наши солдаты выдержали нападение неприятелей, в течение с лишком четырех часов очень храбро сражались и, потеряв лишь несколько человек ранеными, перебили много врагов. Но как только показалась наша конница, враги побросали оружие, бросились бежать, и много их было убито.

XXXVIII

На следующий день Цезарь послал легата Т. Лабиена с перевезенными обратно из Британии легионами против возмущившихся моринов. Так как болота, в которых они скрывались в прошлом году, высохли, то теперь им некуда было укрыться, и они почти все попали в руки Лабиену. Легаты Кв. Титурий и Л. Котта, которые двинулись со своими легионами в область менапиев, опустошили все их поля, скосили хлеб, сожгли дворы, так как сами менапии укрылись в густейших лесах, а затем вернулись к Цезарю. Цезарь выбрал для зимних квартир всех легионов страну бельгов. Туда всего две британские общины прислали заложников, остальные же этим пренебрегли. На основании донесения Цезаря по поводу этих событий сенат определил двадцатидневное молебствие.

Книга пятая

Содержание

- Наказание пирустов в Иллирии (гл. 1).
- Меры против треверов и эдуа Думнорига (гл. 2–7).
- Вторая переправа Цезаря в Британию (гл. 8—23).
- Отпадение эбуронов и гибель пятнадцати когорт Сабина и Котты (гл. 24–37).
- Осада лагеря Кв. Цицерона (гл. 38–52).
- Беспорядки в стране сенонов и треверов. Гибель Индутиомара (гл. 53–58)

I

В консульство Л. Домиция и Аппия Клавдия Цезарь уехал из зимнего лагеря, как он это делал каждый год, в Италию, предварительно приказав легатам, которых он поставил во главе легионов, озаботиться во время зимы постройкой возможно большего количества новых судов и ремонтом старых. Он указал также, какой они должны быть конструкции и формы. Чтобы их можно было скорее нагрузить и легче вытащить на сушу, он приказал сделать их несколько ниже тех кораблей, которые ходят у нас в Нашем море, тем более что, по его наблюдениям, там вследствие частой смены приливов и отливов волны не так высоки. С другой стороны, эти корабли должны быть несколько шире кораблей, плавающих в остальных морях, чтобы вмещать возможно большее количество грузов и вьючного скота. Все они должны быть быстроходными гребными судами, чему много способствует их низкая конструкция. Материалы для их оснастки Цезарь приказал привезти из Испании. Сам же он по закрытии судебных съездов в Ближней Галлии отправился в Иллирию, так как слышал, что ее границу беспокоят своими опустошительными набегами пирусты⁸⁹. По прибытии туда он приказал общинам поставить солдат и собраться в определенном месте. При известии об этом пирусты отправили к нему послов с объяснением, что их община в этом совершенно неповинна и что они готовы дать какое угодно удовлетворение за причиненный вред. Выслушав это заявление, Цезарь приказал им дать заложников и доставить их к определенному сроку: в противном случае он покарает общину вооруженной силой. Заложники были доставлены в указанный им срок, и он назначил третейских судей между общинами для определения убытка и размера вознаграждения.

⁸⁹ Пирусты (Pirustae) – иллирийский народ.

II

Устроив эти дела и закончив судебную сессию, Цезарь вернулся в Ближнюю Галлию и оттуда отправился к войску. По прибытии туда осмотрел все зимние квартиры и нашел, что, благодаря необыкновенному рвению солдат, несмотря на нужду в предметах первой необходимости, построено около шестисот кораблей указанного типа, а двадцать восемь военных судов уже настолько оснащено, что через несколько дней их можно спустить на воду. Похвалив солдат и руководителей работ, он дал им необходимые указания и приказал собраться всем к гавани Итию, откуда, как он знал по опыту, была самая удобная переправа в Британию, находившуюся в этом пункте приблизительно в тридцати милях от материка. Для этого он оставил достаточное количество солдат. А сам с четырьмя легионами без багажа и с восемьюстами всадников отправился в область треверов, так как последние не являлись на назначенные собрания, отказывали в повиновении и, по его известиям, подстрекали зарейнских германцев.

III

Это племя гораздо сильнее всех других галльских племен своей конницей и может также выставить многочисленную пехоту. Его область, как было выше указано, простирается до самого Рейна. Там боролись за высшую власть Индутиомар и Кингеториг. Последний при известии о приходе Цезаря и его легионов немедленно явился к нему и поручился за то, что как сам он, так и все его сторонники сохраняют неизменную верность и дружбу по отношению к римскому народу; вместе с тем он сообщил о положении дел у треверов. Но Индутиомар стал стягивать конницу и пехоту, укрыл неспособных по возрасту носить оружие в ардуеннском лесу, который на большом пространстве тянется через середину области треверов от Рейна до начала области ремов, и вообще стал готовиться к войне. Но отдельные князья этого племени – отчасти по дружбе с Кингеторигом, отчасти из страха перед приходом нашего войска – явились к Цезарю и стали ходатайствовать каждый за себя лично, раз уже нельзя помочь всему племени. Тогда Индутиомар, из боязни быть покинутым всеми, отправил к Цезарю послов со следующим заявлением: *он из тех соображений не хотел оставлять своих людей, чтобы легче удержать народ в повиновении; иначе народная масса по удалении всей знати могла бы по неразумию наделать ошибок. Таким образом, народ в его руках, и если Цезарь позволит, он явится к нему в лагерь и предоставит себя и народ в его полное распоряжение.*

IV

Хотя Цезарь хорошо знал, почему это говорится и что заставляет Индутиомара отказаться от его первоначального плана, но, не желая потратить целое лето на треверов, в то время как все было уже готово к походу на Британию, он потребовал к себе Индутиомара с двумястами заложников. Когда они прибыли и среди них оказались также сын и все родственники Индутиомара, которых Цезарь вызвал поименно, он успокоил Индутиомара и посоветовал ему соблюдать верность. Тем не менее он пригласил к себе князей треверов и склонял каждого из них в отдельности на сторону Кингеторига; так как последний этого, несомненно, заслуживал, то для Цезаря было важно, чтобы человек, доказавший свое полное расположение к нему, пользовался наибольшим влиянием у своих соотечественников. Индутиомар был очень огорчен умалением своей популярности у себя на родине, а так как он уже ранее был враждебно настроен против нас, то теперь он еще больше озлобился.

V

Уладив эти дела, Цезарь прибыл с легионами к гавани Итию. Здесь он узнал, что шестьдесят судов, построенных в стране мельдов⁹⁰, были отброшены бурей и, не будучи в состоянии держаться курса, вернулись на место своего выхода; остальные суда он нашел готовыми к плаванию и вполне снаряженными. Сюда же собралась вся галльская конница в количестве четырех тысяч человек, а также князья от всех племен. Цезарь решил лишь очень немногих из них, преданность которых была для него очевидна, оставить в Галлии, а остальных взять с собой в качестве заложников, так как иначе опасался восстания в Галлии в свое отсутствие.

⁹⁰ Мельды (Meldi) – племя в Кельтской Галлии между Марной и Сеной (ср. н. Меаух).

VI

Между прочим, тут был эдуй Думнориг, о котором мы уже раньше говорили. Цезарь считал особенно нужным держать его при себе, так как ему был известен его беспокойный дух, властолюбие, отвага и большой авторитет у галлов. К тому же на собрании эдуев Думнориг как-то сказал, что Цезарь предлагает ему царскую власть над его народом. Этим замечанием эдуи были очень недовольны, но не решались отправить к Цезарю послов для заявления своего протеста или, по крайней мере, просьбы не делать этого. Об этом Цезарь узнал от своих галльских друзей. Думнориг сначала стал осаждать Цезаря просьбами оставить его в Галлии, ссылаясь отчасти на то, что боится моря и не привык плавать по нему, отчасти на религиозные причины, удерживающие его. Но когда он встретил решительный отказ на все свои просьбы и потерял всякую надежду на их исполнение, то он стал подстрекать галльских князей, отводить их поодиночке в сторону и уговаривать остаться на материке; чтобы запугать их, он говорил, что не без основания лишают Галлию всей знати; что Цезарь намерен увезти в Британию и там умертвить всех тех, кого он боится убить на глазах галлов. Другим он давал свое честное слово и с них требовал клятвы делать сообща все то, чего, по их мнению, требуют жизненные интересы Галлии. Сообщения об этом доходили до Цезаря с разных сторон.

VII

Узнав об этом, Цезарь, вообще придававший большое значение общине эдуев, считал необходимым всеми средствами образумить и обуздать Думнорига; видя, что его безумие заходит слишком далеко, он, конечно, должен был принять меры к тому, чтобы оно не могло повредить ему и республике. Он пробыл здесь около двадцати пяти дней, так как отплытие задерживалось северо-западным ветром, который обыкновенно дует здесь значительную часть года, и старался удержать Думнорига в повиновении, не забывая, однако, следить за всеми его действиями. Наконец, дождавшись подходящей погоды, он приказал пехоте и коннице садиться на корабли. И вот, в то время как все были этим заняты, Думнориг с эдуйскими всадниками покинул тайно от Цезаря лагерь и стал собираться к себе на родину. При известии об этом Цезарь отложил отплытие и все другие дела и послал значительную часть конницы в погоню за Думноригом с приказом вернуть его, если же он окажет сопротивление и не послушается, то убить, так как было ясно, что Думнориг, отказавшись у него на глазах повиноваться, в его отсутствие не образумится. Но Думнориг в ответ на требование вернуться оказал сопротивление, стал защищаться с оружием в руках и просил своих земляков о помощи, причем не раз кричал, что он свободный человек и гражданин свободного государства. Согласно приказу Цезаря, его люди окружили Думнорига и убили, а эдуйские всадники все до одного вернулись к Цезарю.

VIII

После этого Цезарь оставил на материке Лабиезна с тремя легионами и двумястами всадников, чтобы прикрывать гавань, заготавливать хлеб, а также наблюдать за ходом событий в Галлии, принимая нужные меры сообразно с требованиями момента и обстоятельств. А сам он с пятью легионами и с таким же количеством всадников, какое он оставил на материке, при заходе солнца снялся с якоря и вышел при легком юго-западном ветре. Но после полуночи ветер прекратился. Цезарь не мог поэтому держаться курса, но был очень далеко отнесен в сторону течением, так что на рассвете увидел Британию далеко от себя налево. Затем он воспользовался наступившим в свою очередь обратным течением и приказал усиленно грести, чтобы достигнуть той части острова, которая была ему известна по прошлому лету как самая удобная для высадки. Солдаты обнаружили при этом весьма похвальную выдержку. Тяжелые грузовые суда при их неустанной гребле сравнялись ходом с военными кораблями. Вся эскадра достигла Британии около полудня, но врага там пока еще не было видно. Как Цезарь узнал впоследствии от пленных, там собрались было большие полчища, но затем они оставили берег и удалились на высоты, так как уstraшены были множеством кораблей; вместе с прошлогодними и теми судами, которые частные лица построили для своей надобности, их показалось на горизонте одновременно более восьмисот.

IX

Цезарь высадил войско и выбрал удобное место для лагеря; как только он узнал от пленных, где находится позиция, занятая врагами, он оставил на берегу десять когорт и триста всадников для прикрытия эскадры, а сам в третью стражу двинулся на неприятеля, тем менее беспокоясь за свои корабли, что оставил их на якоре у слегка поднимающегося и открытого берега. Командиром прикрытия и кораблей он оставил Кв. Атрия. Пройдя в течение ночи около двенадцати миль, он заметил неприятельские войска. Враги с конницей и с боевыми колесницами дошли до реки и со своей высокой позиции начали задерживать наших и завязывать сражение, но были опрокинуты нашей конницей и укрылись в лесу. Там они нашли отлично укрепленную природой и человеческим искусством позицию, которую они, казалось, заранее оборудовали на случай внутренней войны, по крайней мере, всякий доступ к ней был закрыт частой засекой из срубленных деревьев. Сами они небольшими группами выскакивали из леса для обстрела наших и не давали им проникнуть в засеку. Но солдаты 7-го легиона образовали «черепашу», подвели к их укреплению плотину, заняли это место и выбили неприятелей из леса, понеся небольшой урон ранеными. Но Цезарь не позволил слишком далеко преследовать бегущих, так как не был знаком с местностью и, потеряв значительную часть дня, хотел сберечь некоторое время на укрепление лагеря.

Х

На следующий день Цезарь разделил свою конницу и пехоту на три колонны и с утра послал в погоню за бежавшими. Когда они достаточно продвинулись вперед и был виден издали только их арьергард, прибывшие от Кв. Атрия к Цезарю всадники доложили ему, что в прошлую ночь поднялась очень сильная буря, которая повредила почти все корабли и выбросила их на сушу, так как ни якоря, ни канаты не могли ее выдержать, ни матросы с кормчими – справиться с ее порывами; таким образом, благодаря столкновению кораблей эскадра понесла очень большой урон.

XI

При известии об этом Цезарь приказал отозвать легионы и конницу назад и давать отпор врагу по мере отступления, а сам вернулся к флоту. Здесь он собственными глазами увидел то, что он узнал из письменных и устных донесений: около сорока судов погибло, а остальные, по-видимому, еще можно было починить, но с большим трудом. Поэтому он отобрал из всех легионов мастеров, кроме того, приказал выписать их с материка, а также написал Лабизэну, чтобы он при помощи своих легионов изготовил как можно больше судов. А сам он счел наиболее целесообразным – хотя это требовало большого труда и хлопот – вытащить все корабли на берег и окружить их и лагерь общим укреплением. На это было затрачено около десяти дней, причем солдаты работали без отдыха даже по ночам. Когда корабли были вытаснены и лагерь отлично укреплен, он оставил для их прикрытия те же силы, что и в прошлый раз, а сам снова вернулся к оставленному им пункту. Ко времени его прихода туда уже успели собраться большие, чем прежде, силы британцев, предоставивших по общему решению верховную власть и высшее командование Кассивеллауну. Его область отделяется от приморских общин рекой Тамесисом, находящейся приблизительно в восьмидесяти милях от моря. В прежнее время у него были постоянные войны с соседними племенами, но наш приход побудил всех британцев поручить ему верховное руководство войной.

XII

Внутренняя часть Британии населена племенами, которые на основании древних преданий считают себя туземцами, а приморские – выходцами из Бельгии, переправившимися для грабежей и войны (все они носят здесь названия тех племен, от которых они происходят); после войны они там остались и стали заниматься земледелием. Население здесь чрезвычайно густо, дворы находятся очень близко друг от друга и большею частью похожи на галльские; скота очень много. У них в ходу золотая монета или же вместо денег железные палочки определенного веса. Здесь встречается олово во внутренней части острова, в прибрежной – железо, но его мало; что касается меди, то она у них привозная. Лес растет всякий, как в Галлии, кроме бука и ели. Есть зайцев, кур и гусей считается грехом, однако их держат для забавы. Климат мягче, чем в Галлии, ибо холода не так сильны.

ХІІІ

Остров имеет форму треугольника, одна сторона которого расположена против Галлии. Один ее угол, где лежит Кантий и куда пристают почти все корабли, приходящие из Галлии, обращен на восток, а другой, нижний, на юг. Эта сторона имеет в длину около пятисот миль. Другая, западная, сторона обращена к Испании; в этом направлении лежит Иберния; как полагают, она вдвое меньше Британии; она находится в таком же расстоянии от Британии, как Британия от Галлии. На полпути лежит остров по имени Мона; полагают, что там же есть и еще несколько небольших островов; о некоторых из них многие писатели сообщают, что там во время зимнего солнцеворота тридцать суток продолжается ночь. Но мы в своих расспросах таких сведений не получали и только на основании точных измерений посредством водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке. Длина этой стороны, по мнению вышеупомянутых писателей, семьсот миль. Третья сторона обращена на север; против нее нет никакой земли, но ее угол обращен главным образом к Германии. Она простирается будто бы на восемьсот миль в длину. Таким образом, весь остров в окружности имеет две тысячи миль.

XIV

Наиболее цивилизованные из всех этих народов – жители Кантия, местности целиком береговой, и их образ жизни немногим отличается от галльского. Жители внутренней части Британии большей частью не засевают полей, а питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры. А все британцы вообще красятся вайдой, которая придает их телу голубой цвет, и от этого они в сражениях страшней других на вид. Волосы они отпускают, но все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен они, человек по десять или по двенадцать, имеют общих, особенно братья с братьями и родители с сыновьями; родившиеся от таких союзов считаются детьми тех, кто взял за себя их мать девицей.

XV

Неприятельские всадники и колесницы атаковали нашу конницу на походе и вступили с ней в жаркий бой, в котором, однако, наши повсюду вышли победителями и отбросили неприятеля в леса и на высоты. Впрочем, перебив много неприятелей и увлекшись погоней, они сами понесли некоторые потери. Но те спустя некоторое время, когда наши ничего не подозревали и были заняты укреплением лагеря, вдруг выскочили из лесу, напали на караульные посты, стоявшие перед лагерем, и завязали ожесточенное сражение. Цезарь послал нашим на помощь две когорты, и притом первые от двух легионов, и они выстроились на небольшом расстоянии одна от другой. Но так как невиданные боевые приемы врага привели наших в полное замешательство, то неприятели с чрезвычайной отвагой прорвались сквозь них и отступили без потерь. В этот день был убит военный трибун Кв. Лаберий Дур. Только тогда, когда было прислано в подкрепление большее число когорт, неприятель был отброшен.

XVI

В продолжение этого своеобразного сражения, которое происходило у всех на глазах и перед самым лагерем, выяснилось, что наша пехота со своим тяжелым вооружением не вполне пригодна для действий против подобного врага, так как она не в состоянии преследовать отступающих и не решается выходить из строя; а для конницы такое сражение даже прямо опасно, потому что неприятели большей частью нарочно отступают, а как только отвлекут наших всадников несколько в сторону от легионов, то соскакивают с колесниц и сражаются пешими, что делает бой неравным (а регулярное конное сражение создавало одинаковую опасность и для отступавших, и для преследовавших). К тому же враги никогда не сражались густыми массами, но обыкновенно маленькими группами и на большом расстоянии одна от другой. Повсюду у них были расставлены сторожевые посты, так что одни регулярно сменяли других, и место уставших заступали неутомленные бойцы со свежими силами.

XVII

На следующий день враги остановились далеко от нашего лагеря на высотах. Они показывались лишь небольшими партиями и нападали на нашу конницу с меньшим задором, чем накануне. Но в полдень, когда Цезарь послал за фуражом три легиона и всю конницу под начальством легата Г. Требония, они вдруг со всех сторон налетели на фуражиров и не побоялись даже приблизиться к легионам, стоявшим в боевом порядке. Наши энергичной атакой отбросили их и продолжали преследовать до тех пор, пока и всадники, опираясь на поддержку следовавших за ними легионов, не опрокинули их окончательно; перебив их большое количество, они не дали им возможности собраться, остановиться и соскочить с колесниц. После этого поражения все вспомогательные отряды британцев, собравшиеся со всех сторон, немедленно рассеялись, и с того времени враги уже ни разу не вводили в сражение с нами слишком больших сил.

XVIII

Поняв план врагов, Цезарь двинулся со своим войском к реке Тамесису в страну Кассивеллауна. Эту реку можно перейти вброд только в одном месте, и то с трудом. Когда Цезарь пришел туда, он заметил, что на другом берегу реки стоят в боевом порядке большие неприятельские силы. А берег был укреплен острыми кольями, вбитыми перед ним; такие колья были вбиты в воде и ею маскировались. Узнав об этом от пленных и перебежчиков, Цезарь выслал вперед конницу и приказал легионам спешно идти за ней. Хотя солдаты были по шею в воде, но они пошли с такой быстротой и стремительностью, что враги не могли выдержать общей атаки конницы и пехоты, но оставили берег и пустились бежать.

XIX

Кассивеллаун, как мы сказали выше, отказался от всякой надежды на успешный исход генерального сражения. Поэтому он распустил значительную часть своих войск и оставил при себе только около четырех тысяч боевых колесниц. С ними он следил за нашими передвижениями, держась несколько в стороне от дороги и скрываясь в трудно проходимых и лесистых местах; там, где, по его сведениям, должны были наши идти, он сгонял скот и население в леса, и каждый раз, как наша конница, с целью поживиться и пограбить, слишком смело забиралась в леса, он выпускал из лесу всеми дорогами и тропинками боевые колесницы, завязывал с ней весьма опасные для нее сражения и этой угрозой не давал ей делать далекие набеги. Цезарю не оставалось ничего иного, как держать конницу в непосредственной связи с легионами и вредить врагу только опустошением его полей и поджогом дворов, насколько это могла сделать легионная пехота во время своих трудных походов.

XX

Тем временем тринованты⁹¹, едва ли не самый сильный из тамошних народов, отправили к Цезарю послов с обещанием сдаться и исполнить все его требования, а также с просьбой защитить Мандубракия от обид со стороны Кассивеллауна и возвратить его согражданам с тем, чтобы он стал во главе своего народа и принял верховное командование. Отец этого Мандубракия был царем триновантов и был убит Кассивеллауном, а молодой Мандубракий спасся от гибели бегством и, ища покровительства Цезаря, прибыл к нему на материк. Цезарь потребовал от них сорока заложников и хлеба для армии и послал к ним Мандубракия. Они быстро исполнили его требование и прислали хлеб и заложников в указанном количестве.

⁹¹ Тринованты (Trinovantes) – приморское племя в Британии, отделяемое рекой Тамесисом от Кантия.

XXI

Таким образом, Цезарь принял их под свою защиту и оградил их от всяких обид со стороны своих солдат. Тогда кеномагны⁹², сегонтиаки⁹³, анкалиты⁹⁴, биброки⁹⁵ и кассы⁹⁶ отправили к Цезарю послов и сдались ему. От них он узнал, что недалеко отсюда находится город Кассивеллауна, защищенный лесами и болотами, и что в нем сосредоточено довольно большое количество людей и скота. Городом британцы называют всякое место в трудно проходимом лесу, защищенное валом и рвом; туда они обыкновенно спасаются от неприятельских набегов. Он двинулся туда с легионами. Местность оказалась отлично защищенной природой и человеческим искусством. Однако он поспешил атаковать ее с двух сторон. Враги после короткого сопротивления не вынесли нашего натиска и бросились из своего города с другой его стороны. Там оказалось большое количество скота, и много народа во время бегства было захвачено и перебито.

⁹² Кеномагны (Cenimagni) – британское племя.

⁹³ Сегонтиаки (Segontiaci) – народ в Юго-Восточной Британии.

⁹⁴ Анкалиты (Ancalites) – британское племя, занимавшее часть нынешнего графства Оксфорд.

⁹⁵ Биброки (Bibrosi) – народ в юго-восточной Британии.

⁹⁶ Кассы (Cassi) – британское племя.

XXII

Во время этих происшествий Кассивеллаун отправил послов в Кантий, лежавший, как выше сказали, у моря, к его четырем царям – Кингеторигу, Карвилию, Таксимагулу и Сеговаку с приказом собрать все боевые силы и внезапно двинуться на штурм стоянки римских кораблей. Когда они подошли к лагерю, то наши сделали вылазку, перебили много врагов, взяли даже в плен знатного вождя Луторига и вернулись без потерь. При известии об этом сражении Кассивеллаун, вследствие стольких поражений, опустошения страны, а главное – отпадения общин, отправил через атребата Коммия послов к Цезарю с предложением сдачи. Ввиду неожиданных восстаний в Галлии Цезарь решил провести зиму на материке, и так как лето подходило к концу и его остаток мог бы пройти без пользы, то он потребовал заложников и определил размеры дани, которую Британия должна ежегодно платить римскому народу; при этом он строго запретил Кассивеллауну вредить Мандубракию и триновантам.

XXIII

По получении заложников он отвел войско назад к морю; там он нашел корабли отремонтированными и спустил их на воду. Так как у него было много пленных и несколько кораблей погибло от бури, то он решил перевозить войска на материк в два приема. По счастливой случайности из всего огромного количества кораблей, несмотря на частые переправы за текущее и прошлое лето, не погиб вообще ни один корабль, имевший на борту солдат, но зато из тех судов, которые должны были возвратиться к нему с материка порожними после высадки в Галлии солдат первой партии, а равно из тех шестидесяти, которые впоследствии были построены Лабизном, только немногие достигли места назначения, и почти все остальные были отброшены бурей. Цезарь долго и напрасно ждал их. Но чтобы самое время года, именно близость равноденствия, не помешало ему отплыть, он по необходимости посадил солдат теснее, и когда наступило полное затишье, он в начале второй стражи снялся с якоря и на рассвете благополучно достиг суши со всей своей эскадрой.

XXIV

Цезарь приказал вытащить корабли на сушу и созвал в Самаробриве общегалльское собрание.

Так как в этом году в Галлии урожай вследствие засухи был ниже среднего, то он принужден был разместить свое войско на зимние квартиры иначе, чем в прошлые годы, именно – он распределил легионы по большому количеству общин. Один легион должен был отвести в область моринов легат Г. Фабий, другой к нервиям – Кв. Цицерон, третий к эсубиям – Л. Росций; четвертому было приказано зимовать под командой Т. Лабиена в стране ремов на границе с треверами; три легиона были помещены в Бельгии, их командирами были назначены квестор М. Красс и легаты Л. Мунаций Планк и Г. Требоний. Один легион, который Цезарь недавно набрал за Падом, и, кроме того, пять когорт он послал к эбуронам, область которых лежит главным образом между Мосой и Рейном и которые в это время были под властью Амбиорига и Катуволка. Командование этими солдатами он поручил Кв. Титурию Сабину и Л. Аурункулею Котте. При таком расположении легионов он рассчитывал легче всего справиться с недостатком провианта. При этом зимние квартиры всех этих легионов, кроме того, который поручено было Л. Росцию отвести в самую мирную и спокойную часть Галлии, находились на расстоянии ста миль друг от друга. А сам он решил остаться в Галлии вплоть до получения сведений о том, что легионы устроились и зимние квартиры укреплены.

XXV

В стране карнутов был некто Тазгетий, человек очень знатного рода, предки которого были у себя на родине царями. За его мужество и расположение, а также за исключительные заслуги во всех войнах Цезарь возвратил ему сан предков. Он уже третий год царствовал, как вдруг его убили у всех на глазах его враги по наущению многих граждан общины. Об этом доложили Цезарю. Так как в это дело было замешано много людей, то Цезарь из опасения, что они всю страну толкнут на открытое восстание, приказал Л. Планку немедленно двинуться с легионом из Бельгии к карнутах и там зимовать, а также произвести следствие о виновниках убийства Тазгетия, арестовать их и отправить к нему. Тем временем он получил от всех легатов и квестора, которым он передал легионы, донесения, что они прибыли на зимние квартиры и укрепили их.

XXVI

Дней через пятнадцать после прибытия на зимние квартиры по почину Амбиорига и Катуволка внезапно началось восстание и отпадение.

Когда они встретили на границе своей страны Сабина и Котту и доставили провиант в их зимний лагерь, то под влиянием посольства от тревера Индутиомара они взбунтовали своих людей, внезапно напали на солдат, рубивших лес, и с большим отрядом подошли к лагерю с целью штурмовать его. Но наши быстро взялись за оружие, взошли на вал, а с другой стороны лагеря выслали испанскую конницу и одержали верх в завязавшемся конном сражении, вследствие чего враги отчаялись в успехе, бросили штурм и отступили. Тогда, по своему обычаю, они подняли крик, чтобы кто-нибудь из наших вышел для переговоров: *они имеют сообщить нечто, касающееся интересов обеих сторон, и надеются, что это сообщение поможет уладить их недоразумения.*

XXVII

К ним послали для переговоров римского всадника Г. Арпинея, друга Кв. Титурия, и некоего Кв. Юния из Испании, который уже раньше по поручению Цезаря неоднократно хаживал к Амбиоригу. Амбиориг сказал им приблизительно следующее: *он признает, что многим обязан Цезарю за его благодеяния; благодаря ему он освобожден от дани, которую он платил своим соседям адуатукам; Цезарь вернул ему родного сына, а также сына брата, которые были посланы адуатукам в заложники и содержались у них в цепях и в рабстве. Что же касается нападения на лагерь, то он сделал его не по своему решению и воле, но по принуждению своего народа, ибо власть его такова, что народ имеет над ним такие же права, как и он над народом. А народ его потому начал войну, что не мог противиться внезапному восстанию всей Галлии. Самое лучшее доказательство этому – его собственное бессилие: ведь не до такой степени он не осведомлен об общем положении дела, чтобы питать уверенность в победе над римлянами своими собственными силами. Но таково решение всей Галлии, и именно сегодняшний день выбран для штурма всех зимних лагерей Цезаря, чтобы ни один легион не мог прийти на помощь другому. Как галлы они, конечно, не могли отказать галлам же, тем более что принятое решение, очевидно, имело целью восстановление национальной свободы. Так как он в достаточной степени исполнил перед ними долг патриота, то теперь он желает исполнить долг благодарности за благодеяния, полученные от Цезаря; как старый друг он настоятельно просит Титурия подумать о себе и о своих солдатах. Большой отряд наемных германцев уже перешел через Рейн, через два дня он будет здесь. Римляне сами должны решить, не лучше ли им прежде, чем заметят соседи, оставить зимние квартиры и пойти или до Цицерона, или до Лабизна, из которых один находится от них в пятидесяти милях, а другой несколько дальше. Он одно им обещает и скрепляет это обещание клятвой – дать свободный проход по своей земле. Этим он исполнил бы долг перед своим народом, освобождая его от зимнего постоя, и отблагодарил бы Цезаря за оказанные услуги. После этой речи Амбиориг удалился.*

XXVIII

Арпией и Юний доложили услышанное легатам. Пораженные этим внезапным сообщением, они полагали, что им нельзя пренебрегать, хотя оно идет от врага. Особенное впечатление производила на них малая вероятность того, чтобы такой незначительный и слабый народ, как эбуроны, сам по себе мог осмелиться начать войну с римлянами. Поэтому они доложили дело военному совету, и там между ними возник большой спор, А. Аурункулей и большая часть военных трибунов и центурионов первого ранга полагали, что ничего не следует делать наобум и что зимний лагерь нельзя покидать без приказаня Цезаря; они доказывали, что *в хорошо укрепленном зимнем лагере можно устоять против каких угодно полчищ, хотя бы и германских, – об этом свидетельствует уже то, что первую неприятельскую атаку они очень храбро выдержали и даже нанесли врагу большой урон; в отношении продовольствия они не страдают; а тем временем подойдут подкрепления как из ближайшего зимнего лагеря, так и от Цезаря. Наконец, разве не верх легкомыслия и позора – принимать ответственные решения по совету врага?*

XXIX

В ответ на это Титурий кричал, что поздно *уже будет, когда соберутся еще большие неприятельские полчища, да еще с присоединением германцев, или когда случится какое-либо несчастье в соседнем зимнем лагере. Теперь некогда совещаться. По его мнению, Цезарь отправился в Италию; иначе и карнеты не задумали бы убить Тазгетия, и эбуроны не пошли бы на наш лагерь с таким презрением к нам, если бы Цезарь был здесь. Не с советом врага он соображается, а с реальными фактами: Рейн близко; германцы очень огорчены смертью Ариовиста и нашими прежними победами; пылает мстью вся Галлия, претерпевшая столько оскорблений, покорившаяся римской власти и утратившая свою прежнюю военную славу. Наконец, кто мог бы поверить тому, чтобы Амбиориг решился на такой шаг без определенных оснований? Его мнение вдвойне безопасно: если дело не так плохо, то они без всякой опасности достигнут ближайшего легиона; но если вся Галлия заодно с германцами, тогда единственное спасение заключается в быстроте. Наоборот, к каким результатам приведет предложение Котты и других, не согласных с ним? Если даже незачем будет бояться опасности в данный момент, зато в будущем грозит голод как последствие долгой осады.*

XXX

После речей обеих сторон, причем Котта и центурионы первого ранга упорно отстаивали свое предложение, Сабин еще громче закричал, так, что его могла слышать значительная масса солдат: *так пусть будет по-вашему! Я не таков, чтобы бояться смерти более, чем кто бы то ни было из вас! Вот они поймут, и если случится беда, от тебя они потребуют ответа. Не будь дело за тобой, они могли бы уже послезавтра соединиться с своими товарищами в ближайшем зимнем лагере и сообща с ними разделять превратности войны вместо того, чтобы быть здесь брошенными и сосланными и погибать вдали от остальных либо от меча, либо от голода.*

XXXI

Все участники совета встают, схватывают за руки обоих противников и просят не доводить дела своими раздорами и упрямством до крайней опасности: *оставаться ли или уходить – то и другое не представляет затруднений, если только все будут согласны и единомышленны; наоборот, при раздоре нельзя ждать спасения.* Споры затягиваются до полуночи. Наконец Котта сдался на приведенные доводы. Предложение Сабина берет верх. Отдают приказ на рассвете выступить. Всю ночь проводят без сна, так как каждый солдат осматривал свои вещи и соображал, что он может взять с собой и что из лагерного обзаведения должен будет оставить. Придумывают всевозможные доводы в пользу того, что дальнейшее пребывание в лагере было бы весьма опасным и эта опасность только увеличилась бы от усталости и бессонницы солдат. На рассвете выступают очень растянутой колонной и с огромным обозом, как люди, вполне убежденные в том, что Амбиориг дал им совет не как враг, а как лучший друг.

XXXII

Между тем враги, заключив из ночного шума и бодрствования о предстоящем выступлении наших, разделились на два отряда, поместили в лесах в удобном и скрытом месте двойную засаду милях в двух от римского лагеря и стали выжидать приближения римлян. Как только большая часть их колонны спустилась в котловину, неприятели показали у обоих выходов и стали теснить арьергард, а авангарду преграждать подъем и, таким образом, вовлекать наших в сражение на совершенно неудобной для них позиции.

XXXIII

Титурий, который ничего не предусмотрел раньше, только теперь стал в беспокойстве суетиться, бегать с места на место и расставлять когорты, но и это он делал трусливо и с видом человека, совершенно потерявшего голову, как это обыкновенно бывает с людьми, принужденными вырабатывать план действий тогда, когда нужно уже действовать. Наоборот, Котта, который уже думал о том, что подобное может случиться во время похода, и именно поэтому был против выступления, поспевал всюду, где этого требовало общее благо: он не только обращался с словами ободрения к солдатам, но и сам принимал участие в бою и, таким образом, исполнял обязанности и полководца, и солдата. Так как из-за растянутости колонны не очень легко было лично все исполнять и даже предусмотреть, где и что нужно, то легаты приказали объявить солдатам, чтобы они оставили обоз и образовали каре. Хотя такое распоряжение в подобных случаях вообще не заслуживает порицания, но теперь оно оказалось непригодным: у наших солдат оно уменьшило шансы на победу, а у врагов подняло боевой дух, так как было очевидно, что эта мера внушена величайшим страхом и отчаянием. Ко всему этому присоединилось и другое неизбежное зло: солдаты стали толпами покидать строй и спешили разыскать в обозе и захватить с собой все, что для каждого из них было дорого. Таким образом, всюду раздавался крик и плач.

XXXIV

Наоборот, варвары проявили большую распорядительность. Их вожди приказали объявить по всей линии: *никто не должен выходить из строя; все, что оставили римляне, – их добыча, для них она и предназначена; пусть только они знают, что теперь все зависит от победы.* [Храбростью и боевым пылом наши не уступали врагам]: покинутые вождем и счастьем, они видели свое спасение исключительно в храбрости; и каждый раз, как какая-либо когорта выступала из каре, там много врагов падало мертвыми. Как только Амбиориг это заметил, он приказал объявить своим, чтобы они стреляли издали, не подходили слишком близко к неприятелю и там, где он будет наступать для атаки, подавались назад; при их легком вооружении и ежедневном упражнении им никакого вреда не будет; а когда римляне будут снова отступать к своей линии, вот тогда пусть они их и преследуют.

XXXV

Это распоряжение исполнялось со всей точностью: каждый раз, как какая-либо когорта выходила из каре для атаки, враги с чрезвычайной быстротой отбегали. А тем временем этот бок неизбежно обнажался и, будучи неприкрытым, подвергался обстрелу. А когда когорта начинала отступать на свое прежнее место в каре, то ее окружали как те, которые перед ней отступали, так и те, которые стояли поблизости от нее. Если же римляне хотели оставаться в каре, то там не было места для проявления личной храбрости, и вследствие своей скученности они не могли избавиться от снарядов, пускаемых в них неприятельскими массами. И все-таки, несмотря на столько злоключений и на большие потери ранеными, они твердо держались; хотя прошла значительная часть дня (сражение длилось с рассвета до восьмого часа дня), они не делали ничего такого, что было бы недостойно их самих. В этот момент был тяжело ранен метательным копьём в оба бедра храбрый и очень уважаемый Т. Бальвенций, который в прошлом году был старшим центурионом. Кв. Луканий, также центурион первого ранга, был убит в отважном бою в то время, как хотел подать помощь окруженному врагами сыну. Легат Л. Котта был ранен пращей прямо в лицо во время обхода и ободрения когорт и рядов.

XXXVI

Кв. Титурий был всем этим окончательно потрясен. И вот он, заметив издали Амбиорига, который ободрял своих людей, послал к нему своего переводчика Кн. Помпея с просьбой пощадить его и солдат. В ответ на эту просьбу тот сказал: если *Титурий желает поговорить с ним, это можно; что касается пощады солдат, то он надеется добиться ее у своих людей; но самому Титурию не будет никакого вреда – в этом он дает свое честное слово.* Тот сообщает об этом раненому Котте и спрашивает, не найдет ли он возможным выйти из линии боя и сообща переговорить с Амбиоригом: он надеется добиться от него пощады для себя и для своих солдат. Но Котта наотрез отказался идти к вооруженному врагу.

XXXVII

Сабин приказывает находившимся при нем военным трибунам и старшим центурионам следовать за собой. Когда он подошел ближе к Амбиоригу, ему приказали бросить оружие. Он повинуется и приказывает своим сделать то же. А тем временем, пока они вели переговоры и Амбиориг намеренно их затягивал, Сабина малопомалу окружили и убили. Но теперь эбуроны, по своему обыкновению, закричали: «Победа, победа!» – и, бросившись с диким воем на наших, прорвали их ряды. Здесь был убит с оружием в руках Л. Котта и большая часть его отряда. Остальные отступили в лагерь, перед этим ими покинутый. Из них орлоносец Л. Петросидий, теснимый массой врагов, бросил орла через вал в лагерь, а сам с чрезвычайной храбростью сражался перед лагерем, пока не был убит. Они с трудом выдерживали штурм вплоть до ночи, а ночью, потеряв всякую надежду на спасение, они все до одного покончили с собой. Лишь немногие спаслись из сражения, после блужданий по лесам добрались до зимнего лагеря легата Т. Лабизна и принесли ему известие о случившемся.

XXXVIII

Гордясь этой победой, Амбиориг немедленно отправился с конницей к своим соседям адатукам; он двигался непрерывно днем и ночью, а пехоте своей приказал идти в арьергарде. Сообщив адатукам о происшедшем и тем подняв их на ноги, он на следующий день прибыл к нервиям и стал их уговаривать не упускать случая навсегда завоевать себе свободу и отомстить римлянам за причиненные ими обиды. Он сослался при этом на смерть двух легатов и на истребление значительной части римской армии: *нет никакого труда, говорил он, напасть врасплох на легион, находящийся на зимних квартирах под командой Цицерона, и уничтожить его; в этом он обещает свое полное содействие.* Этими словами он без труда убедил нервиев.

XXXIX

Поэтому они немедленно разослали гонцов к подчиненным их власти кеутронам, грудиям⁹⁷, левакам⁹⁸, плеумоксиям⁹⁹ и гейдумнам¹⁰⁰, набрали как можно больше войск и неожиданно налетели на зимний лагерь Цицерона еще прежде, чем до него дошли слухи о смерти Титурия. С Цицероном также случилось то, чего следовало ожидать: некоторые его солдаты, ушедшие в лес за дровами и другими материалами для укрепления, были застигнуты и отрезаны внезапной атакой неприятельской конницы. Тогда эбуроны, нервии, адутуки вместе со своими союзниками и подданными напали на легион и начали штурмовать лагерь. Наши поспешно сбежались к оружию и заняли вал. В этот день легион с трудом выдержал натиск неприятелей, так как они всю надежду возлагали на быстроту и были вполне уверены в том, что если они теперь одержат победу, то останутся победителями навсегда.

⁹⁷ Грудии (Grudii) – племя в Бельгийской Галлии.

⁹⁸ Леваки (Levaci) – племя Бельгийской Галлии (ср. н. Léau близ Tirmont).

⁹⁹ Плеумоксий (Pleumoxii) – народ в Цисальпийской Галлии, н. Piacenza.

¹⁰⁰ Гейдумны (Geidumni) – племя в Бельгийской Галлии, клиенты нервиев.

XI

Цицерон немедленно написал Цезарю и обещал большую награду за доставку писем; но все дороги были заняты, и его посланцев перехватывали неприятели. В течение ночи с необычайной быстротой было изготовлено не менее ста двадцати башен из леса, заранее свезенного для укрепления; все, что казалось недоделанным, теперь было закончено. На следующий день враги возобновили штурм лагеря с еще большими боевыми силами и стали заваливать ров. Как и накануне, наши оказали сопротивление; то же самое продолжалось и во все последующие дни. Работа шла без перерыва даже ночью; ни больным, ни раненым не было возможности отдохнуть. Все, что нужно было для защиты от нападения на следующий день, заготовлялось за ночь; было изготовлено много заостренных кольев и большое количество стальных копий; башни накрывают досками, к валу приделывают плетеные брустверы и зубцы. Сам Цицерон, несмотря на свое слабое здоровье, не давал себе отдыха даже ночью, так что солдаты сами сбегались к нему и своими громкими просьбами принуждали его беречь себя.

XLI

Тогда вожди и князья нервиев, которые имели какой-либо случай побеседовать с Цицероном и находились с ним в дружественных отношениях, заявляют о своем желании переговорить с ним. Получив это разрешение, они указывают ему на то же, о чем Амбиориг говорил с Титурием: *вся Галлия находится под оружием; германцы перешли через Рейн; зимние лагеря Цезаря и всех его легатов осажжены. Прибавляют и сообщение о смерти Сабина; в подтверждение этого ссылаются на Амбиорига: большая ошибка – рассчитывать на какую-либо помощь со стороны тех, которые сами отчаялись в своем спасении. Тем не менее они не враждебно настроены по отношению к Цицерону и римскому народу; они только против зимнего постоя и не желают, чтобы он обратился в постоянную привычку. Цицерону и его людям они позволяют покинуть свой лагерь невредимыми и спокойно отправляться, куда им угодно. На это Цицерон дал один ответ: римский народ не привык принимать условия вооруженных врагов; если им угодно положить оружие, то пусть они обратятся к нему за содействием и отправят послов к Цезарю; принимая во внимание его справедливость, он надеется, что они добьются от него исполнения своих пожеланий.*

XLII

Обманувшись в своих ожиданиях, нервии окружают наш лагерь валом в десять футов вышиной и рвом в пятнадцать футов шириной. Эти знания они получили от нас в своих сношениях с нами за предыдущие годы, а также пользовались указаниями некоторых бывших у них пленных римлян из нашего войска. Но за отсутствием подходящих для этого дела железных инструментов они принуждены были снимать дерн мечами, а землю выгребать руками и выносить в плащах. По этому можно было составить себе представление об их многочисленности: менее чем в три часа они окончили линию укрепления в десять миль в окружности и пятнадцать футов высотой, а в следующие дни начали готовить и воздвигать башни соразмерно с высотой вала, стенные багры, устраивать «черепахи», чему их научили те же пленные.

XLIII

На седьмой день осады внезапно поднялась сильная буря, и враги, пользуясь этим, стали метать из пращей раскаленные глиняные пули, а также дротики с огнем на острие в бараки, которые, по галльскому обычаю, имели соломенную крышу. Они быстро загорелись, и силой ветра огонь распространился по всему лагерю. Враги с громким криком, точно победа была уже одержана и несомненна, стали подкатывать башни и «черепахи» и взбираться по лестницам на вал. Но наши солдаты проявили замечательную храбрость и присутствие духа: хотя их со всех сторон палил огонь и снаряды сыпались на них градом и хотя они видели, что горит весь обоз и все их имущество, – не только никто не отходил от вала, чтобы совсем его покинуть, но почти никто даже и не оглядывался, но все сражались с необыкновенным ожесточением и отвагой. Для наших это был самый тяжкий день, но он окончился тем, что тогда было изранено и перебито очень много врагов, так как они сгруппировались у самого вала и задние ряды не давали передним возможности выбраться. Когда огонь на время несколько ослабел и в одном пункте враги подкатали башню вплотную к валу, то центурионы третьей когорты отступили со своей позиции и отвели всех своих людей и начали кивками и криками приглашать врагов, не угодно ли им пожаловать в укрепление; но ни один не осмелился сделать ни шагу вперед. Тогда их со всех сторон осыпали градом камней и выбили из башни, а башню подожгли.

XLIV

В том легионе было два очень храбрых центуриона, которым немного оставалось до повышения в первый ранг: Т. Пулион и Л. Ворен. Между ними был постоянный спор о том, кто из них заслуживает предпочтения, и из года в год они боролись за повышение с величайшим соревнованием. Когда около укреплений шел ожесточенный бой, Пулион сказал: *чего ж ты раздумываешь, Ворен? И какого другого случая ждешь показать свою храбрость? Нынешний день порешит наш спор.* С этими словами он вышел из-за укрепления и бросился на неприятелей там, где они были особенно скучены. Ворен тоже не остался за валом, но, боясь общественного мнения, пошел за ним. Тогда Пулион, подойдя на близкое расстояние к врагу, пустил копье и пронзил им одного галла, выбежавшего вперед из толпы. Враги прикрыли щитами своего пораженного и бездыханного товарища и все до одного стали стрелять в Пулиона, не давая ему возможности двинуться с места. Пулиону пробили щит, и один дротик попал в перевязь. Этим ударом были отброшены назад ножны и задержана его правая рука, когда он пытался вытащить меч. Тогда враги, пользуясь его затруднением, обступили его. Но тут подбежал его соперник Ворен и подал ему в эту трудную минуту помощь. Вся толпа тотчас же обратилась на него и бросила Пулиона, думая, что он убит дротиком. Ворен действует мечом и, убив одного, мало-помалу заставляет остальных отступить; но в увлечении преследованием он попадает в яму и падает. Теперь и он в свою очередь окружен, но ему приходит на помощь Пулион, и оба, убив немало неприятелей, благополучно, со славой возвращаются в лагерь. Так подшутила над ними судьба в их соперничестве и борьбе: оба врага поддержали и выручили друг друга, и нельзя было решить, кого из них следует признать храбрее другого.

XLV

Осада с каждым днем становилась тяжелее и опаснее, особенно потому, что значительная часть солдат была переранена и оборону пришлось возложить лишь на немногих защитников. Тем чаще посылались к Цезарю письма и гонцы; но часть последних враги ловили и на глазах у наших солдат подвергали мучительной казни. В лагере был один знатный нервий, по имени Вертикон, который с самого начала осады перебежал к Цицерону и на деле доказал ему свою полную преданность. Этот самый Вертикон склонил обещанием свободы и большими наградами одного из своих рабов к тому, чтобы доставить письмо Цезарю. Тот привязал письмо к метательному копьё, пронес его и, не возбуждая у галлов, как галл, никаких подозрений, добрался до Цезаря, который этим путем узнал об опасном положении Цицерона и его легиона.

XLVI

Цезарь получил это письмо около 11-го часа дня и тут же отправил к М. Крассу, стоявшему лагерем в стране белловаков в двадцати пяти милях от него, гонца с приказом выступить со своим легионом в полночь и спешно идти к нему. Красс двинулся немедленно по прибытии гонца. Другого гонца Цезарь послал к легату Г. Фабию, чтобы тот привел легион в область атребатов, где Цезарь должен был проходить. Писал он и Лабиему, чтобы тот со своим легионом подошел к границе нервиев, если это можно сделать без вреда для общего положения дела. Остальной части войска, так как она была слишком далеко, он решил не дожидаться. Кроме того, он стянул к себе около четырехсот всадников из ближайших зимних лагерей.

XLVII

Около третьего часа он получил от передовых разъездов (Красса) известие о приближении Красса и в этот день прошел двадцать миль. Красса он назначил комендантом Самаробривы и дал ему легион, так как здесь он оставлял обоз всей армии, заложников от общин, государственный архив и весь хлеб, свезенный им сюда на зиму. Фабий, как ему и было приказано, не стал терять много времени и со своим легионом встретил Цезаря на походе. Что касается Лабиена, то он уже узнал о смерти Сабина и о гибели римских когорт. Так как теперь против его лагеря появились все боевые силы треверов, то он опасался, что если его выступление из зимнего лагеря будет походить на бегство, то он не в состоянии будет выдержать атаку неприятеля, вдобавок упоенного недавней победой. Поэтому он указал в своем ответе Цезарю, до какой степени было бы для него опасно выводить свой легион из зимних квартир, описал события в стране эбуронов и уведомил, что все конные и пешие силы треверов заняли позицию в трех милях от его лагеря.

XLVIII

Цезарь одобрил его решение, и хотя вместо трех легионов, на которые он рассчитывал, он принужден был ограничиться двумя, тем не менее единственное средство к спасению ему представлялось в быстроте действий. Ускоренным маршем он прибыл в страну нервиев. Там он узнал от пленных о том, что делается у Цицерона и как опасно его положение. Тогда он уговорил, обещая большую награду, одного из галльских всадников доставить письмо к Цицерону. Оно было им написано по-гречески, чтобы враги из перехваченной нашей переписки не могли узнать наших планов. В случае невозможности добраться он дает галлу наставление привязать письмо к ремню дротика и этот дротик перебросить в лагерь. В письме он писал, что уже выступил с легионами и скоро будет на месте; пусть только Цицерон не изменит своей прежней доблести. Галл, боясь излишнего риска, пустил дротик согласно полученному наставлению. Он случайно зацепился за башню и в течение двух дней не был замечен нашими. Но на третий день один солдат увидел его, снял и доставил Цицерону. Тот, посмотрев письмо, прочел его на собрании солдат и этим чрезвычайно всех обрадовал. Скоро стали виднеться издали клубы дыма от пожаров, чем были устранены всякие сомнения относительно прихода легионов.

XLIX

Когда галлы узнали через разведчиков о приближении Цезаря, то они сняли осаду и пошли со всеми силами на него. Это была целая армия тысяч в шестьдесят. Пользуясь случаем, Цицерон снова потребовал у упомянутого Вертикона галла для доставки Цезарю письма. Посланному он напомнил, что он с крайней осторожностью должен держать свой путь, а в письме писал, что враги его оставили и всеми полчищами обратились против Цезаря. Это письмо было доставлено Цезарю около полуночи. Он сообщил его своим людям и ободрил их к сражению. На следующий день на рассвете он снялся с лагеря и приблизительно через четыре мили пути заметил полчища врагов за долиной и ручьем. Было бы очень опасно при таких маленьких силах дать сражение на невыгодной позиции; сверх того, так как он знал, что Цицерон теперь освобожден от осады, то он полагал, что можно спокойно действовать с меньшей скоростью. Поэтому он остановился и приказал разбить укрепленный лагерь на возможно более выгодной позиции. Хотя лагерь этот уже сам по себе был мал, так как предназначался для неполных семи тысяч человек, да еще без обоза, но он сделал его еще меньше, насколько возможно сузив его улицы, с тем чтобы внушить врагу полное презрение к нашему войску. Тем временем он во все стороны разослал разведчиков, чтобы найти самый удобный путь для перехода через долину.

Л

В этот день у ручья было несколько маленьких конных стычек, вообще же обе стороны держались в своих лагерях: галлы ожидали еще больших войск, которые еще не собрались, а Цезарь рассчитывал притворной трусливостью заманить врагов на свою сторону, чтобы дать им сражение в этой части долины перед своим лагерем, а если не удастся, то обследовать пути и перейти через долину и ручей с наименьшей опасностью. На рассвете неприятельская конница приблизилась к лагерю и завязала сражение с нашей. Цезарь приказал своим всадникам нарочно отступать перед врагом и отходить к лагерю; вместе с тем он распорядился сделать выше вал по всей линии, заложить ворота и за этой работой как можно более суетиться и проявлять притворный страх.

LI

Все это соблазнило врагов перевести свое войско и выстроить его в боевой порядок на невыгодной позиции; а так как Цезарь увел солдат даже с вала, то они подошли ближе, стали со всех сторон стрелять внутрь лагеря и через глашатаев всюду объявлять, что если кто – галл или римлянин – пожелает до 3-го часа перейти к ним, то он может это сделать безопасно, но после того это будет уже невозможно. И вообще они прониклись величайшим презрением к нам; так как им казалось, что они не могут прорваться через ворота, которые в действительности были лишь для виду заложены одним слоем дерна, то одни из них стали голыми руками обрывать вал, а другие заваливать рвы. Тогда Цезарь сделал вылазку из всех ворот, пустил на них конницу и быстро обратил их в бегство, так что в общем никто из них не осмелился остановиться для сопротивления; многие из них были убиты, и все принуждены были побросать оружие.

ЛII

Но продолжить преследование Цезарь не решился, так как между ним и неприятелями были леса и болота и, таким образом, не было возможности причинить им даже самые незначительные потери. Поэтому он в тот же день дошел до цицероновского лагеря, не потеряв ни одного солдата. Он с удивлением смотрит на неприятельские башни, «черепахи» и укрепления. На смотре легиона он узнает, что даже десяти процентов не осталось не раненными. По всему этому он мог судить, как велика была опасность и как храбро велась оборона. Он похвалил по заслугам Цицерона и легион и особо отличил тех центурионов и военных трибунов, которые, по свидетельству Цицерона, проявили выдающуюся доблесть. Подробности о гибели Сабина и Котты он узнал от пленных. На следующий день он созвал общее собрание, рассказал, как было дело, и обратился к солдатам со словами утешения и ободрения: *к тому несчастью, виной которого была опрометчивость легата, следует отнестись с тем большим хладнокровием, что оно уже искуплено милостью бессмертных богов и их собственной храбростью, и теперь ни для врага нет оснований долго радоваться, ни для них – долго горевать.*

LIII

Между тем до Лабиена с невероятной быстротой доходит через ремов весть о победе Цезаря. Хотя зимний лагерь Лабиена был приблизительно в шестидесяти милях от лагеря Цицерона и Цезарь пришел туда только после девятого часа дня, но еще раньше полуночи поднялся у лагерных ворот крик, которым ремы хотели дать знать Лабиену о победе и поздравить его. Когда эта весть дошла до треверов, то Индутиомар, который уже решил штурмовать на следующий день лагерь Лабиена, ночью бежал и отвел все свои войска назад к треверам. Цезарь отослал Фабия с его легионом назад в зимний лагерь, а сам с тремя легионами решил зимовать в трех лагерях в окрестностях Самаробривы и ввиду сильных восстаний, вспыхнувших в Галлии, лично остаться на всю зиму при своей армии. Действительно, при известии о гибели Сабина почти все галльские племена начали совещаться о войне, рассылать повсюду гонцов и послов, осведомляться о том, какие решения намерены предпринять другие и кто первый начнет военные действия, а также устраивать по ночам собрания в уединенных местах. Вообще почти за всю зиму не было ни одного спокойного для Цезаря дня, но он постоянно получал какие-нибудь известия о собраниях и волнениях галлов. Между прочим, Л. Росций, которого он назначил командиром 13-го легиона, известил его о том, что большие силы тех галльских племен, которые называются ареморийскими¹⁰¹, собрались для нападения на него и уже находились не более чем в восьми милях от его зимнего лагеря, но при известии о победе Цезаря ушли так поспешно, что уход этот походил на бегство.

¹⁰¹ Ареморийские общины (*Aremoricae civitates*) – приморские, между Лигером и Секваной, в Кельтской и Бельгийской Галлии.

LIV

Но Цезарь сумел удержать в повиновении значительную часть Галлии тем, что вызвал из всех общин их князей и либо запугивал их уверениями, что он знает обо всем происходящем, либо успокаивал их словами одобрения. Исключение составили только сеноны¹⁰², одно из самых сильных и влиятельных в Галлии племен. Цезарь назначил у них царем Каварина, брат которого Моритазг, так же как и его предки, царствовал над ними ко времени прихода Цезаря. И вот сеноны в силу постановления всей общины задумали убить Каварина, но так как он вовремя это заметил и бежал, то они преследовали его до границ царства, выгнали из своей страны и лишили царской власти, а затем отправили к Цезарю послов для своего оправдания. Но когда Цезарь потребовал, чтобы к нему явился весь их сенат, они не послушались. То обстоятельство, что нашлись люди, которые первые дали сигнал к войне с римлянами, произвело на варваров такое сильное впечатление и вызвало такой переворот в их настроении, что почти ни одно племя не могло в наших глазах считаться надежным, за исключением эдуев и ремов, которых Цезарь всегда отличал особым вниманием – одних за их давнюю и неизменную верность римскому народу, других – за недавние услуги в войне с галлами. И этому вряд ли нужно особенно удивляться: помимо других причин, галльский народ, занимавший по своей воинской доблести первое место среди всех других народов, естественно, был чрезвычайно огорчен таким умалением своей военной славы, которое довело его до подчинения римскому владычеству.

¹⁰² Сеноны (Senones) – крупное племя в Кельтской Галлии между Лигером и Матроной с городами Агединком, Метиоседом, Веллаунодуном.

LV

А треверы и Индутиомар не переставали в течение всей зимы посылать за Рейн послов, подстрекать германские общины, обещать им большие денежные суммы и распространять сообщения о том, что большая часть римской армии уничтожена и только очень небольшая уцелела. Но только ни одного германского племени им не удалось склонить к переходу через Рейн: те говорили, что их дважды проучили – во время войны Ариовиста и при переходе тенктеров, – и они больше не хотят испытывать счастье. Обманувшись в надежде на их помощь, Индутиомар тем не менее стал продолжать собирать и обучать войска, покупать у соседей лошадей и заманивать к себе большими наградами изгнанников и осужденных. И надо сказать, что всеми этими действиями он уже приобрел себе в Галлии такой авторитет, что к нему отовсюду стекались посольства, и не только целые общины, но даже частные лица искали его милости и дружбы.

LVI

Как только он заметил, что все к нему сами идут, что сенонов и карнутов как соучастников в возмущении можно толкнуть на дальнейшие шаги, а с другой стороны, нервии и адатуки прямо готовятся к войне с римлянами и что, как только он выступит из своей страны, у него не будет недостатка в добровольцах, – то он назначил вооруженный съезд. По галльским понятиям, это равносильно началу военных действий: на эти съезды обязаны собираться все взрослые люди в полном вооружении; кто является последним, того на глазах собравшегося народа подвергают всевозможным мучениям и казням. На этом съезде Индутиомар объявляет главу другой партии и своего зятя Кингеторига (который, как мы выше указали, отдался под защиту Цезаря и остался ему верным) врагом и конфискует его имущество. После этого он заявляет на съезде, что его позвали на помощь сеноны, карнуты и многие другие галльские племена: он пойдет к ним через страну ремов и опустошит их поля, а сначала нападет на Лабиена. Затем он отдал дальнейшие распоряжения.

LVII

Лабиаэн, стоявший в лагере, очень укрепленном самой природой и человеческим искусством, не боялся никакой опасности для себя и для своего легиона; он думал только, как бы не упустить случая к удачному сражению. И вот как только он узнал от Кингеторига и его приближенных содержание речи, которую Индутиомар держал на съезде, он послал гонцов к соседним племенам и стал отовсюду вызывать всадников, назначив им определенный срок для явки. Тем временем Индутиомар почти ежедневно разъезжал со всей конницей около его укреплений, либо с тем, чтобы познакомиться с расположением его лагеря, либо чтобы завязать переговоры или попугать; его всадники обыкновенно все стреляли через вал в лагерь. Но Лабиаэн не выпускал своих людей из окопов и всячески старался укрепить врага в его представлении о трусости римлян.

LVIII

Индутиомар каждый день с возрастающим презрением подъезжал к нашему лагерю. Но Лабизэн в одну из ночей ввел в лагерь конницу, набранную им у всех соседних племен, и всячески усилил караул, не давая никому выходить из лагеря, так, что треверы никоим образом не могли получить об этом каких-либо сведений. Между тем Индутиомар, по обыкновению, приблизился к лагерю и провел здесь значительную часть дня; его всадники стреляли и с громкой бранью вызывали наших на бой. Но, не получив от наших никакого ответа, они под вечер, когда им вздумалось, ушли и рассеялись без всякого порядка.

Вдруг Лабизэн выпускает на них из двух ворот всю конницу со строжайшим приказом – как только враги будут опрокинуты и обращены в бегство (он предполагал, что так случится, и это предположение оправдалось на деле), всем броситься на одного Индутиомара и прежде, чем не увидят его убитым, никому не целиться в кого-либо другого. Лабизэн, разумеется, не хотел, чтобы Индутиомар улучил время для бегства, пока наши солдаты будут заняты его людьми. За его голову он назначил большую награду. На помощь всадникам все время высылались когорты. Распоряжение это увенчалось успехом: так как все устремились на одного Индутиомара, то он был застигнут как раз во время переправы вброд через реку и убит; его голова была принесена в наш лагерь. Кроме него, всадники на обратном пути нагнали и перебили всех, кого могли. При известии об этом все собравшиеся силы эбурунов и нервиев разошлись, и с этого времени для Цезаря наступило некоторое успокоение Галлии.

Книга шестая

Содержание

Покорение нервиев, сенонов, карнутов, менапиев и треверов (гл. 1–8).

Вторая переправа Цезаря через Рейн. Сравнительная характеристика галльских и германских нравов (гл. 9—29).

Наказание Амбиорига и эбуронов (гл. 30–43).

Суд и казнь Аккона (гл. 44)

I

Так как Цезарь по многим причинам ожидал еще больших волнений в Галлии, то он решил произвести новый набор, поручив заведование им легатам М. Силану, Г. Антисию Регину и Т. Секстию. Вместе с тем он просил проконсула Гн. Помпея – ввиду того, что сам Помпей оставался по политическим причинам под Римом, с сохранением высшей военной власти, – призвать под знамена и отправить к нему тех солдат, которых Помпей в свое консульство набрал в Цисальпийской Галлии и привел к присяге. Цезарь считал очень важным поддерживать в галлах и на будущее время высокое мнение о военных ресурсах Италии, которые позволяют не только быстро пополнять понесенный на войне урон, но и во много раз увеличивать армию свежими силами. Помпей исполнил его просьбу в видах государственной пользы, а также по дружбе. В свою очередь, и легаты быстро набрали три легиона и еще до начала зимы сформировали их и привели к Цезарю. Таким образом, получилось двойное число когорт сравнительно с погибшими для Цезаря пятнадцатью когортами Кв. Титурия, и уже самой быстротой и численностью пополнения Цезарь доказал, что значит благоустройство и мощь римского государства.

II

После убийства Индутиомара, о котором шла речь выше, треверы вручили верховную власть его родственникам. Те не переставали волновать соседних германцев и обещать им денежные суммы. Не будучи в состоянии склонить на свою сторону ближайших соседей, они пытаются привлечь к себе более отдаленные племена. Когда таковые нашлись, они скрепляют союз с ними клятвой и обеспечивают денежное вознаграждение выдачей заложников. Они заключают дружественный союз также и с Амбиоригом. Эти вести убедили Цезаря в том, что ему со всех сторон грозит война: нервии, адуатуки и менапии в союзе с германцами, живущими на этом берегу Рейна, стоят под оружием, сеноны, несмотря на его приказ, не явились к нему и заводят сношения с карнутами и соседними племенами, треверы соблазняют германцев своими частыми посольствами. При таких обстоятельствах Цезарь счел нужным заблаговременно подумать о войне.

III

Поэтому еще до окончания зимы он стянул четыре ближайших легиона и с ними неожиданно вторгся в страну нервиев. Прежде чем они могли собраться или убежать, он захватил множество скота и народа, отдав его в добычу солдатам, и опустошил их поля. Этим он принудил их покориться и дать заложников. Быстро окончив эту операцию, он отвел легионы назад на зимние квартиры. В начале весны он, по обыкновению, назначил общегалльское собрание, на которое явились все, кроме сенонов, карнутов и треверов. В этом он усмотрел сигнал к войне и отпадению и, чтобы показать, что это для него самое неотложное дело, перенес собрание в город парисиев¹⁰³ – Лутетию. Они были соседями сенонов и на памяти наших отцов соединились с ними в одну общину, но можно было думать, что теперь они стояли в стороне от этого движения. Заявив с трибунала о таком положении дел, Цезарь в тот же день выступил с легионами против сенонов и достиг их страны ускоренным маршем.

¹⁰³ Парисии (Parisii) – племя в Кельтской Галлии на Секване с главным городом Лутетией (Paris).

IV

При известии о его приближении главный зачинщик возмущения Аккон приказал деревенскому населению сходиться в города. Но еще прежде, чем эта попытка могла быть исполнена, пришла весть, что римляне уже здесь. Тогда сеноны по необходимости оставили свой план и отправили к Цезарю послов с просьбой о помиловании. Доступ к нему они получили при посредстве эдуев, под покровительством которых они состояли издавна. По просьбе эдуев Цезарь охотно простил их и принял их извинения, полагая, что летом надо заниматься предстоящей войной, а не производством следствия. Он потребовал от них сто заложников, надзор за которыми поручил эдуям. Сюда же и карнеты прислали послов и заложников; ходатаями за них были ремы, под покровительством которых они состояли. Им дан был такой же ответ. Затем Цезарь распустил собрание и приказал общинам поставить всадников.

V

Замирив эту часть Галлии, Цезарь обратил все свои мысли и все внимание на войну с треверами и Амбиоригом. Каварину и его коннице он приказал выступить вместе с ним из опасения, как бы его раздражение или ненависть земляков, которую он навлек на себя, не вызвали волнений в его народе. Эти дела были, следовательно, устроены. Что же касается Амбиорига, то Цезарь был уверен, что он воздержится от сражения, но старался отгадать и другие его замыслы. Соседями эбуронов были защищенные сплошными лесами и болотами менапии, которые одни из всех галлов никогда не посылали к Цезарю послов с просьбой о мире. Он знал, что они связаны узами гостеприимства с Амбиоригом, который при посредстве треверов вступил в дружественные отношения также и с германцами. Вот этой-то поддержки и надо было лишить его раньше, чем напасть на него самого: иначе с отчаяния он начал бы искать себе убежища у менапиев или же вынужден был бы пристать к зарейнским германцам. Приняв такое решение, Цезарь послал обоз всей армии в страну треверов к Лабизну и, кроме того, туда же приказал двинуть два легиона, а сам с пятью легионами налегке выступил против менапиев. Последние, в надежде на то, что самая местность достаточно защитит их, не собирали никаких отрядов, но бежали в леса и болота и туда же перенесли все свое имущество.

VI

Поделившись своими боевыми силами с легатом Г. Фабием и квестором М. Крассом, Цезарь быстро навел мосты и двинулся на неприятеля тремя колоннами. Дворы и селения он предал пламени и захватил много скота и народа. Это вынудило менапиев послать к нему послов с просьбой о мире. Он взял от них заложников и заявил, что будет рассматривать их как врагов, если они дадут у себя приют Амбиоригу или его послам. Укрепив здесь свое положение, он оставил у менапиев для наблюдения атребата Коммия с конницей, а сам двинулся против треверов.

VII

За это время треверы собрали большие пешие и конные силы и готовились напасть на Лабиэна, который зимовал с одним легионом в их стране.

Они были от него уже не более чем в двух переходах, как вдруг узнали, что подошли два легиона, посланные Цезарем в подкрепление. Разбив свой лагерь в пятнадцати милях, они решили ожидать прихода германских вспомогательных войск. Лабиэн, узнав об их замыслах и надеясь, что их необдуманность даст ему случай сразиться, оставил для прикрытия обоза пять когорт, с двадцатью пятью когортами и с большим конным отрядом двинулся против неприятеля и в одной миле от него разбил укрепленный лагерь. Его отделяла от неприятеля трудная для перехода река с отвесными берегами. И сам он не собирался переходить через нее, и враги, по его предположениям, не стали бы переходить. У них со дня на день увеличивалась надежда на приход подкреплений. Тогда Лабиэн открыто говорит на военном совете, что ввиду слухов о приближении германцев он не намерен рисковать собой и своим войском и на следующий день снимется с лагеря. Это скоро было сообщено врагам, так как из большого числа галльских всадников некоторые, естественно, сочувствовали галльскому делу. Лабиэн созвал ночью военных трибунов и старших центурионов, познакомил их со своим планом и, чтобы тем легче внушить врагам мысль о нашей трусости, приказал сняться с лагеря с большим шумом и беспорядком, чем это обыкновенно бывает у римлян. Этим он сделал свое отступление похожим на бегство. При большой близости лагерей разведчики и об этом еще до рассвета донесли врагам.

VIII

Едва арьергард выступил из лагеря, как галлы начали убеждать друг друга не упускать из рук желанную добычу: *было бы долго*, говорили они, *при такой панике среди римлян дожидаться помощи от германцев, да и противно их достоинству бояться с их огромными силами напасть на ничтожный отряд, который вдобавок бежит и обременен тяжестями*. Поэтому они без колебаний перешли через реку и завязали сражение. Лабиэн, который заранее этого ожидал, продолжал делать вид, что отступает, и двигался не спеша, чтобы все их силы заманить на этот берег реки. Затем, пустив обоз несколько вперед и устроив его на одном холме, он сказал: *вот вам, солдаты, желанный случай – враг в ваших руках на позиции, для него затруднительной и невыгодной. Проявите передо мной, возждем вашим, ту же храбрость, какую вы часто проявляли перед вашим императором, и думайте, что он сам здесь и сам на вас смотрит*. Вместе с тем он приказывает сделать поворот в сторону врага и выстроиться; для прикрытия обоза он послал несколько эскадронов, а остальную конницу расположил на флангах. Наши немедленно подняли крик и стали пускать в неприятелей копья. Как только те увидели, что мнимые беглецы против ожидания идут на них в атаку, они не могли выдержать даже первого натиска, но уже при первом столкновении пустились бежать и устремились в леса. Лабиэн преследовал их с конницей, много перебил, немало взял в плен и, таким образом, через несколько дней снова покорил это племя. Ибо германцы, которые уже шли к ним на помощь, при известии о бегстве треверов вернулись домой. Вместе с ними удалились из страны и родственники Индутиомара, которые были зачинщиками этого возмущения. Кингеторигу, который, как мы говорили, с самого начала и до конца остался верным римлянам, была дана высшая гражданская и военная власть.

IX

Прибыв из страны менапиев в страну треверов, Цезарь решил по двум причинам переправиться через Рейн: во-первых, оттуда были посланы треверам вспомогательные войска против него, во-вторых, он не желал, чтобы там нашел себе убежище Амбиориг. Сообразно с этим он приказал навести мост несколько выше места своей первой переправы. Так как система сооружения была солдатам знакома и испытана на деле, то эта работа была выполнена при большом усердии солдат в несколько дней. Оставив в стране треверов у моста надежное прикрытие для предупреждения их внезапного возмущения, он перевел остальные силы и конницу на другой берег. Убии, которые еще раньше дали заложников и покорились, прислали к нему с целью оправдания послов и доказывали, что их община не посылала помощи треверам и осталась непоколебимо верной. Они убедительно просили пощадить их и из ненависти ко всем германцам вообще не наказывать невинных вместо виновных; если Цезарь желает от них еще большего числа заложников, то они готовы их дать. При разборе дела Цезарь нашел, что вспомогательные войска были посланы свебами; поэтому он принял оправдания убиев и стал производить разведку о доступах и дорогах к стране свебов.

X

Тем временем через несколько дней он получил от убиев известие, что свебы стягивают все свои боевые силы в одно место и требуют от подчиненных им племен присылки пеших и конных подкреплений. Тогда он принял меры к обеспечению себя провиантом и выбрал удобную позицию для лагеря. Убиям он дал приказ перевести весь свой скот и движимое имущество из деревень в города – в надежде, что недостаток продовольствия заставит тех грубых варваров принять сражение в невыгодной обстановке. Тем же убиям он поручил почаще посылать к свебам разведчиков и узнавать, что там делается. Они исполнили его приказания и через несколько дней сообщили, что *свебы, по получении точных сведений о римской армии, со всеми своими союзными войсками, которые они успели набрать, отступили к самым отдаленным границам своей страны – там есть огромный лес, по имени Бакенский; он идет далеко в глубь страны и служит естественной стеной для херусков и свебов против их нападений и разбойничьих набегов друг на друга; при входе в этот лес свебы и решили выждать приближения римлян.*

XI

В этой связи нам представляется нелишним поговорить о нравах Галлии и Германии и об отличии этих народов друг от друга. В Галлии не только во всех общинах и во всех округах и других подразделениях страны, но чуть ли не в каждом доме существуют партии. Во главе этих партий стоят лица, имеющие в общественном мнении наибольший вес, на их суд и усмотрение передаются все важнейшие дела. Этот порядок установился, по-видимому, очень давно, с тем чтобы людям простым была обеспечена помощь против сильных. Ибо ни один глава партии не позволяет притеснять и обижать своих приверженцев; в противном случае он теряет у своих сторонников всякое влияние. В общем итоге это явление наблюдается во всей Галлии, ибо во всех общинах существуют две партии.

XII

Ко времени прибытия Цезаря в Галлию во главе одной партии стояли эдуи, во главе другой – секваны. Последние сами по себе были сравнительно слабы, так как эдуи были издавна самым влиятельным народом и от них зависело много племен. Поэтому секваны вступили в союз с германцами и привлекли их на свою сторону большими материальными жертвами и обещаниями. Но после нескольких удачных сражений и уничтожения всей знати эдуев они получили такой перевес, что перетянули на свою сторону от эдуев значительную часть зависимых племен, взяли у них в заложники детей их князей, заставили дать от лица общины клятву не предпринимать ничего против секванов, а также насильственно завладели частью их пограничной земли и таким образом приобрели себе главенство над всей Галлией. Это крайне тяжелое положение заставило Дивитиака отправиться в Рим и просить помощи у нашего сената. С приходом Цезаря все изменилось: были возвращены эдуям заложники, отданы назад зависимые племена, при содействии Цезаря были завязаны связи с другими племенами, так как племена, примкнувшие к эдуям, находили, что эти новые условия для них выгоднее и власть справедливее. Но и во всех других отношениях влияние и авторитет эдуев возросли, и, таким образом, секваны должны были выпустить из рук свое главенство. Их место заняли ремы, и как только обнаружилось, что они пользуются одинаковым с эдуями расположением Цезаря, их клиентами стали объявлять себя те племена, которые из-за старой неприязни никоим образом не могли вступить в союз с эдуями. Ремы опекали их с большой заботливостью и этим укрепляли свое новое, внезапно приобретенное влияние. Вообще к этому времени дело обстояло так, что наиболее влиятельными считались эдуи, а второе место по своему значению занимали ремы.

ХІІІ

Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса – это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно – они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах – решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто – будет ли это частный человек или же целый народ – не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность. Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения.

XIV

Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими [они вообще свободны от военной службы и от всех других повинностей]. Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное. Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

XV

Другой класс – это всадники. Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные, или оборонительные войны). При этом чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и клиентов. В этом одном они видят свое влияние и могущество.

XVI

Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умиловать не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении; а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных.

XVII

Из богов они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств; он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он очень содействует наживе денег и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесел и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной. Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь.

XVIII

Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день. В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце.

XIX

К деньгам, которые муж получает в приданое за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы с него откладываются. Кто из супругов переживет другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с наросшими за все время процентами. Мужья имеют над женами, как и над детьми, право жизни и смерти, и когда умирает знатный человек – глава семейства, то собираются его родственники и в случае, если его смерть возбуждает какие-либо подозрения, пытаются жен, как рабов, и уличенных казнят после всевозможных пыток, между прочим, сожжением. Похороны у галлов сравнительно с их образом жизни великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил.

XX

В общинах, наиболее благоустроенных, существует строгий закон, чтобы всякий, кто узнает от соседей – будет ли это просто болтовня, или определенная молва – нечто, касающееся общественных интересов общин, доносил властям и не сообщал никому другому, так как опыт показал, что ложные слухи часто пугают людей безрассудных и неопытных, толкают их на необдуманные действия и заставляют принимать ответственные решения по важнейшим делам. Власти, что найдут нужным скрыть, скрывают, а то, что найдут полезным, объявляют народу, но вообще о государственных делах позволено говорить только в народном собрании.

XXI

Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведования богослужением, и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, именно – в солнце, Вулкана и луну; об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и в военных занятиях: они с детства приучаются к труду и к суровой жизни. Чем дольше молодые люди сохраняют целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет мускульную силу; зная до двадцатилетнего возраста, что такое женщина, они считают величайшим позором. Однако это и не скрывается, так как оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой.

XXII

Земледелием они занимаются мало; их пища состоит главным образом из молока, сыра и мяса.

Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности; но власти и князья каждый год наделяют землей, насколько и где найдут нужным, роды и объединившиеся союзы родственников, а через год заставляют их переходить на другое место. Этот порядок они объясняют разными соображениями, именно – чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием, чтобы они не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений; чтобы люди не слишком основательно строились из боязни холодов и жары; чтобы не нарождалась у них жадность к деньгам, благодаря которой возникают партии и раздоры; наконец, это лучшее средство управлять народом путем укрепления в нем довольства, раз каждый видит, что в имущественном отношении он не уступает людям самым сильным.

XXIII

Чем более опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для нее славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них; вместе с тем они полагают, что они будут находиться в большей безопасности, если будут устранять повод для страха перед неожиданными набегами. Когда община ведет оборонительную или наступательную войну, она выбирает для руководства ею особую власть с правом жизни и смерти. В мирное же время у них нет общей для всего племени власти, но старейшины областей и пагов творят суд среди своих и улаживают их споры. Разбои вне пределов собственной страны у них не считаются позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности. И когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди [подобного набега] и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрениях народной массы обещают свою помощь. Но те из них, кто на самом деле не пойдет, считаются дезертирами и изменниками, и после этого им ни в чем не верят. Оскорбить гостя германцы считают грехом и, кто бы и по какому бы делу к ним ни пришел, ограждают его от обид, признают его неприкосновенным, для него открыты все дома, и с ним все делятся пищей.

XXIV

Было некогда время, когда галлы превосходили храбростью германцев, сами шли на них войной и вследствие избытка населения при недостатке земли высылали свои колонии за Рейн. Таким образом самые плодородные местности в Германии около Геркинского леса (как я нахожу, он известен по слухам Эратосфену и некоторым другим греческим ученым под именем Оркинского) захватили волькитектосаги¹⁰⁴ и там поселились. Народ этот до сих пор там живет и пользуется большой славой за свою справедливость и военную доблесть. Но теперь германцы продолжают пребывать в той же нужде и бедности и по-прежнему терпеливо выносят их; у них осталась такая же пища, как прежде, и такая же одежда. Что же касается галлов, то близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей; благодаря этому они мало-помалу привыкли к тому, чтобы их побеждали, и после многих поражений даже и сами не пытаются равняться в храбрости с германцами.

¹⁰⁴ Волькитектосаги (V. Tectosages) – см. Вольки.

XXV

Упомянутый Геркинский лес тянется в ширину на девять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения. Лес этот начинается на границе гелветов, неметов и рауриков и тянется параллельно с рекой Данувием до страны даков¹⁰⁵ и анартов¹⁰⁶; отсюда он забирает налево, в сторону от реки и при своем огромном протяжении проходит через земли многих народов. В этой части Германии нет человека, который мог бы сказать, что доходил до конца этого леса (хотя бы он пробыл шестьдесят дней в пути) или даже слышал бы, где этот конец находится. Как известно, в нем водится много пород животных, невиданных в других местах. Наиболее своеобразные и замечательные из них суть следующие.

¹⁰⁵ Даки (Daci) – группа фракийских племен.

¹⁰⁶ Анарты (Anartes) – дакийское племя (Дакия соответствовала нынешним Семиградью, Молдавии и Валахии).

XXVI

Здесь водится бык с видом оленя; у него на лбу между ушами выдается один рог, более высокий и прямой, чем у известных нам рогатых животных. В своей верхней части он широко разветвляется наподобие ладони и ветвей. У самки такое же сложение, как у самца: ее рога имеют такую же форму и такую же величину.

XXVII

Водятся и так называемые лоси. Строением тела и пестротой они похожи на козлов, но несколько больше их, рога у них тупые, а ноги без связок и сочленений. Поэтому они не ложатся, когда хотят спать, и раз они почему-либо упали, то уже не могут ни стать на ноги, ни даже приподняться. Логовище им заменяют деревья: они к ним прислоняются и таким образом спят, немного откинувшись назад. Как только по их следам охотники откроют их обычное убежище, то в том же месте они либо подкапывают все деревья в корне, либо надрезывают их, но настолько, чтобы вообще казалось, что они крепко стоят. Как только лоси, по обыкновению, прислоняются к этим непрочным деревьям, они валят их своей тяжестью и вместе с ними падают сами.

XXVIII

Третья порода – это так называемые зубры. Они несколько меньше слонов, а по внешнему виду, цвету и строению тела похожи на быков. Они очень сильны и быстры и не щадят ни людей, ни животных, которых завидят. Германцы стараются заманивать их в ямы и там убивают. В этой трудной и своеобразной охоте упражняется и закаляется молодежь, и кто убьет наибольшее число зубров и публично представит в доказательство их рога, тот получает большие похвалы. Зубры, даже пойманные совсем маленькими, не привыкают к людям и не делаются ручными. По своему размеру, строению и внешнему виду их рога очень отличаются от рогов наших быков. Их всячески стараются добыть, оправляют по краям серебром и употребляют вместо кубков на торжественных пирах.

XXIX

Когда Цезарь узнал от разведчиков убиев, что свебы удалились в свои леса, он решил не двигаться дальше из боязни недостатка провианта, так как германцы, – на что мы указывали выше, – очень мало занимаются земледелием. Но чтобы вообще оставить варваров в страхе перед своим возвращением и задержать подход к ним подкреплений, он после обратной переправы своего войска через Рейн приказал разобрать на двести футов в длину конец моста у берега убиев и на краю моста поставил четырехэтажную башню; для охраны моста он заложил сильное предмостное укрепление, для прикрытия которого оставил двенадцать когорт под командой молодого Г. Волькация Тулла. Так как уже начал поспевать хлеб, то сам Цезарь выступил в поход против Амбиорига через Ардуеннский лес, самый большой во всей Галлии, который идет на протяжении с лишком пятисот миль от берегов Рейна и границы треверов вплоть до страны нервиев. Сюда же он послал вперед со всей конницей Л. Минуция Басила в расчете, что быстрота движения или же удобный случай помогут ему достигнуть некоторого успеха. При этом он посоветовал Басилу не позволять разводить в лагере огни, чтобы они еще издали не были сигналом его приближения, а сам обещал ему без промедления идти за ним следом.

XXX

Как Басилу было приказано, так он и поступил. Он быстро и совершенно неожиданно проделал свой поход и застиг врасплох массу эбуронов в деревнях. По их показаниям он двинулся против самого Амбиорига туда, где, как они говорили, он находился в сопровождении немногих всадников. Счастье во всем играет большую роль, особенно же в делах войны. Большой случайностью было то, что Басил наткнулся на Амбиорига, когда последний был к этому не готов и не принял мер предосторожности, и что Басила увидели перед собой прежде, чем о его наступлении могли дойти слухи и вести. Но не менее счастливым случаем для Амбиорига было то, что хотя он лишился всего бывшего при нем военного имущества, причем были захвачены даже повозки и лошади, но сам спасся от смерти. Это случилось лишь потому, что его дом стоял в лесу, так как вообще галлы для защиты от жары строят свои жилища большей частью вблизи лесов и рек, а его спутники и друзья, заняв узкую дорожку в лесу, некоторое время могли выдерживать нашу конную атаку. Во время боя кто-то из его людей посадил его на коня, и беглеца укрыл лес. Таким образом, по воле судьбы Амбиориг, с одной стороны, подвергся опасности, с другой – избежал ее.

XXXI

Умышленно ли не стянул Амбиориг всех своих сил, не считая возможным принимать решительное сражение, или ему в этом помешала краткость времени и внезапное появление нашей конницы, за которой, по его убеждению, должны были следовать наши главные силы, – сказать трудно. Во всяком случае, он разослал по деревням гонцов с предложением каждому заботиться о себе. Часть населения спаслась бегством в Ардуеннский лес, другая – в обширные болотистые местности; жившие ближе к Океану укрылись на островах, образуемых приливами; многие совсем покинули свою страну и нашли для себя и для всего своего достояния пристанище у людей совершенно чужих. Царь другой половины страны эбуронов – Катуволк, участник восстания Амбиорига, по своему преклонному возрасту не мог выносить тягости войны и бегства и, всячески проклиная Амбиорига как истинного виновника этого движения, отравился ягодами тиса, который в большом количестве водится в Галлии и в Германии.

XXXII

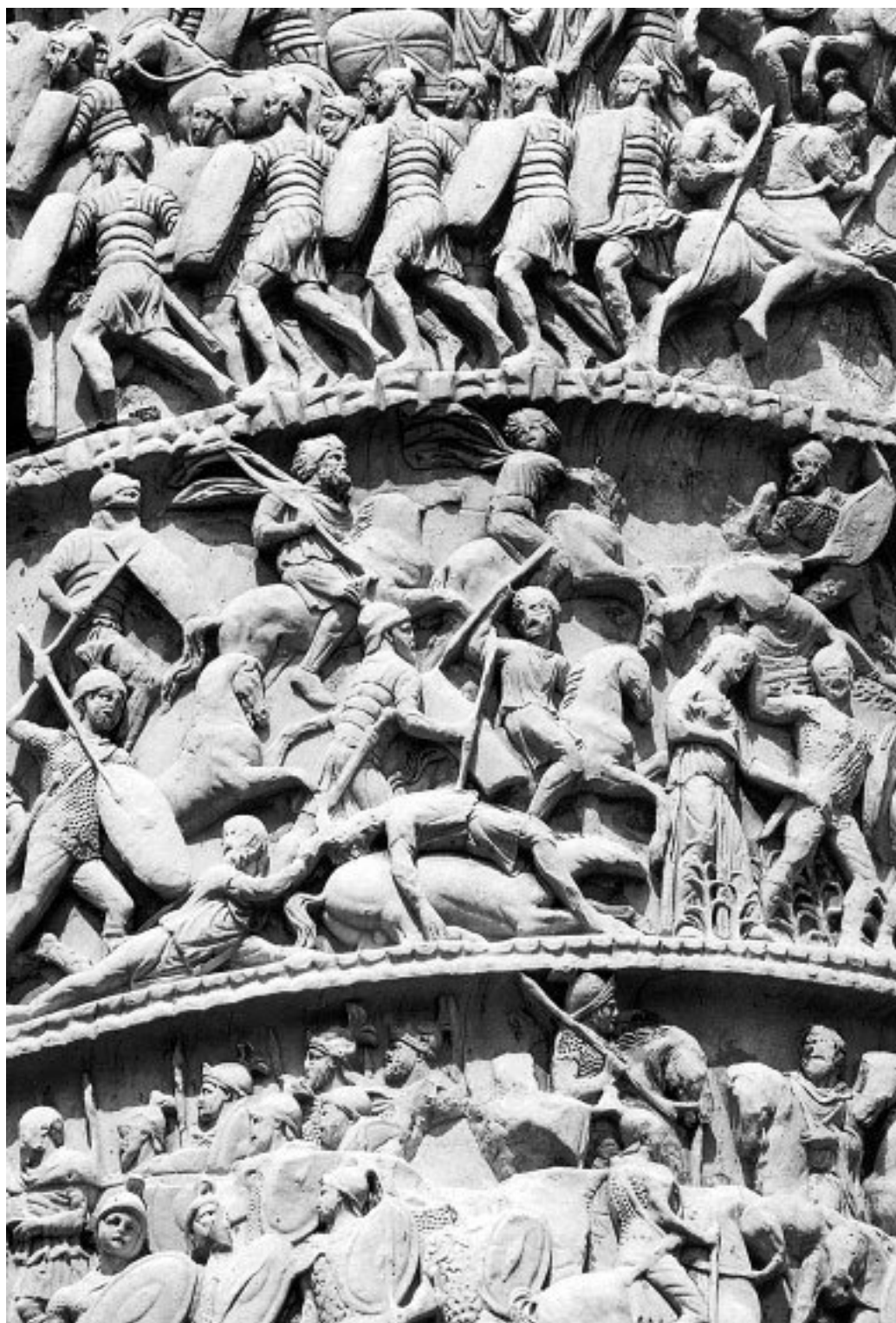
Сегны¹⁰⁷ и кондрусы, которые причисляются к германским племенам и живут между эбуронами и треверами, отправили Цезарю послов с просьбой не рассматривать их как врагов и вообще не думать, что все германцы, живущие по сю сторону Рейна, имеют общие интересы: сами они вовсе не помышляли о войне и не посылали никаких подкреплений Амбиоригу. Цезарь опросил по этому поводу пленных и приказал сегнам и кондрусам выдать ему всех бежавших эбуронов, которые вздумают спастись к ним. Только при этом условии он обещал не трогать их страны. Затем, разделив все свои силы на три колонны, он направил обоз всех легионов в Адугатуку. Так называется укрепленный пункт почти в центре страны эбуронов, где перед этим стояли на зимних квартирах Титурий и Аурункулей.

Это место он выбрал, между прочим, потому, что теперь нужно было облегчить работу солдат. Для прикрытия обоза он оставил 14-й легион, один из тех трех, которые он в последний раз набрал в Италии и перевел сюда. Командование легионом и лагерем он поручил Кв. Туллию Цицерону, которому, кроме того, придал двести всадников.

¹⁰⁷ Сегны (Segni) – племя в Бельгийской Галлии между эбуронами и треверами.

XXXIII

Разделив войско, одну из трех колонн в три легиона Цезарь отправил под командой Т. Лабиена к Океану в те части области эбуронов, которые соприкасаются со страной менапиев; другую, также в три легиона, под начальством Г. Требония, для опустошения области, прилегающей к стране адуатуков; а сам с остальными тремя легионами решил двинуться к притоку Мосы Скальдису и к окраине Ардуеннского леса, куда, по его сведениям, удалился в сопровождении немногих всадников Амбиориг. При выступлении он обещал вернуться через семь дней, так как знал, что к этому сроку легион, оставляемый в Адуатуке, должен получить свое довольствие. Лабиена и Требония он также убеждает вернуться, если это можно сделать без ущерба для всей кампании, к тому же дню, чтобы снова обменяться мнениями и, выяснив расчеты неприятеля, начать войну по новому плану.

XXXIV

У врагов, как мы выше указали, не было какого-либо регулярного войска, или города, или укрепленного пункта, способного к вооруженной обороне, но это была лишь масса, разбросанная в разных направлениях: каждый цеплялся или за скрытую долину, или за лесное место, или за непроходимое болото, если надеялся найти себе здесь защиту или спасение. Эти места были известны соседям, – что требовало от Цезаря особой бдительности, разумеется, не в смысле сохранения войска во всей его совокупности (армии как целому не могла угрожать никакая опасность со стороны уstraшенных и разбросанных неприятелей), но надо было беречь отдельных солдат; а это, в свою очередь, должно было отзываться и на всей армии. И действительно, с одной стороны, жажда добычи заманивала многих из них все дальше, а с другой – леса с их потаенными и неверными тропами не давали возможности атаковать неприятеля в сомкнутом строю. Чтобы покончить с этой операцией и в корне истребить весь этот преступный сброд, надо было бы рассылать в разные стороны много отдельных отрядов и, таким образом, раздроблять войско; если же держать манипулы в строю под знаменами, как этого требовали правила и установившийся в римской армии порядок, – в таком случае сама местность служила для варваров защитой, и у отдельных из них хватало дерзости устраивать засады и нападать на рассеявшихся римских солдат. Против подобных затруднений принимались, насколько возможно было, меры предосторожности в том соображении, что, при всей жажде мести у солдат, лучше жертвовать отдельными случаями причинить вред врагу, чем это делать с какими-либо потерями. Поэтому Цезарь разослал по соседним общинам гонцов, вызывая всех, рассчитывающих на добычу, грабить эбуронов, чтобы в их лесах подвергались опасности лучше галлы, чем легионные солдаты, а также чтобы окруженное этой массой племя было уничтожено за свои преступления вконец, вплоть до самого своего имени. И действительно, отовсюду собралось множество галлов.

XXXV

Так шло дело во всех частях страны эбуронов. Между тем уже приближался седьмой день, когда Цезарь хотел вернуться к обозу и в лагерь Цицерона. Тут можно было убедиться в том, какую роль играет на войне счастье и сколько превратностей оно приносит. Враги, как мы указали, были рассеяны и напуганы, и у них не было ни одного отряда, который мог бы подать нам хотя бы самый ничтожный повод к опасениям. Но тем временем дошел до зарейнских германцев слух о разграблении эбуронов и о том, что римляне вызывают охотников до добычи. Тогда жившие у самого Рейна сугамбры, которые, как выше было указано, дали приют бежавшим тенктерам и усипетам, собирают две тысячи всадников и переправляются через Рейн на кораблях и на плотах, на тридцать миль ниже того места, где Цезарь навел [второй] мост и поставил гарнизон. Они нападают на пограничные части области эбуронов, захватывают много разбежавшегося народа и большое количество скота, до которого варвары вообще большие охотники. В увлечении добычей они двигаются дальше; ни леса, ни болота не задерживают этих прирожденных воинов и разбойников. Они спрашивают у пленных, где находится Цезарь; им говорят, что он далеко и что его войско отсюда ушло. Один из пленных прибавил: *что вы гонитесь за этой жалкой и ничтожной добычей, когда вы сразу могли бы сделаться богачами? Через три часа вы можете быть в Адуатуке: туда римское войско свезло все свое богатство, а тамошний гарнизон так мал, что ни вала кругом занять не сможет, ни выйти за укрепления не решится.* Обнадеженные им германцы спрятали ту добычу, которую они уже успели награбить, и поспешили в Адуатуку, взяв в проводники того же пленного, который им это сообщил.

XXXVI

Цицерон во все предшествовавшие дни строго соблюдал указания Цезаря и держал солдат в лагере, не выпуская из него даже погонщиков. Но на седьмой день он стал сомневаться в том, что Цезарь в точности исполнит свое слово относительно дня возвращения, так как слышал, что он ушел далеко, и не было никаких вестей о его возвращении. Вместе с тем на него производили большое впечатление громкие жалобы тех, которые называли его терпеливое ожидание своего рода блокадой (раз даже из лагеря нельзя выйти). Наконец, и сам он не думал, что на три мили в окружности с ним может приключиться несчастье, когда против рассеянного и почти уничтоженного врага выставлено девять легионов с сильной конницей. Поэтому он выслал пять когорт за фуражом на те поля, которые отделялись от него всего только одним холмом. В лагере было оставлено много больных из разных легионов; около трехсот из них за эти дни выздоровели и были посланы вместе с когортами под особым знаменем; кроме того, воспользовавшись этим случаем, за ними пошло очень много погонщиков с большим количеством вьючных животных, остававшихся в лагере.

XXXVII

Как раз в этот момент случайно появились германские всадники и тотчас же на скаку попытались ворваться в лагерь у задних ворот. Так как с этой стороны их прикрывали леса, то они были замечены только при самом своем приближении к лагерю, так что торговцы, разбившие свои палатки у самого вала, не успели вернуться в лагерь. Это неожиданное нападение привело наших в замешательство, и караульная когорта с трудом выдержала первый натиск. Враги охватывают лагерь и с других сторон, в расчете найти какой-либо пункт для прорыва. Только с трудом наши удерживают ворота; остальные подступы защищает только самая местность и лагерные укрепления. Во всем лагере суeta и тревога, и один спрашивает у другого о причине переполоха; не соображают, куда направить атаку, кому куда идти. Один кричит, что лагерь уже взят; другой утверждает, что войско вместе с императором уничтожено и победители, варвары, уже здесь; большую часть самое место наводит на странные суеверные мысли: живо представляется катастрофа с Коттой и Сабинном, которые погибли именно в этом укреплении. Такой всеобщий страх и ужас у римлян поддерживает в варварах мысль, что в лагере действительно нет гарнизона, как им говорили пленные. Они пытаются прорваться и подбодряют друг друга к тому, чтобы не упускать из рук такого счастливого случая.

XXXVIII

В числе больных при отряде находился старший центурион в войске Цезаря П. Секстий Бакул, о котором мы упоминали в связи с прежними сражениями. Он уже пятый день не принимал пищи. Не ожидая спасения ни для себя, ни для остальных, он выходит без оружия из палатки, видит, что враги уже близко и дело совсем плохо; хватает оружие у первого попавшегося и становится у ворот. К нему присоединяются центурионы караульной когорты. Некоторое время они все вместе выдерживают бой, но Секстий лишается чувств от многих тяжелых ран, и его с трудом спасают, передавая из рук в руки. Тем временем остальные ободряются настолько, что осмеливаются стать на укрепления и принять вид активных защитников.

XXXIX

Между тем наши солдаты уже окончили фуражировку и вдруг слышат крик. Вперед выскакивают всадники и видят, как плохо обстоит дело. А здесь нет ни одного укрепления, чтобы прикрыть уstraшенных; только что набранные солдаты, без боевой опытности, глядят военному трибуну и центурионам в глаза и ждут их указаний. Нет такого храброго человека, которого неожиданность не смутила бы. Варвары, заметив издали сомкнутые ряды отряда, бросают штурм. Сперва они были убеждены, что вернулись легионы, которые [однако], по показанию пленных, должны были уйти далеко. Потом, удостоверившись в малочисленности отряда, они нападают на него со всех сторон.

XL

Погонщики побежали вперед на ближайший холм. Быстро выбитые оттуда, они бросаются к знаменам и манипулам и тем еще больше терроризируют и без того оробевших солдат. Другие предлагают образовать, ввиду близости лагеря, клинообразную колонну и таким образом быстро пробиться – в полной уверенности, что если некоторая часть из них и будет отрезана и уничтожена, зато остальные могут спастись; третьи советуют занять позицию на возвышенности и сообща разделить общую участь. Этому не одобряют старые солдаты, которые, как мы указали, отправились под особым знаменем вместе с когортами. И вот, ободрив друг друга, они под предводительством своего начальника – римского всадника Г. Требония – пробиваются сквозь неприятельские ряды и все до одного благополучно достигают лагеря. Примкнувшие к ним погонщики и всадники спаслись благодаря той же атаке этих храбрых солдат. Наоборот, те, которые заняли возвышенности, за отсутствием боевого опыта не выдержали принятого ими же самими плана – защищаться на высокой позиции, – равно как и не сумели усвоить себе ту стремительность и быстроту, которая на их глазах так помогала другим. Вместо этого они попытались вернуться в лагерь, причем попали на невыгодное место. Их центурионы, часть которых была переведена из низших рангов в других легионах в этот легион с повышением в ранге за храбрость, сражались с чрезвычайной доблестью, чтобы не потерять ранее приобретенной славы, и пали; зато часть солдат, воодушевленная их храбростью, заставила врага податься и, против ожидания, благополучно достигла лагеря; другая же часть была окружена варварами и погибла.

XLI

Германцы, видя, что наши уже стоят на укреплениях, потеряли надежду на завоевание лагеря и вернулись за Рейн с той добычей, которую они спрятали в лесах. Но даже после ухода неприятеля все еще продолжался ужас у наших, и когда посланный Цезарем с конницей Г. Волусен в следующую ночь прибыл в лагерь, ему никто не хотел верить, что Цезарь и его армия невредимы и подходят. Все были так охвачены страхом, что, точно безумные, утверждали, что все главные силы уничтожены и что только этот конный отряд спасся при общем бегстве: *ведь если бы, говорили они, войско было невредимым, германцы не стали бы штурмовать лагеря.* Их страху положил конец только приход Цезаря.

XLII

Как человек, хорошо знакомый с превратностями войны, Цезарь по своем возвращении мог сделать упрек единственно в том, что когорты были посланы со своего поста и из укрепленного лагеря: следовало избегать возможности даже самой незначительной неудачи; по его мнению, несомненной игрой судьбы было внезапное нападение врага, а еще более – его удаление после того, как он был уже у самого вала, почти в воротах лагеря. Но самым удивительным во всем этом деле представлялось то, что германцы, переправившиеся через Рейн с намерением опустошить страну Амбиорига, случайно отвлеклись в сторону римского лагеря и тем оказали Амбиоригу самую желанную услугу.

XLIII

Цезарь снова выступил для опустошения земли врагов. Из соседних племен он собрал много народа и разослал его во все стороны. Все селения и дворы, какие только попадались на глаза, были сожжены; все разграблялось; хлеб на полях съедало множество вьючных животных и людей, а то, что оставалось, полегло от дурной осенней погоды и проливных дождей; если кому-нибудь покамест еще и удавалось укрыться, то всем таким людям, даже после ухода нашего войска, грозила несомненная смерть от голода. При этом разосланные в огромном количестве по разным направлениям всадники часто добирались до такого пункта, что эбуроны при взятии в плен искали глазами Амбиорига, точно они только что видели его бегущим, и даже утверждали, что он не совсем еще скрылся. Это увеличивало надежду на успех погони, и те, которые желали заслужить высшую благодарность Цезаря, брали на себя бесконечный труд и, можно сказать, в своем усердии готовы были превзойти самую природу человеческую. Но каждый раз какой-нибудь мелочи недоставало до полного успеха. А тем временем Амбиориг спасался в потаенных местах и в густых лесах и под покровом ночи устремлялся по иным направлениям и в другие местности – притом в сопровождении только четырех всадников, которым он одним решался доверить свою жизнь.

XLIV

Когда, таким образом, вся эта местность была опустошена Цезарь отвел все свое войско с потерей только двух когорт, назад в Дурокортор в стране ремов. Назначив в этом пункте общегалльское собрание, он решил произвести следствие о заговоре сенонов и карнутов. Аккон, который стоял во главе этого заговора, был присужден к смерти и казнен по обычаю предков. Некоторые из страха перед судом бежали. Они объявлены были лишенными огня и воды. После этого Цезарь поместил на зимние квартиры два легиона на границе треверов, два в области лингонов, шесть остальных в Агединке в области сенонов, заготовил для всей армии продовольствие и, по своему обыкновению, отправился в Италию на судебный съезд.

Книга седьмая

Содержание

- Начало восстания всей Галлии. Верцингеториг (гл. 1–5).
Начало войны. Завоевание Веллаунодуна, Кенаба и Новиодуна (гл. 6—13).
Осада и завоевание Аварика (гл. 14–31).
Осада Герговии. Отступление Цезаря. Отпадение эдуев (гл. 32–56).
Поход Лабиэна против парисиев (гл. 57–62).
Новые приготовления обеих сторон к борьбе (гл. 63–65).
Победа Цезаря над Верцингеторигом (гл. 66–68).
Блокада и взятие Алесии (гл. 69–90)

I

Итак, в Галлии водворилось спокойствие, и Цезарь, по обыкновению, отправился в Италию для судопроизводства. Здесь он узнал об убийстве Клодия и о постановлении сената, по которому все военнообязанные в Италии должны были стать под знамена. Ввиду этого и он начал производить набор во всей Провинции. Вести об этих происшествиях быстро доходят в Трансальпийскую Галлию. Соответственно обстоятельствам, галлы преувеличивают события и сами сочиняют слух, что Цезаря удерживает восстание в Риме и из-за больших смут он не может прибыть к войску. Этот случай побудил людей, уже давно скорбевших о своем подчинении римской власти, строить с большой свободой и смелостью планы войны с римлянами. Галльские князья стали собираться в лесных и отдаленных местах и жаловаться на казнь Аккона: *такая же участь, говорили они, может постигнуть и их самих*. Они сокрушаются об общей для всей Галлии судьбе; всякими обещаниями и наградами вызывают желающих начать восстание и на свой риск добиваться свободы для Галлии. *Главное дело – отрезать Цезаря от его армии прежде, чем их тайные планы сделаются известными. И это нетрудно, так как ни легионы не осмелятся выйти из зимнего лагеря в отсутствие полководца, ни полководец не может добраться до легионов без прикрытия; наконец, лучше пасть в бою, чем отказаться от попытки вернуть свою прежнюю военную славу и унаследованную от предков свободу.*

II

После оживленных прений карнеты заявляют, что для общего блага они готовы на все опасности, и обещают первыми начать войну. Но так как невозможно было обеспечить тайну предприятия путем обмена заложниками, то они требуют клятвенной поруки в том, что после начала военных действий их не покинут остальные; такой порукой должна быть присяга перед соединенными знаменами, которая была у галлов одним из самых торжественных религиозных обрядов. Все присутствовавшие похвалили карнутов, дали эту присягу, условились о дне восстания и затем разошлись по домам.

III

Когда наступил условленный день, карнеты под предводительством двух отчаянных смельчаков – Гутруата и Конконнетодумна – по данному знаку устремились в Кенаб, перебили римских граждан, поселившихся там с торговыми целями, и разграбили их имущество. В том числе погиб и уважаемый римский всадник Г. Фуфий Цита, который по приказу Цезаря завел продовольствием. Молва об этом скоро дошла до всех общин Галлии. Действительно, о каждом сколько-нибудь крупном и выдающемся событии галлы дают знать криком по полям и округам; там, в свою очередь, их подхватывают и передают соседям, как было и на этот раз; то, что при восходе солнца произошло в Кенабе, стало известным еще до окончания первой стражи в стране арвернов, то есть приблизительно за сто шестьдесят миль.

IV

Так было и с арверном Верцингеторигом, сыном Кельтиллы. Этот очень влиятельный молодой человек, отец которого стоял некогда во главе всей Галлии и за свое стремление к царской власти был убит своими согражданами, собрал всех своих клиентов и без труда поджег их к восстанию. Узнав о его замыслах, арверны схватились за оружие. Его дядя Гобаннитион и остальные князья, не находившие возможным теперь же пытаться счастья, воспротивились ему, и он был изгнан из города Герговии. Однако он не отказался от своего намерения и стал набирать по деревням бедноту и всякий сброд. С этой шайкой он обходит общину и повсюду привлекает к себе сторонников, призывая к оружию для борьбы за общую свободу. Собрав таким образом большие силы, он изгоняет из страны своих противников, которые недавно изгнали его самого. Его приверженцы провозглашают его царем. Он повсюду рассылает посольства, закликает галлов соблюдать верность своей присяге. Скоро в союз с ним вступают сеноны, париси, пиктоны, кадурки¹⁰⁸, туроны, аулерки, лемовики, анды и все прочие племена на берегу Океана. По единогласному постановлению они вручили ему главное командование. Облеченный этой властью, он требует от всех этих общин заложников; приказывает в кратчайший срок поставить определенное число солдат; определяет, сколько оружия и к какому сроку должна изготовить у себя каждая община. Главным образом он заботится о коннице. Чрезвычайная энергия соединяется у него с чрезвычайной строгостью военной дисциплины: колеблющихся он подвергает большим наказаниям, за крупные преступления приказывает сжигать и казнить всевозможными пытками, за легкие проступки – обрезать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять на родину, чтобы наказанные служили уроком для остальных и своей тяжелой карой внушали им страх.

¹⁰⁸ Кадурки (Cadurci) – племя в Кельтской Галлии, по соседству с Провинцией и Аквитанией. Главный город их – Укселлодун, н. Cahors.

V

Быстро набрав этими суровыми мерами целую армию, он посылает часть ее под начальством отчаянного смельчака – кадурка Лактерия – в область рутенов, а с другой отправился сам в область битуригов. При его приближении битуриги отправили к своим покровителям эдуям послов с просьбой о подкреплении, чтобы сообща легче выдержать нападение неприятельского войска. Эдуи по совету легатов, которых Цезарь оставил при армии, послали битуригам в помощь и конные, и пешие силы. Когда эти войска дошли до Лигера, отделяющего битуригов от эдуев, то они простояли там несколько дней, не решаясь переправляться через реку, и вернулись домой, а легатам нашим донесли, что вернулись из боязни вероломства битуригов, которые, по их сведениям, были намерены напасть на них в случае их переправы с одной стороны сами, в то время как с другой нападут арверны. Действительно ли такова была причина, которая будто бы заставила эдуев вернуться, или это было с их стороны вероломством, утвердительно сказать нельзя за отсутствием достаточных данных. Во всяком случае, по уходе эдуев битуриги немедленно соединились с арвернами.

VI

К тому времени, когда Цезарь получил в Италии известия об этих событиях, положение дел в Риме, благодаря энергичным мерам Гн. Помпея, значительно улучшилось. Ввиду этого Цезарь немедленно отправился в Трансальпийскую Галлию. Там он был в большом затруднении, не зная, каким образом добраться до своей армии. Если вызвать легионы в Провинцию, то в его отсутствие они, несомненно, будут вынуждены принять решительное сражение на походе; если же самому поспешить к армии, то в такое время было бы явной неосторожностью доверить свою личную безопасность даже тем галлам, которые с виду держались спокойно.

VII

Тем временем посланный к рутенам кадурк Луктерий склонил их общину к союзу с арвернами. Отсюда он двинулся дальше в области нитиоброгов¹⁰⁹ и габалов¹¹⁰, с тех и других взял заложников, собрал значительные боевые силы и задумал прорваться в Провинцию по направлению к Нарбону. При известии об этом Цезарь счел самым неотложным делом самому поспешить в Нарбон. Прибыв туда, он ободряет робких, ставит гарнизоны во всех пунктах, пограничных с неприятелем, именно в области принадлежащих к Провинции рутенов, арекомийских вольков, толосатов и в окрестностях Нарбона; часть его сил в Провинции и подкрепления, приведенные им из Италии, должны были собраться в области гельвиев¹¹¹ на границе с арвернами.

¹⁰⁹ Нитиоброги (Nitiobroges) – аквитанское племя с главным городом Aginnum, н. Agen.

¹¹⁰ Габалы (Gabali) – кельтское племя в Севеннах, зависевшее от арвернов, в местности Le Gevaudon.

¹¹¹ Гельвии (Helvii) – племя Провинции Галлии между Севеннами и Роной.

VIII

Эти меры сразу остановили и оттеснили Луктерия, так как он считал опасным пробиваться в Провинцию сквозь линию укреплений, и Цезарь двинулся в страну гельвиев. Но этот поход был затруднен тем, что Кевеннский хребет, отделяющий арвернов от гельвиев, в это суровое время года был покрыт очень глубоким снегом; однако напряженной работой солдат снеговые массы в шесть футов высотой были очищены, и таким образом были открыты пути, по которым Цезарь и дошел до страны арвернов. Эти последние были застигнуты врасплох, так как за Кевеннами они чувствовали себя, как за каменной стеной, и в это время года в горах даже отдельные пешеходы не имели понятия о каких-либо тропинках. Ввиду этого Цезарь приказал своей коннице охватить своими набегами возможно более широкий район и как можно больше нагнать страху на неприятелей. Слухи и прямые вести об этом доходят до Верцингеторига. Его обступают в ужасе все арверны и умоляют позаботиться об их достоянии и не отдавать его на разграбление врагам, тем более что война, как и сам он видит, всей тяжестью обрушивается на их страну. Их просьбы побудили его выступить из области битуригов по направлению к стране арвернов.

IX

Цезарь предвидел, что Верцингеториг так и поступит. Поэтому он пробыл в этих местах только два дня, а затем оставил армию под предлогом, что желает привести сюда подкрепления и стянуть всю конницу. Во главе этой армии он поставил молодого Брута и приказал ему разослать по всем направлениям конницу для набегов на возможно большем пространстве, прибавив, что постарается пробыть в отлучке не более трех дней. После этого он сам быстрым маршем прибыл в Вьенну против ожидания своих. Застав там в отличном состоянии конницу, которую он за много дней до этого выслал впереди себя, он двинулся с нею, не останавливаясь ни днем, ни ночью, через страну эдуев в область лингонов, где зимовали два его легиона, чтобы в случае, если даже и эдуи задумают посягнуть на его личную безопасность, предупредить их замыслы быстротой действий. Прибыв туда, он посылает приказы к остальным легионам и стягивает их в одно место прежде, чем арверны могли получить сведения о его приближении. При этом известии Верцингеториг снова отвел свое войско в область битуригов, оттуда двинулся к Горговине, городу боев, которые после поражения в гельветийской битве были поселены там Цезарем и отданы под покровительство эдуям, и приступил к его осаде.

Х

Этот маневр очень затруднял дальнейшие операции Цезаря. Если продержат легионы весь конец зимы в одном пункте, то враг может взять с бою подвластный эдуям город, и тогда вся Галлия увидит, что от Цезаря нет никакой помощи даже друзьям, и отпадет; если ж слишком рано вывести их из зимнего лагеря, то пришлось бы страдать от затруднений в доставке провианта. В конце концов Цезарь решил, что лучше претерпеть всевозможные затруднения, чем навлечь на себя позор и лишиться расположения своих сторонников. Поэтому он уговорил эдуев подвозить к нему провиант и послал гонцов к боям, чтобы заранее известить их о своем приближении и ободрить к сохранению верности и к мужественному сопротивлению атакам врага. Оставив в Агединке два легиона и обоз всей армии, он двинулся в страну боев.

XI

На следующий день он подошел к городу сенонов Веллаунодуну. Чтобы не оставлять у себя в тылу врагов и тем облегчить подвоз провианта, он приступил к осаде города и через два дня обвел его валом. На третий день из города явились послы с предложением капитуляции. Цезарь приказал выдать оружие, вывести вьючный скот и дать шестьсот заложников. Для наблюдения за исполнением этих условий он оставил легата Г. Требония, а сам поторопился продолжить свой поход на город карнутов – Кенаб. Карнuty только теперь узнали об осаде Веллаунодуна и в предположении, что она затянется довольно долго, все еще были заняты формированием гарнизона для обороны Кенаба. Сюда Цезарь прибыл через два дня и разбил лагерь перед самым городом, но за поздним временем отложил осаду до следующего дня, причем, однако, приказал солдатам немедленно заготовить все для нее необходимое. Так как к городу Кенабу примыкал мост через реку Лигер, то из опасения, что неприятели ночью убегут из города, он приказал двум легионам караулить всю ночь под оружием. И действительно, кенабийцы незадолго до полуночи бесшумно вышли из города и начали переходить через реку. Об этом дали знать Цезарю разведчики. Тогда он приказал легионам, которые по его распоряжению были наготове, поджечь ворота и вступить в город. Город попал в его руки, и почти все жители за немногими исключениями были взяты в плен, так как узость моста и дорог сделала бегство для большой массы невозможным. Он приказал разграбить и сжечь город и отдал его в добычу солдатам. Затем он перевел войско через Лигер и прибыл в область битуригов.

XII

Узнав о приходе Цезаря, Верцингеториг снял осаду и двинулся ему навстречу. Цезарь между тем приступил к осаде города битуригов Новиодуна, лежавшего на его пути. Из этого города пришли к нему послы с просьбой о прощении и пощаде. Желая исполнить свои дальнейшие планы с той же скоростью, которой он был обязан успехом в большей части своих предприятий, он приказал сдать оружие, вывести лошадей и дать заложников. Часть заложников была уже выдана, остальные дела были в полном ходу, в город были уже введены центурионы с несколькими солдатами для приема оружия и животных, как вдруг вдали показалась неприятельская конница, образовавшая авангард колонны Верцингеторига. Как только горожане заметили ее и прониклись надеждой на выручку, они подняли военный клич и стали хвататься за оружие, запирают ворота и занимать стену. Бывшие в городе центурионы догадались по всему поведению галлов, что они что-то замышляют, немедленно обнажили мечи, заняли ворота и благополучно вернулись оттуда со своими солдатами в лагерь.

ХІІІ

Цезарь приказал коннице выступить из лагеря и завязал конное сражение. Когда наших начали теснить враги, то он послал в помощь около четырехсот германских всадников, которых он с самого начала войны обыкновенно держал при себе. Галлы не могли выдержать их натиска, обратились в бегство и с большими потерями отступили к своим главным силам. После их поражения горожанами снова овладел ужас. Они схватили тех, кого считали виновниками возмущения народа, привели их к Цезарю и сдались. Окончив эту операцию, Цезарь двинулся против Аварика, самого укрепленного и главного города битуригов, к тому же лежащего в очень плодородной местности. Он был уверен, что с занятием этого города подчинит общину битуригов своей власти.

XIV

После стольких сплошных неудач – под Веллаунодуном, Кенабом и Новиодуном – Верцингеториг созывает своих на собрание. Там он указывает, что войну следует вести совершенно иначе, чем до сих пор. *Надо всячески стараться отрезать римлян от фуражировок и подвоза провианта. Это сделать нетрудно, так как сами галлы имеют перевес в коннице и, кроме того, им благоприятствует время года. Травы косить нельзя; враги должны по необходимости дробиться на небольшие отряды и добывать фураж из усадеб; все подобные отряды может ежедневно уничтожать конница. Помимо того, все частные интересы надо принести в жертву общему благу, а именно – сжечь на всем этом пространстве селения и усадьбы всюду, куда только римляне могут отправляться за фуражом. А у галлов всего этого вполне достаточно, так как их будут снабжать своими запасами те, на чьей территории будет идти война. Римляне либо не вынесут голода, либо должны будут с большой для себя опасностью уходить слишком далеко от лагеря. При этом все равно – перебить их самих или лишить их обоза, без которого вести войну нельзя. Далее, надо сжечь такие города, которые не вполне обеспечены от опасности своим местоположением или искусственными укреплениями, чтобы они не были убежищем для галлов, уклоняющихся от воинской повинности, и не соблазняли бы римлян вывозить из них запасы провианта и добычу. Если бы это показалось тяжелым и огорчительным, то, несомненно, гораздо тяжелее увод в рабство детей и жен и истребление их самих, – а это неизбежная участь побежденных.*

XV

Предложение Верцингеторига было единодушно одобрено, и в один день было сожжено у битуригов более двадцати городов. То же происходит и в остальных общинах. Во всех направлениях видно зарево пожаров. Но как все это ни огорчало галлов, они утешали себя уверенностью, что теперь победа почти в их руках и они скоро вернут потерянное. На общем собрании обсуждался вопрос и об Аварике – сжечь ли его или же защищать. Битуриги на коленях молят всех галлов не принуждать их своими руками поджигать этот, может быть, самый прекрасный город во всей Галлии, красу и опору их общины. Они утверждают, что защитят его благодаря его местоположению, так как он почти со всех сторон окружен рекой и болотом и доступен только в одном, и то очень узком месте. Эта просьба была уважена. Верцингеториг сначала противился, но потом уступил их мольбам и всеобщему сочувствию к ним. Для города были выбраны надежные защитники.

XVI

Верцингеториг двигался по пятам Цезаря небольшими дневными переходами и в конце концов выбрал для лагеря место, защищенное болотами и лесами, в шестнадцати милях от Аварика. Там, благодаря регулярно поставленной разведке, он ежечасно узнавал о том, что делается в Аварике, и давал соответственные указания. Он наблюдал за всеми нашими продовольственными и фуражировочными отрядами, и когда они заходили слишком далеко, нападал на них поодиночке и причинял им значительный урон, хотя с нашей стороны, насколько это можно было предусмотреть, принимались предупредительные меры и экспедиции отправлялись в неопределенное время и не по одним и тем же направлениям.

XVII

Цезарь разбил лагерь у той части города, которая, как указано выше, не была окружена рекой и болотами и представляла единственный очень узкий доступ. Здесь он начал заготавливать материал для плотины, продвигать крытые галереи и устанавливать две башни, ибо окружению валом мешало местоположение. Относительно доставки продовольствия он не переставал обращаться с убедительными просьбами к боям и эдуям. Но последние мало помогали, потому что не обнаруживали ни малейшего усердия, а первые, будучи племенем слабым и малым, не располагали большими запасами и то, что имели, скоро съели сами. Таким образом, от бедности боев, нерачительности эдуев и пожара усадеб наша армия испытывала такие тяжелые продовольственные затруднения, что солдаты в течение многих дней не видели хлеба и утоляли свой острый голод лишь мясом скота, пригоняемого из отдаленных деревень; однако от них не слышали ни одного звука, недостойного величия римского народа и их прежних побед. Мало того, когда Цезарь на осадных работах обращался к отдельным легионам и говорил, что готов снять осаду, если им слишком тяжело терпеть нужду, они все до одного просили его не делать этого: *за много лет службы под его командованием они никогда не навлекли на себя бесчестия, ниоткуда не уходили, не кончив дела; они сочли бы для себя позором оставить начатую осаду; лучше вынести все лишения, чем отказаться от поминок в честь тех римских граждан, которые погибли в Кенабе от вероломства галлов.* То же самое они заявляли Цезарю и через своих центурионов и военных трибунов.

XVIII

Когда башни уже приблизились к стене, Цезарь узнал от пленных, что Верцингеториг извел весь фураж и поэтому придвинулся ближе к Аварику, причем сам он выступил с конницей и легковооруженными пехотинцами, привыкшими сражаться среди всадников, – для того чтобы устроить засаду там, куда, по его расчетам, наши должны были явиться на следующий день за фуражом. При известии об этом Цезарь выступил в полночь в полной тишине и рано утром достиг лагеря врагов. Те, скоро узнав через разведчиков о приближении Цезаря, спрятали свои повозки и обоз в густой лес, а все свои силы выстроили на высоком и открытом месте. Весть об этом заставила Цезаря отдать приказ немедленно убрать поклажу в одно место и держать оружие наготове.

XIX

Это была высота с легким у подошвы подъемом. Ее почти со всех сторон окружало чрезвычайно трудно проходимое болото, не шире пятидесяти футов. Галлы сломали мосты через него и спокойно держались на возвышенности, уверенные в природной крепости своей позиции; при этом они занимали все броды и проходы этого болота, разделившись по племенам, в полной готовности напасть со своей возвышенной позиции на римлян, если последние при своей попытке прорваться через болото застрянут в нем. Ввиду близости их расположения можно было бы подумать, что они готовы были дать бой при условиях, почти одинаковых для обеих сторон; но, убеждаясь в действительности как раз в неравенстве этих условий, легко можно было понять, что это лишь притворная, хвастливая демонстрация. Римские солдаты негодовали на то, что враги не боятся на таком ничтожном расстоянии спокойно смотреть на них, и требовали сигнала к бою. Но Цезарь разъяснил им, сколько жертв и скольких доблестных жизней должна была бы стоить эта победа: как раз потому, что он видит их полную готовность решиться на все ради его славы, он был бы повинен в величайшей несправедливости, если бы их жизнь была для него не дороже его личных интересов. Утешив этими словами солдат, он в тот же день отвел их в лагерь и стал делать дальнейшие приготовления к осаде города.

XX

Когда Верцингеториг вернулся к своим, то он был обвинен в измене за то, что слишком близко продвинулся к римлянам, что ушел со всей конницей, что оставил очень большие силы без командования, что после его ухода римляне подошли очень скоро с большой выгодой для себя; все это не могло произойти случайно и без умысла; он, следовательно, предпочитает быть царем Галлии с разрешения Цезаря, а не милостью своих соотечественников. На эти обвинения он возразил: с лагеря он снялся из-за недостатка фуража по их же собственному предложению; к римлянам он придвинулся из убеждения в выгоде позиции, которая сама себя способна защищать без всяких искусственных укреплений; без конницы в болотистых местах можно было вполне обойтись, тогда как там, куда она с ним выступила, она оказала полезные услуги. При своем уходе он намеренно никому не передавал командования, чтобы его заместитель под влиянием неразумного увлечения массы не соблазнился на решительное сражение, а к этому сражению, как он видел, стремились все по своей слабыхарактерности, так как им не хотелось дольше выносить трудности войны. Если римляне подошли случайно, надо благодарить судьбу; если же по чьему-либо показанию, то заслуживает признательности этот предатель, так как галлы со своей высокой позиции могли убедиться в их малочисленности и проникнуться презрением к храбрости людей, которые не осмеливались дать сражение и с позором отступили в свой лагерь. От Цезаря он вовсе не желает высшей власти путем измены, так как может получить ее после победы, которая теперь обеспечена для него и для всей Галлии. Мало того, власть эту он возвращает им назад, если они убеждены в том, что они не столько получают от него спасение, сколько оказывают ему честь. Чтобы вы увидели, прибавил он, что я говорю правду, послушайте римских солдат. При этом он выводит рабов, которых он несколько дней тому назад захватил на фуражировке и замучил голодом и цепями. Заранее наученные ответам на вопросы, которые им будут предлагать, они выдали себя за легионных солдат: будто бы от голода и крайней нужды они тайно вышли из лагеря в расчете найти в деревне сколько-нибудь хлеба или мяса. От такой же нужды страдает и все войско, все обессилели и не могут выносить работ над укреплениями; поэтому полководец решил увести войско через три дня, если осада города нисколько не подвинется вперед... Вот чем, сказал Верцингеториг, обязаны вы мне, которого вы обвиняете в измене. Вы сами видите, что я изнурил голодом большую победоносную армию, не пролив ни капли вашей крови. Я же принял меры и к тому, чтобы ни одно племя не дало ей убежища при ее позорном отступлении и бегстве.

XXI

Вся масса приветствует его криком и, согласно с обычаем, стучит оружием, – что галлы всегда делают в честь оратора, речь которого они одобряют: *Верцингеториг – великий вождь, его честность несомненна, и разумнее вести войну невозможно*. Решено было послать из всего войска десять тысяч отборных бойцов в город, чтобы не доверять общего блага одним битуригам, так как ясно было, что если они удержат этот город, то это и будет почти равносильно окончательной победе.

XXII

Исключительной доблести наших солдат галлы противопоставляли разного рода маневры, так как вообще эта нация отличается большой смышленостью и чрезвычайной способностью перенимать и воспроизводить у себя все, чему учат другие. Именно – наши стенные крюки они ловили петлями и, зацепив их, тащили воротом к себе в город, под нашу плотину они проводили подземные ходы и таким образом вытаскивали из-под нее землю, с тем большим знанием дела, что у них есть большие железные копи, и всякого рода подземные ходы им хорошо известны по собственному опыту. А всю свою стену они застроили со всех сторон ярусными башнями, которые покрыли кожами. Далее, они делали частые вылазки и днем и ночью и либо поджигали плотину, либо нападали на наших солдат за их работой, и на какую высоту от ежедневного увеличения плотины поднимались наши башни, такую же они давали своим башням посредством прибавки новых балок; наконец, проведение открытых ходов они задерживали заостренными и зажженными бревнами, горячей смолой и камнями огромной тяжести и таким образом препятствовали приближению их к стенам.

XXIII

Все галльские стены обыкновенно бывают такого устройства. На землю кладутся во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута; они связываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них кладут сверху другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходятся одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так рядами выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет в общем довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но, кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана – деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен – обыкновенно в сорок футов длиной – и внутри надлежащим образом связана.

XXIV

Все эти препятствия очень затрудняли осаду, и, кроме того, работа наших солдат все время замедлялась холодами и постоянными ливнями. И все-таки они преодолели все затруднения непрерывным трудом, построив в двадцать пять дней плотину шириной в триста тридцать футов и высотой в восемьдесят футов. Когда она уже почти касалась неприятельской стены и Цезарь, по обыкновению, проводил ночь при работающих солдатах и ободрял их ни на одну минуту не прерывать работы, незадолго до третьей стражи заметили, что плотина дымится (оказалось, что ее подожгли посредством подкопа враги); в то же время по всей стене поднялся воинский клич, и из двух ворот у обеих сторон [наших] башен началась вылазка. Другие бросали издали со стены на плотину факелы и сухое дерево, лили смолу и другие горючие вещества, так, что с трудом можно было сообразить, куда надо прежде всего спешить, где подать помощь. Но так как по заведенному Цезарем порядку всегда стояли на карауле два легиона и еще большее число солдат было занято попеременно работой, то скоро одни стали отбивать вылазку, другие отводить назад башни и ломать плотину, а вся масса солдат, бывшая в лагере, сбежалась тушить пожар.

XXV

Оставшаяся часть ночи уже пришла к концу, а сражение все еще продолжалось во всех пунктах, и у врагов возникали все новые и новые надежды на победу, тем более что они видели, как сгорели башенные щитки и какого труда стоило нашим солдатам, не имевшим прикрытия, подавать помощь. Наоборот, у них самих бойцы со свежими силами постоянно сменяли утомленных, и вообще они полагали, что спасение всей Галлии зависит исключительно от этого момента. В это время на наших глазах случился достойный упоминания эпизод, о котором мы не сочли возможным умолчать. Один галл перед воротами города бросал по направлению к башне в огонь передаваемые ему из рук в руки комки сала и смолы. Пораженный в правый бок выстрелом из скорпиона, он пал бездыханным. Один из его соседей перешагнул через его труп и продолжал его дело; он точно так же был убит выстрелом из скорпиона, его сменил третий, третьего – четвертый; и этот пункт только тогда был очищен неприятельскими бойцами, когда пожар плотины был затушен, враги были оттеснены и сражение вообще окончилось.

XXVI

Так как ни одна из всевозможных попыток галлов не удалась, то на следующий день, по совету и приказанию Верцингеторига, они приняли решение бежать из города. Эту попытку они надеялись осуществить в тишине ночи с небольшими потерями, так как недалеко от города был лагерь Верцингеторига и, кроме того, тянувшееся между лагерем и городом сплошное болото должно было замедлять нашу погоню. И они уже собирались сделать это ночью, но вдруг выбежали на улицу замужние женщины и с плачем стали всячески просить на коленях своих мужей не отдавать на мучения врагам их и их общих детей, которым природное слабосилие мешает бежать. Но увидев своих мужчин непреклонными – вообще в момент величайшей опасности страх не знает сострадания, – они стали кричать и давать римлянам знаки, что их мужья хотят бежать. Это устрасило галлов, и из боязни, что римская конница может отрезать их от всех дорог, они от этого плана отступились.

XXVII

На следующий день Цезарь распорядился продвинуть башню и указал, куда направить те осадные работы, которые по его приказанию были уже начаты. В это время начался сильный ливень, и Цезарь решил использовать такую погоду для исполнения задуманного плана. Видя, что караулы на стене у неприятелей расставлены не так тщательно, как обыкновенно, он и своим солдатам приказал работать с меньшей энергией и дал им необходимые указания. Поместив легионы в боевой готовности в скрытом месте за крытыми галереями, он ободрил их к тому, чтобы наконец пожать плоды победы за свои великие труды; тем, которые первыми взойдут на неприятельскую стену, он обещал награды и затем дал сигналы к атаке. Солдаты быстро бросились со всех сторон и немедленно заняли всю стену.

XXVIII

Неожиданность нападения привела врагов в ужас. Выбитые со стены и из башен, они остановились в клинообразном строю на площади и других открытых местах с решимостью принять правильное сражение там, где римляне пойдут на них в атаку. Но, увидев, что никто не спускается на ровное место, но все распространяются кругом по всей стене, они побоялись потерять последнюю надежду спастись бегством и, побросав оружие, неудержимым потоком устремлялись к окраинам города. Там одни из них, давившие друг друга в узком выходе из ворот, были перебиты нашей пехотой, а другие – уже за воротами – конницей. При этом никто не думал о добыче. Озлобленные резней в Кенабе и трудностью осадных работ, солдаты не дали пощады ни дряхлым старикам, ни женщинам, ни малым детям. В конце концов, из всей массы, доходившей до четырех тысяч человек, уцелело едва восемьсот человек, которые успели при первых же криках броситься из города и невредимыми добрались до Верцингеторига. Но он боялся, как бы скопление их в лагере и жалость к ним не породили возмущения в солдатской массе, и потому принял этих беглецов уже поздно в тишине ночи. При этом он разместил по дороге вдали от лагеря своих друзей и князей общин и приказал последним разбить их на группы и отводить к их землякам в ту часть лагеря, которая с самого начала досталась каждому племени.

XXIX

Созвав на следующей день собрание, он утешал присутствующих и ободрял их не слишком падать духом и не слишком волноваться по поводу неудачи: *не храбростью и не в открытом бою победили римляне, но каким-то хитрым приемом и благодаря знанию осадного дела, в котором галлы были неопытны. Ошибаются те, которые ожидают на войне только одних успехов. Он всегда был против обороны Аварика: свидетелями в этом они сами. Но неразумие битуригов и излишняя снисходительность остальных были причинами этой неудачи. Но он скоро залечит ее более крупными успехами. Именно – те общины, которые расходятся с остальными галлами, он всячески постарается привлечь на свою сторону и таким образом создать единый общегалльский союз; и если в нем будет согласие, то даже весь мир не в состоянии бороться с ним. Этой цели он почти уже достиг. А тем временем в интересах общего блага справедливо потребовать от них приступить наконец к укреплению своих лагерей, чтобы тем легче выдерживать внезапные нападения врагов.*

XXX

Эта речь произвела довольно хорошее впечатление на галлов; особенно потому, что сам он не пал духом после такой большой неудачи, не стал скрываться и избегать показываться на глаза массе, и так как он еще раньше, когда все обстояло благополучно, сначала предлагал сжечь Аварик, а потом его оставить, то у них еще более повысилось представление о его предусмотрительности и способности предугадывать будущее. Таким образом, в то время как неудачи других полководцев обыкновенно умаляют их авторитет, влияние Верцингеторига, наоборот, от понесенного поражения только стало со дня на день увеличиваться. Вместе с тем его речительство насчет присоединения к союзу остальных племен очень обнадеживало галлов. С этого времени галлы впервые стали укреплять лагерь, и эти непривычные к работе люди были охвачены таким душевным порывом, что сочли нужным подчиняться всем его распоряжениям.

XXXI

И действительно, Верцингеториг, как и обещал, все свое внимание обращал на присоединение к союзу остальных племен и старался склонить на свою сторону их князей дарами и обещаниями. Для этой цели он выбирал подходящих людей, которые особенно способны были обольщать новых сторонников либо вкрадчивыми речами, либо благодаря дружественным связям. Спасшихся бегством из завоеванного Аварика он распорядился вооружить и одеть; вместе с тем для пополнения убыли в войсках он приказал общинам поставить определенные контингенты солдат и привести их к известному сроку в лагерь, а также набрать и доставить к нему всех стрелков, которых было очень много в Галлии. Этими мерами потери, понесенные в Аварике, были скоро восполнены. Тем временем к нему прибыл с большой конницей – как собственной, так и нанятой в Аквитании – царь нитиоброгов Теутомат, сын Олловикона, которому в свое время наш сенат дал титул друга римского народа.

XXXII

Пробыв несколько дней в Аварике, Цезарь нашел там очень большие запасы хлеба и прочего провианта и дал, таким образом, своей армии возможность оправиться после трудов и лишений. Зима уже почти оканчивалась, и самое время года призывало к открытию кампании. Но когда Цезарь решил двинуться на врага в расчете выманить его из болот и лесов или же стеснить блокадой, к нему явились послами князя эдуев с просьбой помочь их общине в это особенно трудное для нее время: *положение ее очень опасно; эдуи издавна обыкновенно избирают только одного высшего сановника, который в течение года пользуется царской властью, а теперь у них два таких сановника, и каждый из них утверждает, что он избран законным путем. Один из них – Конвиктолитав, влиятельный и знатный молодой человек, а другой – Кот, из очень древнего рода и также с очень большим влиянием и могущественной родней, брат которого Валетиак занимал в прошлом году ту же должность. Все граждане под оружием, разделенся сенат, разделенся народ, у каждого воздя свои клиенты. Если эта распря затянется, то дело кончится тем, что одна часть граждан вступит в вооруженное столкновение с другой. Предупредить его может только бдительность и авторитет Цезаря.*

XXXIII

Хотя Цезарь понимал, что очень невыгодно прерывать войну и уходить от врага, но вместе с тем он хорошо знал, к каким вредным последствиям приводят внутренние распри, а потому решил не допустить, чтобы эта могущественная и тесно связанная с римским народом община, которую он сам всегда возвышал и всячески отличал, прибегла к вооруженному восстанию и чтобы партия, менее уверенная в своих силах, обратилась за помощью к Верцингеторигу. Но так как по законам эдуев верховный правитель не может оставлять пределов страны и так как Цезарь не хотел давать повода думать, что он в чем-либо умаляет их права и законы, то он счел нужным двинуться самому в область эдуев и вызвал к себе в Декетию весь их сенат и обе спорящие стороны. Туда собралась почти вся община, и он узнал, что избиратели были созваны тайно, в небольшом количестве, в неподходящем месте и в неподходящее время и что брат объявил верховным правителем брата, тогда как по законам два члена одной и той же фамилии при жизни их обоих не только не могут быть выбраны на должность верховного правителя, но даже не имеют права совместно заседать в сенате. Поэтому Цезарь принудил Кота сложить с себя власть и утвердил ее за Конвиктолитавом, который, согласно с местными обычаями, за временным отсутствием светских властей был избран под руководством жрецов.

XXXIV

Поставив такой приговор, он посоветовал эдуям забыть все споры и распри, оставить в стороне всякие другие дела и заняться исключительно настоящей войной в ожидании от него заслуженных наград после покорения всей Галлии; *для этой цели они должны спешно прислать к нему всю конницу и десять тысяч человек пехоты.* Все это войско он имел в виду распределить по разным местам для охраны продовольственных транспортов. Затем он разделил свою армию на две части: четыре легиона он дал Лабиеву для похода на сенонов, а шесть повел сам на арвернов к городу Герговии по течению реки Элавера; половину конницы он отдал ему, половину оставил себе. При известии об этом Верцингеториг сломал все мосты на этой реке и пошел другим ее берегом.

XXXV

Итак, оба войска были на виду друг у друга и почти всегда разбивали лагерь одно против другого, причем с галльской стороны бывали расставлены разведочные посты, чтобы римляне где-нибудь не построили моста и не переправили своих сил. Это создавало большие затруднения для Цезаря, и он опасался, как бы река не задержала его в течение большей части лета, так как через Элавер можно переходить вброд вообще не раньше осени. Во избежание этого он разбил лагерь в лесистой местности против одного из тех мостов, которые Верцингеториг велел сломать. На следующий день он остался здесь в скрытом месте с двумя легионами, а остальные силы двинул в поход, по обыкновению, со всем обозом, разместив некоторые когорты таким образом, чтобы число легионов казалось полным. Им дан был приказ пройти вперед как можно дальше, и когда, судя по времени дня, они уже должны были разбить лагерь, он начал вновь строить мост на тех же сваях, нижняя часть которых оставалась еще целой. Эта работа была скоро окончена. Цезарь перевел легионы, выбрал удобное для лагеря место и вызвал к себе назад остальные войска. При известии об этом Верцингеториг, чтобы не быть вынужденным против воли к решительному сражению, ускоренным маршем ушел вперед.

XXXVI

Отсюда Цезарь дошел в пять дневных переходов до Герговии, и уже в день его прихода произошло небольшое кавалерийское сражение. Осмотрев местоположение города – он лежал на очень высокой горе, и все подступы к нему были трудны, – Цезарь оставил всякую мысль о штурме и даже к блокаде решил приступить только после полного урегулирования продовольственного дела. А Верцингеториг, разбив свой лагерь на горе около города, расположил отряды отдельных общин вокруг себя на небольшом расстоянии один от другого и занял все уступы хребта, насколько можно была с них обозреть окрестности. Таким образом, весь его лагерь в целом имел грозный вид. Князей этих общин, которых он выбрал в свой военный совет, он каждый день на рассвете вызывал к себе для разных сообщений или распоряжений и почти ежедневно заставлял стрелков сражаться в рядах конницы, чтобы испытать степень мужества и храбрости каждого из своих в отдельности. Против города у самой подошвы горы был холм, чрезвычайно укрепленный и со всех сторон отвесный; если бы его захватили наши, то они, очевидно, могли бы в значительной степени затруднять врагам добывание воды и свободу фуражировок. Но этот холм занимали галлы, – впрочем, не очень сильным отрядом. Цезарь в тишине ночи выступил из лагеря прежде, чем из города могла прийти помощь, выбил охранный отряд и, овладев этим пунктом, поставил там два легиона и провел от главного лагеря к малому двойной ров в двенадцать футов шириною, чтобы солдаты могли даже поодиночке ходить от одного пункта к другому в полной безопасности от внезапного нападения неприятелей.

XXXVII

Так шло дело под Герговией. Тем временем эдуй Конвиктолитав, которому, как мы указывали, Цезарь присудил верховную власть, был подкуплен арвернами и вступил в переговоры с некоторыми молодыми людьми, во главе которых стоял Литавикк и его братья, молодые люди из очень знатной фамилии. С ними он поделился полученными деньгами, настойчиво напоминая им, что они – люди свободные и рожденные для власти. Одна только община эдуев, говорил он, отсрочивает вернейшую победу Галлии, ее влияние сдерживает остальных; но если перетянуть ее на свою сторону, то у римлян не останется в Галлии твердой почвы под ногами. Сам он, правда, обязан Цезарю известным одолжением, но, впрочем, лишь постольку, поскольку добился успеха в деле правом. Однако он выше ставит общую свободу. Почему, в самом деле, эдуи в делах, касающихся их собственного права и законов, обращаются к третейскому суду Цезаря, а не наоборот – римляне к эдуям? Речь верховного правителя и деньги не замедлили соблазнить молодых людей, так что они заявили о своей готовности даже стать во главе предприятия. Надо было только найти способ к выполнению плана, так как у них не было прямой надежды увлечь без причины общину эдуев на путь открытого восстания. Порешили, что Литавикк примет командование над теми десятью тысячами, которые посылались к Цезарю, и постарается их доставить, а его братья немедленно, раньше его отправятся к Цезарю. Условились и относительно дальнейших действий.

XXXVIII

Получив командование над войском, Литавикк двинулся в поход. Когда он был на расстоянии миль тридцати от Герговии, он вдруг собрал солдат и сказал им со слезами: *куда мы идем, солдаты? Вся наша конница, вся знать погибли. Главы нашей общины Эпоредориг и Виридомар обвинены в измене и без суда казнены римлянами. Узнайте об этом от тех, которые бежали из самой резни: мне, у которого казнены братья и все родственники, скорбь мешает рассказать, как было дело.* Тут он приказывает вывести людей, которых сам научил говорить, что надо, и они изложили перед толпой то же самое, что уже сказал Литавикк: *вся эдуйская конница перебита – будто бы за сношения с арвернами; сами они спрятались в солдатской массе и бежали из самой резни.* Эдуи поднимают крик и заклинаяют Литавикка дать им полезный совет. *Точно, сказал тот, тут нужен совет? Не нужно ли, наоборот, поспешить нам в Герговию и соединиться с арвернами? Или для нас еще остается сомнение, что римляне после своего нечестивого злодеяния теперь же устремятся перебить и нас? Поэтому, если в нас есть еще мужество, отмстим за смерть тех, которые столь возмутительно погублены, и убьем этих разбойников!* При этом он показал на римских граждан, которые, полагаясь на его защиту, пристали к его войску, и немедленно велел разграбить бывший при них большой запас хлеба и другого провианта, а самих их убить после мучительных пыток. В то же время он рассылает гонцов по всей общине эдуев и упорно распространяет ту же ложь об избиении всадников и князей, настойчиво советуя отмстить за свои обиды так же, как сделал он сам.

XXXIX

В числе прибывших всадников при Цезаре находились по его специальному вызову эдуй Эпоредориг, молодой человек высокого рода, весьма влиятельный в своей общине, и вместе с ним Виридомар, равный ему по возрасту и популярности, но не такой знатный: он был рекомендован Цезарю Дивитиаком и из низкого положения был возведен им в высокое звание. Между ними было состязание о первенстве, и в упомянутом споре о верховной магистратуре один всеми силами боролся за Конвиктолитава, другой за Кота. Эпоредориг, узнав о замысле Литавикка, около полуночи донес об этом Цезарю и просил его не допускать, чтобы его община под влиянием безумных замыслов молодежи изменила дружественному союзу с римским народом; а это, по его предположениям, непременно должно произойти, если с врагами соединится столько тысяч человек, к судьбе которых не могут отнестись равнодушно и легко ни их родственники, ни сама община.

XL

Этим известием Цезарь был очень встревожен, так как он всегда оказывал особое благоволение общине эдуев. Поэтому он без малейшего колебания вывел из лагеря четыре легиона в полной боевой готовности и всю конницу; сократить лагерь при таких обстоятельствах не было времени, так как теперь, очевидно, все зависело от быстроты; для прикрытия лагеря он оставил легата Г. Фабия с двумя легионами. Он отдал также приказ об аресте братьев Литавикка, он узнал, что они незадолго до этого бежали к неприятелям. Своих солдат он просил не тяготиться походом в такое тяжелое время, и так как все они были полны одушевления, то он прошел целых двадцать пять миль, пока не заметил колонны эдуев. Бросив на них свою конницу, он задержал и остановил их движение, причем, однако, запретил своим людям кого бы то ни было убивать. Эпоредоригу и Виридомару, которых те считали убитыми, он приказал скакать вместе со всадниками и обратиться с воззванием к своим соотечественникам. Узнав их и убедившись в обмане Литавикка, эдуи стали протягивать руки, показывать, что сдаются, бросать оружие и молить о пощаде. Литавикк со своими клиентами, которым по галльским обычаям грешно было покидать патрона даже в случае крайней опасности, спасся бегством в Герговию.

XLI

Цезарь послал общине эдуев гонцов объявить, что только благодаря его милосердию пощажены те, которых он мог бы по праву войны перебить. Своему войску он дал три часа на отдых и затем двинулся на Герговию. Приблизительно на середине пути посланные Фабием всадники сообщили ему, как опасно было положение: *враг со всеми силами напал на лагерь, люди свежие часто сменяли у него утомленных, а наших изнуряло постоянное напряжение, так как вследствие огромных размеров лагеря они должны были все время беспрерывно держаться на валу; много народа было переранено стрелами и всевозможными метательными снарядами; впрочем, для защиты от них оказались очень полезными метательные машины. По уходе врагов Фабий оставил только двое ворот, остальные же приказал заделать, а на вал поставить оборонительные щитки, и на завтрашний день стал готовиться к такому же нападению.* При известии об этом Цезарь, пользуясь необыкновенным воодушевлением солдат, еще до восхода солнца прибыл в лагерь.

XLII

Во время этих происшествий под Герговией эдуи при первых же известиях от Литавикка не дают себе труда расследовать дело. Одних увлекает корыстолюбие, других вспыльчивость и необдуманность – эта прирожденная черта их национального характера, заставляющая их принимать пустые слухи за несомненную истину. Они грабят имущество римских граждан, вырезают их, уводят в рабство. Положение, и без того принявшее дурной оборот, еще более ухудшает Конвиктолитав, который доводит чернь до крайней ярости, чтобы по совершении преступления ей неловко было образумиться. Так, они заставили военного трибуна М. Ари-стия, который отправлялся к своему легиону, покинуть город Кабиллон и дали ему гарантию личной безопасности; к тому же они принудили и тех римских граждан, которые поселились там для торговли. Но тут же на пути они напали на них и отняли весь багаж. Так как те стали сопротивляться, то их продержали целые сутки в осаде, и после значительных потерь с обеих сторон нападавшие стали звать к себе еще большее число вооруженных.

XLIII

Но когда тем временем пришло известие, что все их солдаты находятся во власти Цезаря, то они спешат к Аристию и доказывают, что все это произошло помимо воли их властей; назначают следствие о разграблении имущества, конфискуют имущество Литавикка и его братьев, посылают послов к Цезарю для оправдания. Все это они делают с тем, чтобы вернуть к себе своих; но втайне они задумывали войну и посылали для этой цели посольства к прочим общинам; и действительно, они были запятнаны преступлением, соблазнены выгодами от разграбления имущества, в чем было замешано много народа, и страшились наказания. Все это Цезарь хорошо понимал. Тем не менее он отвечал послам со всей ласковостью, на какую был способен: *из-за глупости и легкомыслия черни*, говорил он, *он не намерен принимать какие-либо крутые меры против всей общины и лишать эдуев своего обычного благоволения*. Но сам он ожидал еще большего движения в Галлии и опасался того, что все племена могут со всех сторон напасть на него; поэтому он обдумывал, как бы оставить Герговию и снова стянуть к себе все войско, но так, чтобы это отступление, вызванное боязнью восстания, не походило на бегство.

XLIV

Среди этих размышлений ему показалось, что есть возможность устроить дело. Именно – когда он зашел в малый лагерь для осмотра работ, он заметил, что один занимаемый врагами уступ совершенно ими оставлен, а между тем в предыдущие дни он был почти не виден из-за массы людей. С удивлением он спрашивал об этом перебежчиков, которые ежедневно стекались к нему в большом количестве. Все они в один голос утверждали (это, впрочем, и сам Цезарь уже знал через своих разведчиков), что *хребет этой цепи – почти ровный, но он лесист и узок с той стороны, где был доступ к другой части города; за этот пункт враги особенно опасаются в полном убеждении, что с потерей этого уступа, поскольку римляне уже заняли другой, они будут почти совершенно заперты и отрезаны от всяких внешних сношений и фуражировки; именно для укрепления этого пункта все люди и были вызваны Верцингеторигом.*

XLV

Узнав об этом, Цезарь посылает туда же около полуночи несколько эскадронов конницы с приказом производить свои передвижения с возможно большим шумом. На рассвете он приказал вывести из лагеря большое количество обозных лошадей и мулов, снять с них вьюки и посадить на них погонщиков в шлемах, чтобы они имели вид настоящих всадников. Им он дал приказ разъезжать кругом по возвышенностям и прибавил к ним несколько всадников, которые должны были для демонстрации охватывать своими разъездами еще более широкий район. Все эти партии должны были после долгого объезда кругом направляться в один и тот же пункт. Все это видели вдали из города, так как из Герговии открывался вид вниз на лагерь, но вследствие большого расстояния нельзя было точно узнать, в чем дело. Один легион Цезаря отправил на ту же возвышенность, и когда он несколько прошел вперед, остановил его в ложбине и прикрыл лесом. Это укрепило галлов в их подозрении, и они перевели туда для шанцевых работ все свои силы. Заметив, что неприятельский лагерь опустел, Цезарь приказал своим солдатам переходить из большого лагеря в малый маленькими группами и притом закрыть знаки различия и спрятать знамена, чтобы не быть замеченными из города. Равным образом он дал соответствующее указание легатам, которые командовали отдельными легионами; особенно предупреждал он их сдерживать солдат и не давать им слишком далеко заходить вперед либо из желания сразиться, либо в надежде на добычу. Он подчеркнул при этом, как неблагоприятно для них самое местоположение; единственное средство против этого – быстрота; все дело тут в благоприятном случае, а не в сражении. После этих указаний он дал сигнал к наступлению и в то же время послал эдуев с правой стороны другой дорогой в гору.

XLVI

Городская стена была от равнины и подошвы горы по прямому направлению, если не считать изгибов дороги, в тысяче двухстах шагах; всякого рода обходы, смягчавшие подъем, увеличивали это расстояние. Приблизительно на середине уступа галлы соорудили применительно к местности вдоль по горе стену из огромных каменных глыб в шесть футов вышиной, чтобы задерживать наши атаки; всю нижнюю часть склона они оставили незанятой, а верхнюю вплоть до самой городской стены покрыли густым рядом лагерей. Наши солдаты по данному сигналу быстро дошли до укрепления, перешли его и овладели тремя лагерями, захватив их с такой быстротой, что царь нитиоброгов Теутомат, застигнутый врасплох в своей палатке (так как спал в полдень полунагой), с трудом вырвался на раненой лошади из рук грабивших лагерь солдат.

XLVII

Достигнув своей цели, Цезарь приказал трубить отбой и немедленно остановил бывший при нем 10-й легион. Но солдаты остальных легионов не расслышали звука трубы, так как их отделяла от Цезаря большая долина. Хотя военные трибуны и легаты, согласно распоряжению Цезаря, всячески старались их сдерживать, но те, увлеченные надеждой на скорую победу, бегством врагов и прежними счастливыми сражениями, вообразили, что для их храбрости не существует ничего непреодолимого, и только тогда прекратили преследование, когда приблизились к городской стене и к воротам. Тут во всех частях города поднялся крик; те, которые были отсюда далеко, в ужасе от внезапного переполоха решили, что враг уже в стенах города, и бросились вон из города. Женщины стали бросать со стены одежду и деньги и, наклоняясь с обнаженной грудью, простирали руки и заклинали римлян пощадить их и не губить, как они это сделали в Аварике, даже женщин и детей. Некоторые из них дали даже спустить себя на руках и отдались солдатам. Центурион 8-го легиона Л. Фабий, как всем было известно, заявил в этот день среди своих, что его соблазняют награды, обещанные под Авариком, и он не допустит, чтобы кто-либо прежде его взошел на стену. И вот, взяв трех солдат из своего манипула, он на их руках поднялся на стену; в свою очередь, приподнимая их одного за другим, он вытянул их на стену.

XLVIII

Тем временем те галлы, которые, как мы выше указали, собрались в другой части города для шанцевых работ, сначала услышали крик, а затем к ним стали одна за другой приходить вести, что город занят римлянами. Тогда они, послав вперед конницу, бегом устремились туда. В том порядке, в каком они прибывали, они останавливались под стеной и, таким образом, увеличивали число защитников. Когда их собралась большая масса, то женщины, которые незадолго до того протягивали со стены руки к римлянам, теперь стали заклинять своих, по галльскому обычаю показывать на свои распущенные волосы и выносить всем на глаза детей. И позиция, и численное превосходство неприятеля делали для римлян борьбу неравной; кроме того, они были утомлены своей перебежкой и потому с трудом держались против свежих и непечатых неприятельских сил.

XLIX

Когда Цезарь заметил, что сражение происходит на невыгодной позиции и силы неприятеля все увеличиваются, то, боясь за свое войско, он послал легату Т. Секстию, которого оставил для прикрытия малого лагеря, приказ спешно вывести из лагеря когорты и занять позицию у самой подошвы возвышенности против неприятельского правого фланга с тем, чтобы мешать неприятелю беспрепятственно преследовать наших в случае, если Секстий увидит их выбитыми из занимаемой позиции. Сам же он прошел отсюда со своим легионом немного вперед и с места остановки стал выжидать исхода сражения.

Л

Шел ожесточенный рукопашный бой, причем враги полагались на выгодную позицию и свое численное превосходство, а наши – на свою храбрость. В это время вдруг показались на нашем открытом фланге эдуи, которых Цезарь послал справа в гору другой дорогой, чтобы не дать соединиться неприятельским силам. Сходство оружия привело наших в великий ужас, и хотя они видели, что у эдуев правое плечо обнажено (это обыкновенно служило отличительным признаком их мирных намерений), но именно в этом солдаты усматривали хитрый прием, придуманный врагами, чтобы обмануть их; в то же самое время центуриона Л. Фабия и тех, которые вместе с ним взошли на стену, окружили, убили и стали сбрасывать головой вниз со стены. Центурион того же легиона М. Петроний, попытавшийся взломать ворота, был застигнут целой массой врагов. Потеряв надежду на свое спасение и весь израненный, он закричал последовавшим за ним солдатам своего манипула: *так как я не могу спасти и себя, и вместе с собою вас, то я, по крайней мере, позабочусь о вашей жизни, которую я своим славолюбием подверг опасности. Пользуйтесь случаем и думайте о себе.* С этими словами он ворвался в гущу врагов, двух из них убил, а остальных несколько оттеснил от ворот. Когда его товарищи попытались помочь ему, он сказал им: *напрасно вы пытаетесь спасти мне жизнь: и кровь, и силы уже оставляют меня. Лучшие уходите, пока возможно, и спасайтесь к вашему легиону.* Так вскоре он пал в бою и спас своих товарищей.

LI

Наши, теснимые со всех сторон, были сбиты с позиции и потеряли сорок шесть центурионов. Но когда галлы стали слишком горячо их преследовать, то их задержал 10-й легион, который стоял в резерве на более ровной местности. Его в свою очередь сменили когорты 13-го легиона, которые двинулись из малого лагеря под командой Т. Секстия и заняли более высокую позицию. Как только легионы достигли равнины, они остановились и выстроились против врага. Но Верцингеториг отвел своих солдат с подошвы горы назад в укрепления. В этот день мы потеряли без малого семьсот солдат.

ЛII

На следующий день Цезарь созвал солдат на сходку и на ней порицал их безрассудство и пыл, именно – что они самовольно решили, куда им идти и что делать, не остановились при сигнале к отбою и не послушались удерживавших их военных трибунов и легатов. Он указал им, как много значит невыгодное местоположение, что он и сам испытал под Авариком, когда застиг врагов врасплох без вождя и без конницы и все-таки добровольно отказался от несомненной победы, чтобы в бою на неудобной позиции не понести хотя бы самого ничтожного урона. Насколько он удивляется их героизму, которого не могли остановить ни лагерные укрепления, ни высота горы, ни городская стена, настолько же он порицает их дерзость, с которой они воображают, что могут судить о победе и об успехе предприятия правильнее полководца. От солдата он требует столько же повиновения и дисциплины, сколько храбрости и героизма.

LIII

Но в конце этой речи он ободрил солдат и советовал им не слишком из-за этого печалиться и не приписывать храбрости врагов того, что произошло от неудобства местности. Оставаясь при своем прежнем решении относительно отступления, он вывел легионы из лагеря и выстроил их на удобной позиции. Но так как Верцингеториг и на этот раз не стал спускаться на равнину, то Цезарь после небольшого, но удачного кавалерийского сражения снова отвел войско в лагерь. То же самое он повторил и на следующий день. Решив теперь, что им приняты достаточные меры для принижения галльской хвастливости и для укрепления мужества своих солдат, Цезарь двинулся в страну эдуев. Так как враги и на этот раз не преследовали его, то на третий день он починил мост на реке Элавере и переправил свое войско на другой берег.

LIV

Там ему представились эдуи Виридомар и Эпоредориг, и от них он узнал, что Литавикк со всей конницей отправился волновать эдуев, поэтому необходимо им самим поспешить и прибыть раньше его, чтобы удержать эдуев в повиновении. Хотя для Цезаря по многим признакам было ясно вероломство эдуев и он понимал, что отъезд этих обоих князей только ускорит отпадение общины, однако он не счел нужным удерживать их, чтобы избежать всякой видимости насилия и не дать заподозрить себя в трусости. При их отъезде он вкратце упомянул о своих заслугах перед эдуями, *какими слабыми и в каком состоянии унижения он их застал: они были согнаны в города, лишены в наказание своих земель и всего достатка, обязаны платить дань, оскорбительнейшим образом принуждены были дать заложников; но он довел их до высокого благополучия и могущества, так что они не только вернули себе свое прежнее положение, но стали пользоваться большим влиянием и значением, чем когда-либо.* С таким поручением он отпустил их на родину.

LV

У берегов Лигера на удобном месте находился город эдуюв Новиодун. Здесь Цезарь поместил всех галльских заложников, запасы хлеба, общественную казну и значительную часть своего и войскового багажа; сюда же он отправил большое количество лошадей, скупленных им для этой войны в Италии и в Испании. Когда сюда прибыли Эпоредориг и Виридомар, то они получили следующие сведения о положении дел в общине: *Литавикк принят эдуями в их главном городе Бибракте, к нему приехали верховный правитель Конвиктолитав и значительная часть сената и от имени общины отправлено к Верцингеторигу посольство для заключения мирного и дружественного договора.* Тогда они и со своей стороны решили не упускать такого удобного случая. Поэтому они перебили в Новиодуне стражу и находившихся там римских купцов и поделили деньги и лошадей между собой; заложников от общин они распорядились препроводить в Бибракте к верховному правителю; город, который они не надеялись удержать за собой, они сожгли, чтобы он на что-нибудь не пригодился римлянам; часть хлеба, насколько это возможно было, второпях увезли на кораблях, а остаток бросили в реку или сожгли. Затем сами они стали набирать в окрестностях боевые силы, располагать по берегам Лигера охранительные отряды и караулы и, чтобы нагонять на римлян страх, всюду делать демонстративные конные набеги в расчете, не удастся ли отрезать римлян от подвоза и, доведя их до голода, прогнать в Провинцию. В этой надежде их особенно поддерживало то, что Лигер очень поднялся от таяния снегов и потому казался совершенно непроходимым вброд.

LVI

Узнав об этом, Цезарь решил поторопиться, чтобы в случае, если дело дойдет до сражения во время постройки мостов, дать его прежде, чем враг стянет сюда более значительные силы. Действительно изменить план и отступить в Провинцию (что – по крайней мере, в данный момент – всякий считал неизбежным) представлялось невозможным: с одной стороны, мешали бесславию и позору отступления, преграда в виде Кевеннского хребта и вообще трудность передвижения, с другой – он очень боялся за судьбу разъединенного с ним Лабиена и посланных с последним легионов. Здесь его всадники скоро нашли брод, который был при его крайне тяжелом положении довольно подходящим, хотя только руки и плечи выдавались над водой, чтобы держать оружие. Затем для ослабления силы течения он поставил в воде конницу и, пользуясь первыми проявлениями замешательства врага при этом зрелище, благополучно переправил войско. На полях он нашел много хлеба и скота и, снабдив тем и другим в изобилии войско, направил свой путь в страну сенонов.

LVII

Так шли дела у Цезаря. Тем временем Лабизн, оставив в Агединке для прикрытия обоза недавно прибывшие из Италии пополнения, двинулся с четырьмя легионами против Лутетии. Это – город парисиев, лежащий на острове Секваны. При известии о его приближении здесь собрались большие неприятельские силы из соседних общин. Верховное командование было вручено аулерку Камулогену: хотя он и был уже дряхлым стариком, но был призван на эту должность за отличное знание военного дела. Последний, обратив внимание на сплошное болото, которое имело спуск в реку Секвану и делало всю местность почти недоступной, расположился здесь и стал мешать нашей переправе.

LVIII

Лабиден сначала пытался подводить крытые подвижные галереи, заваливать болото фашиником и насыпью и таким образом прокладывать себе надежную дорогу. Но потом, когда он нашел эту работу слишком трудной, он без шума выступил из лагеря в третью стражу и тем же путем, каким пришел сюда, достиг Метиоседа. Это – город сенонов, лежащий, подобно только что упомянутой Лутетии, также на острове Секваны. Захватив здесь около пятидесяти кораблей, он быстро их связал, посадил на них солдат и без сопротивления овладел городом, так как горожане, значительная часть которых была призвана на войну, были уstraшены этой неожиданностью. Восстановив мост, который в предыдущие дни был сломан неприятелями, он перевел войско и пошел на Лутетию по течению реки. Узнав об этом от бежавших из Метиоседа, неприятели приказали сжечь Лутетию и сломать городские мосты, а сами покинули болото у берегов Секваны и расположились против Лутетии и лагеря Лабидена.

LIX

Уже говорили, что Цезарь отступил от Герговии, уже ходили слухи об отпадении эдуев и об удачном ходе восстания Галлии, а галлы в разговорах друг с другом утверждали, что Цезарь отрезан от своего маршрута и от Лигера и из-за недостатка провианта вынужден был спешно отступить в Провинцию. При известии об отпадении эдуев белловаки, которые уже и раньше были ненадежными, стали собирать войска и открыто готовиться к войне. Тогда Лабие, ввиду полной перемены положения, понял, что ему надо принять совершенно иное решение. Теперь он помышлял уже не о дальнейших завоеваниях и наступательных действиях против неприятеля, но о том, как бы отвести назад свое войско без потерь в Агединк. Действительно, с одной стороны ему угрожали белловаки, считавшиеся самым храбрым в Галлии племенем, с другой – против него стоял Камулоген с готовым к бою и хорошо снаряженным войском; кроме того, его легионы были совершенно отрезаны большой рекой от резервного отряда и обоза. При таких внезапных затруднениях он стал искать выхода в смелом решении.

LX

Под вечер он созвал военный совет, на котором потребовал от присутствующих точного и энергичного исполнения своих приказаний; затем распределил между римскими всадниками команду над судами, выведенными из Метиоседа, с приказом пройти без шума по окончании первой стражи четыре мили вниз по течению реки и там поджидать его. Пять когорт, которые он считал наименее боеспособными, он оставил для прикрытия лагеря; а пять остальных из того же легиона должны были выступить в полночь вверх по реке со всем багажом и с большим шумом. Он разыскал и лодки и направил их туда же с приказом как можно сильнее бить веслами. А сам немного спустя в полной тишине выступил с тремя легионами по направлению к тому пункту, где должны были причалить суда.

LXI

Когда он прибыл сюда, то при поддержке внезапно поднявшейся бури застиг врасплох неприятельских разведчиков, расставленных вдоль по всей реке. Под надзором римских всадников, на которых была возложена эта задача, римская пехота и конница были быстро переправлены на другой берег. Почти в то же самое время на рассвете враги получили известие, что в римском лагере происходит необычный шум, что вверх по реке движется большой отряд и в том же направлении слышны удары весел, а несколько ниже переправляют солдат на судах. При этом известии враги решили, что легионы переправляются в трех местах и что римское войско в полной панике от измены эдуев собирается бежать. Тогда они также разделили свои силы на три отряда. Против римского лагеря они оставили один отряд, другой, небольшой, отправили в направлении Метиоседа с приказом двигаться вперед по мере движения судов, а остальные силы повели против Лабиена.

LXII

На рассвете наши были все переправлены, и в то же самое время были видны враги, стоявшие в боевом строю. Лабизэн, ободряя солдат, просил их не забывать о своей прежней храбрости и счастливых сражениях и представлять себе, что перед ними сам Цезарь, под предводительством которого они часто побеждали врагов. Затем он дает сигнал к бою. При первой схватке на правом фланге, где стоял 7-й легион, враги были опрокинуты и обращены в бегство; на левом, который был занят 12-м легионом, первые ряды неприятелей пали под ударами копий, но остальные оказывали очень упорное сопротивление, и никто не давал повода заподозрить себя в желании бежать. Сам неприятельский предводитель Камулоген находился при своих бойцах и ободрял их. Победа все еще оставалась неопределенной; но когда трибунам 7-го легиона дали знать о том, что делается на левом фланге, они со своим легионом появились в тылу неприятеля и ударили на него. Однако и теперь никто не подался, но все были обойдены и перебиты. Ту же участь разделил и Камулоген. Что же касается тех, которые были оставлены для наблюдения за находившимся против них лагерем Лабизэна, то, когда они услышали о начале сражения, они пошли на помощь своим и заняли холм. Однако они не могли выдержать натиска наших победоносных солдат и смешались с бегущими, причем все, кто не нашел убежища в лесах и горах, были перебиты конницей. По исполнении этой операции Лабизэн вернулся в Агединк, где оставался обоз всей армии; отсюда на третий день он со всеми силами прибыл к Цезарю.

LXIII

Как только отпадение эдуев стало известным, война приняла более широкие размеры. Повсюду рассылались посольства; эдуи старались соблазнить соседние общины всем, чем могли: влиянием, могуществом, подкупом. Они обладали заложниками, которых поместил у них Цезарь, и угрозой казнить их запугивали колеблющихся. Далее, они просили Верцингеторига прибыть к ним и сообща обдумать план военных действий.

Добившись его прибытия, они настаивали на том, чтобы верховное руководство войной было предоставлено им, и так как это вызвало споры, то назначили общегалльский съезд в Бибракте. Со всех сторон собираются массажи. Дело решается общим голосованием; все до одного признают главнокомандующим Верцингеторига. На этом съезде не было ремов, лингонов и треверов: первые два племени оставались верными союзу с римлянами, а треверы жили очень далеко, и их теснили германцы, вследствие чего они в продолжение всей войны не принимали в ней никакого участия и не посылали ни одной стороне вспомогательных отрядов. Эдуи очень огорчились потерей главенства, стали жаловаться на изменение своего положения и желали вернуть благоволение Цезаря; однако, раз решившись на войну, они не осмеливались действовать отдельно от других. Честолюбивые молодые люди – Эпоредориг и Виридомар – неохотно подчинялись Верцингеторигу.

LXIV

Тот требует от общин к определенному сроку заложников. Всей коннице, числом в пятнадцать тысяч человек, отдается приказ немедленно собраться; что же касается пехоты, то, по его словам, ему будет довольно той, которая была у него до сих пор; он не думает пытаться счастья и давать открытое сражение, но при численном перевесе его конницы ему очень легко затруднять римлян в добывании хлеба и фуража. Пусть только галлы равнодушно собственными руками испортят свой хлеб и подожгут усадьбы; ценой этих материальных жертв они, несомненно, навсегда приобретут власть и свободу. После этого он требует от эдуев и сегусиавов, ближайших соседей Провинции, десять тысяч человек пехоты; к ним он придает восемьсот всадников. Во главе их он ставит брата Эпоредорига и приказывает ему открыть войну против аллоброгов. На противоположном конце Галлии он посылает габалов и отряды ближайших арвернских округов против гельвиев, а рутенов и кадурков – опустошать страну вольков¹¹² и арекомиков. При всем том он тайно отправляет к аллоброгам, чтобы соблазнить их, гонцов и посольства в надежде, что они еще не успокоились от предыдущей войны. Их князьям он обещает деньги, а общине – власть над всей Провинцией.

¹¹² Вольки (Volcae) – племя в Провинции Галлии, разделившееся на: 1) вольков арекомийских (V. Aegcomici) между Роной и Севенами и 2) вольков тектосагов (V. Tectosages), живших между областью вольков арекомийских и Аквитанией; главный город их – Толоса (Toulouse).

LXV

Против всех этих случайностей римляне имели под оружием только двадцать две когорты из самой Провинции, которые легат Л. Цезарь выставял против врага на всех пунктах. Гельвии на свой страх сразились с соседями, но были разбиты и, потеряв много человек убитыми, в том числе и своего князя Г. Валерия Доннотаура, сына Кабура, отброшены за укрепления своих городов. Аллоброги расставили вдоль по Родану густые караульные цепи и с большой заботливостью и бдительностью стали сторожить свои границы. Так как Цезарь знал о численном превосходстве неприятельской конницы и, будучи отрезан от всех дорог, не мог получить никакой поддержки ни из Провинции, ни из Италии, то он послал за Рейн к покоренным в предшествующие годы германским племенам гонцов, чтобы получить от них конницу и легковооруженную пехоту, сражающуюся в ее рядах. Когда германцы прибыли, то их лошади оказались не вполне удовлетворительными. Поэтому Цезарь взял лошадей у военных трибунов и прочих римских всадников, а также у добровольцев-ветеранов и распределил их между германцами.

LXVI

Тем временем неприятельские отряды, двинувшиеся из страны арвернов, соединились с всадниками, которых должна была поставить вся Галлия. И вот, когда Цезарь шел в область секванов окраиной земли лингонов, чтобы в случае надобности немедленно подать помощь Провинции, Верцингеториг расположился с этими значительными силами тремя лагерями милях в десяти от римлян. Созвав на совет начальников конницы, он указал им, что настал час победы: *римляне бегут в Провинцию и очищают Галлию; для достижения свободы в данный момент галлам этого достаточно, но на будущее время мир и покой этим мало обеспечиваются – конечно, римляне вернуться с большими силами и не прекратят войны. Поэтому галлы должны напасть на них на походе, когда они не готовы к бою. Если легионеры будут подавать помощь своим и на это тратить время, то они не смогут продолжать поход; если же – чего он скорее ожидает – они бросят обоз и будут думать только о своем спасении, то они лишатся не только предметов первой необходимости, но и своего престижа. Что же касается неприятельских всадников, то и сами галлы не должны сомневаться в том, что никто из них не осмелится показаться наружу из-за рядов прикрывающей их пехоты. Для укрепления их мужества при атаке он будет держать все войско перед лагерем и этим нагонять страх на врагов. Всадники дружно кричат, что надо обязать себя священной клятвой – не принимать в дом и не пускать к детям, родителям и женам никого, кто два раза не проскачет сквозь неприятельскую колонну.*

LXVII

Предложение это было одобрено, и все принесли эту клятву. На следующий день галльская конница разделена была на три отряда, из которых два стали угрожать римлянам с обоих флангов, а третий задерживал походную колонну с фронта. При известии об этом Цезарь разделил и свою конницу на три отряда и бросил их на врага. Сражение началось на всех пунктах. Колонна остановилась, обоз был принят легионами в середину. Там, где нашим было трудно и их слишком теснили враги, туда Цезарь поворачивал фронт и направлял атаку; это задерживало напор врагов и ободряло наших надеждой на помощь. Наконец, на правом фланге германские всадники овладели гребнем возвышенности и сбили оттуда неприятелей; бежавших они преследовали – и многих при этом перебили – вплоть до реки, где Верцингеториг стоял со своей пехотой. Заметив это, остальные галльские всадники из боязни быть окруженными также пустились бежать. Всюду идет резня. Три знатнейших эдуа были взяты в плен и приведены к Цезарю: начальник конницы Кот, который на прошлых выборах был соперником Конвиктолитава, Каварилл, который после измены Литавикка командовал пехотой, и Эпоредориг, под предводительством которого еще до прихода Цезаря эдуи вели войну с секванами.

LXVIII

Когда таким образом вся галльская конница была обращена в бегство, то Верцингеториг отвел свое войско, как оно стояло перед лагерем, и двинулся прямо к городу мандубиев – Алесии, приказав немедленно вывезти из лагеря обоз и направить вслед за собой. Цезарь отвел свой обоз на ближайший холм и оставил для его прикрытия два легиона, а сам, пока еще было светло, преследовал неприятеля и, перебив в его арьергарде около трех тысяч человек, на следующий день разбил лагерь под Алесией. Осмотрев местоположение города и пользуясь паникой врагов, которую причинило поражение самой надежной части их армии – конницы, он решил обложить Алесию и потому ободрял солдат не жалеть труда.

LXIX

Самый город Алесия лежал очень высоко на вершине холма, так что его можно было взять, очевидно, только блокадой. Подошва этого холма была омываема с двух сторон двумя реками. Перед городом тянулась приблизительно на три мили в длину равнина; со всех остальных сторон город был окружен холмами, которые поднимались на небольшом от него расстоянии и были одинаковой с ним вышины. Под стеной на восточном склоне холма все это место густо занимали галльские силы, которые провели для своей защиты ров и ограду в шесть футов вышины. А линия укрепления, которую строили римляне, занимала в окружности одиннадцать миль. В соответственных пунктах на ней был разбит лагерь и устроено двадцать три редута. В этих редутах днем стояли сторожевые посты для предупреждения внезапных вылазок; сильные отряды караулили их и ночью.

LXX

После начала работ завязалось кавалерийское сражение на равнине, которая, как мы выше сказали, простиралась на три мили между холмами. С обеих сторон идет очень упорный бой. Когда нашим стало трудно, Цезарь послал им на помощь германцев и выстроил легионы перед лагерем, чтобы предупредить внезапное нападение неприятельской пехоты. Поддержка легионов увеличила у наших мужество, обращенные в бегство враги затруднили себя своей многочисленностью и скучились в очень узких проходах, оставленных в ограде. Тем ожесточеннее их преследовали германцы вплоть до их укреплений. Идет большая резня. Некоторые, бросив коней, пытаются перейти через ров и перелезть через ограду. Легионам, стоявшим перед валом, Цезарь приказывает несколько продвинуться вперед. Но и те галлы, которые были за укреплениями, приходят в не меньшее замешательство: им вдруг начинает казаться, что их атакуют, и они все кричат: «К оружию!» Некоторые со страха вламываются в город. Тогда Верцингеториг приказывает запереть ворота, чтобы лагерь не остался без защитников. Перебив много врагов и захватив немало лошадей, германцы возвращаются в лагерь.

LXXI

Еще до окончания римлянами своих укреплений Верцингеториг принимает решение отпустить ночью свою конницу. При ее уходе он поручает каждому посетить свою общину и собирать на войну всех способных по возрасту носить оружие. Он ссылается на свои заслуги перед ними и закликает *подумать о его спасении за великие услуги, оказанные им делу общей свободы, не предавать его врагам на мучительную казнь. Но если они не проявят достаточной энергии, то вместе с ним обречены на гибель восемьдесят тысяч человек отборного войска. По сделанному подсчету, у него хватит хлеба с трудом на тридцать дней, но при известной бережливости можно продержаться несколько дольше.* С этими поручениями он отпускает конницу, которая прошла во вторую стражу без всякого шума там, где наша линия укреплений имела перерывы. Весь хлеб он приказывает доставить ему и за слушание определяет смертную казнь; скот, пригнанный в большом количестве мандубиями, распределяет между своими солдатами по числу голов; а хлеб начинает отмеривать скупно и на короткий срок. Все войска, стоявшие перед городом, он снова вводит в город. Приняв эти меры, он решает ждать галльских подкреплений и планомерно продолжать войну.

LXXII

Узнав об этом от перебежчиков и от пленных, Цезарь устроил свои укрепления следующим образом. Он провел ров в двадцать футов шириной с отвесными стенками, так, что ширина его основания равнялась расстоянию между верхними краями; а все прочие укрепления устроил в четырехстах футах позади этого рва. Так как пришлось по необходимости занять очень большое пространство, и всю линию укреплений нелегко было заполнить сплошным кольцом солдат, то такая система имела целью помешать неожиданным или ночным массовым неприятельским атакам на укрепления и, с другой стороны, предохранять в течение дня назначенных на работу солдат от неприятельского обстрела. На упомянутом расстоянии он провел два рва в пятнадцать футов ширины и такой же глубины; в средний из них, находившийся на ровной и низменной местности, он провел воду из реки. За ними выстроена была плотина и вал в двенадцать футов вышиной, который был снабжен бруствером и зубцами, причем на местах соединения бруствера с валом выдавались большие рогатки, чтобы затруднять врагам восхождение на вал, а вся линия укреплений была опоясана башнями в восьмидесяти футах одна от другой.

LXXIII

Приходилось по необходимости одновременно добывать и лес, и хлеб, и строить укрепления при неполном составе войск, часть которых уходила довольно далеко из лагеря. Поэтому галлы нередко пытались нападать на наши укрепления и со всеми своими силами делать вылазки из нескольких городских ворот сразу. Тогда Цезарь счел нужным прибавить к этим веркам еще и другие, чтобы все укрепление можно было защищать меньшим количеством солдат. С этой целью срубались стволы деревьев или очень прочные сучья, их верхушки очищались и заостривались; затем проводились один за другим рвы в пять футов глубиной. В них устанавливались эти стволы и, чтобы их нельзя было вырвать, снизу они скреплялись, причем сучья выдавались наружу. Они образовали по пять рядов, связанных и сплетенных друг с другом. Кто попадал туда, тот натывался на острия стволов. Их называли «могильными столбами». Перед ними выкапывались косыми рядами в виде пятерки ямы в три фута глубины, постепенно суживавшиеся книзу. В них опускались гладкие стволы толщиной в человеческое бедро, заостренные и обожженные сверху и выдававшиеся над поверхностью не более чем на четыре дюйма. Чтобы придать им полную устойчивость, каждый из них у основания закапывали на один фут землей и утаптывали ее; а остальную, верхнюю, часть ямы прикрывали прутьями и хворостом, чтобы скрыть ловушку. Такого рода ям было всюду проведено по пять рядов в трех футах друг от друга. По сходству с цветком их называли «лилиями». Перед ними целиком вкапывались в землю кольца в фут длиной с железными крючками; они были устроены в разных местах на небольшом расстоянии друг от друга. Их называли «стрекалами».

LXXIV

По окончании всех этих работ Цезарь выбрал, насколько позволяла местность, самую ровную полосу и провел на ней совершенно такую же линию укреплений в четырнадцать миль в окружности, но обращенную наружу, именно против ожидаемого извне неприятеля, чтобы он даже в очень большом количестве не был в состоянии окружить со всех сторон его караульные отряды. А чтобы не быть вынужденным выходить в случае надобности из лагеря с опасностью для своего войска, он приказал всем запастись хлебом и фуражом на тридцать дней.

LXXV

Во время этих происшествий под Алесией галлы назначили съезд князей и постановили на нем не созывать под знамена всех способных носить оружие, как этого желал Верцингеториг, но потребовать от каждой общины определенного контингента бойцов: было опасение, что при такой огромной и смешанной массе невозможно будет поддерживать дисциплину, отличать своих от чужих и наладить продовольствие. Эдуи и их клиенты сегусиавы¹¹³, амбивареты¹¹⁴, бланновикийские аулерки и бланновии¹¹⁵ должны были поставить тридцать пять тысяч; столько же – арверны с подчиненными их власти элеутетами¹¹⁶, кадурками, габалами и веллавиями¹¹⁷; секваны, сеноны, битургии, сантоны, рутены и карнуты – по двенадцать тысяч; белловаки – десять тысяч, столько же – лемовики; по восемь тысяч – пиктоны, туроны, парисии и гельветы; по шесть тысяч – анды, амбианы, медиоматрики, петрокории¹¹⁸, нервии и морины; пять тысяч – нитиоброги, столько же – кеноманские аулерки; атребаты – четыре тысячи, велиокасы и аулерки эбуровикийские – по три тысячи, раурики и бои – по две тысячи; все общины, живущие у берегов Океана под общим названием ареморийских, – тридцать тысяч: в их числе были кориосолиты¹¹⁹, редоны, амбибарии¹²⁰, калеты, осисмы, венеты, лексовии и венеллы. Из них белловаки не выставили назначенного им контингента, заявив, что они самостоятельно будут вести войну с римлянами и по своему усмотрению и не желают подчиняться ничьей власти. Впрочем, по просьбе Коммия и во внимание к союзу гостеприимства с ним они послали вместе с другими две тысячи человек.

¹¹³ Сегусиавы (Segusiavi) – племя, соседнее с аллоброгами, зависимое от эдуев.

¹¹⁴ Амбивареты (Ambivareti) – кельтское племя, жившее между реками Лаурой и Аллье (Элавером).

¹¹⁵ Бланновии (Blannovii) – галльское племя, клиенты эдуев.

¹¹⁶ Элеутеты (Eleuteti) – племя в Кельтской Галлии между Гарумной (Garonne) и Дуранием (Dordogne), клиенты арвернов.

¹¹⁷ Веллавии (Vellavii) – галльское племя, соседнее с Провинцией между Элавером и Кевенским хребтом. В новое время эта область называлась Le Velay, н. дёр. Haute-Loire в старом Лангедоке.

¹¹⁸ Петрокории (Petrocorii) – племя в Кельтской Галлии у Гарумны (ср. н. Perigord с городом Perigueux).

¹¹⁹ Кориосолиты (Curiosolites) – ареморийская община, н. Corseult, дёр. Cotes-du-Nord.

¹²⁰ Амбибарии (Ambibarii) – одно из ареморийских племен Кельтской Галлии, н. Ambères, дёр. des Cotes du Nord в Нормандии.

LXXVI

Этот самый Коммий, как мы выше упоминали, оказал Цезарю в качестве верного союзника важные услуги в Британии. За это Цезарь освободил его народ от всякой дани, утвердил за ним прежние права и законы и даже подчинил ему моринов. Но так велико было согласие всей Галлии в деле завоевания свободы и восстановления прежней воинской славы, что Коммий и не думал об этих милостях и дружбе, да и вообще все галлы и телом и душой отдавались этой войне. Набрано было около восьми тысяч человек конницы и двухсот пятидесяти тысяч человек пехоты. Им производили смотр и подсчет в стране эдуев и назначили для них командиров. Верховное командование было вручено атребату Коммию, эдуям Виридомару и Эпоредоригу и двоюродному брату Верцингеторига арверну Веркассивеллауну. К ним были прикомандированы уполномоченные от общин в качестве военного совета. Все бодро и уверенно направляются к Алесии. Вообще каждый думал, что даже вида такой массы нельзя будет выдержать, особенно при нападении на римлян с двух сторон, когда состоится вылазка из города и извне покажутся такие огромные конные и пешие силы.

LXXVII

Между тем уже прошел день, в который осажденные в Алесии ожидали прихода помощи от своих; весь хлеб был съеден, и, не зная, что делается у эдуев, они созвали собрание для совещания о том, как найти выход из своего критического положения. При этом было высказано много различных мнений: некоторые рекомендовали сдаться, другие предлагали сделать вылазку, пока еще есть силы. По своей исключительной и бесчеловечной жестокости заслуживает внимания речь Критоignата. Этот высокородженный и уважаемый арверн сказал: *я ни слова не намерен говорить о предложении тех, которые называют именем капитуляции позорнейшее рабство; по моему мнению, их надо исключить из числа граждан и не допускать на собрания. Я желаю иметь дело только с теми, которые высказываются за вылазку: в их предложении все вы единогласно признаете следы старой галльской храбрости. Но не храбрость это, а слабохарактерность – не сумеет короткое время вынести продовольственную нужду. Людей, добровольно идущих на смерть, легче найти, чем таких, которые терпеливо выносят лишения. При всем том я одобрил бы это предложение (так высоко ценю я честь), если бы я видел, что в жертву приносится только наша жизнь. Но при нашем решении мы должны подумать о судьбе всей Галлии, которую мы подняли на ноги с тем, чтобы получить от нее помощь. Когда нас восемьдесят тысяч человек будет сразу на одном месте убито, откуда, по вашему мнению, будет мужество у наших близких и кровных родственников, если они вынуждены будут принять решительный бой, можно сказать, на наших трупах? Не лишайте своей помощи тех, которые ради вашего спасения забыли о своей опасности, не ввергайте всей Галлии в гибель и вечное рабство из-за своей глупости, необдуманности и слабохарактерности. Может быть, вы сомневаетесь в их верности и твердости только потому, что они не явились к назначенному сроку? Ну хорошо! А разве, по вашему мнению, римляне для своего удовольствия изо дня в день изнуряют себя работой над теми дальними укреплениями? Если всякий доступ к друзьям прегражден, если до вас не могут дойти успокоительные вести от них, вот они (римляне) – вам свидетели, что их приход близок: в ужасе перед ним они дни и ночи проводят за работой. Каков же мой совет? Делать то, что делали наши предки в далеко не столь значительной войне с кимбрами и тевтонами: загнанные в свои города и страдая от такой же нужды в съестных припасах, они поддерживали жизнь свою трупами людей, признанных по своему возрасту негодными для войны, но не сдались врагам. Если бы у нас не было такого примера, то я признал бы делом чести создать его во имя свободы и завещать потомкам. Действительно, разве та война была в чем-нибудь похожа на эту? Опустошив Галлию и причинив ей большие бедствия, кимбры в конце концов ушли из нашей страны и устремились в другие земли: права, законы, поля, свободу – все это они нам оставили. А римляне? К чему стремятся и чего иного хотят эти подстрекаемые завистью люди, как не того, чтобы завладеть полями и всей территорией и навеки поработить всякий славный и воинственный народ, о котором только они услышат? С какой-нибудь иной целью они никогда не вели войн. А если вы не знаете того, что делается у отдаленных племен, то взгляните на соседнюю Галлию, которая, будучи унижена на степень провинции, получила совсем иные права и законы и, покоряясь римским секирам, страждет под гнетом вечного рабства.*

LXXVIII

Голосованием было решено удалить из города всех негодных для войны по нездоровью или по годам и испытать все средства прежде, чем прибегнуть к мере, рекомендованной Критогнатом; однако, если к тому вынудят обстоятельства и запоздает помощь, то лучше уже воспользоваться его советом, чем согласиться на условия сдачи или мира. Мандубии¹²¹ же, принявшие тех в свой город, были изгнаны из него с женами и детьми. Когда они дошли до римских укреплений, то они со слезами стали всячески умолять принять их в качестве рабов, только бы накормить. Но Цезарь расставил на валу караулы и запретил пускать их.

¹²¹ Мандубии (Mandubii) – племя в Кельтской Галлии с городом Алесией.

LXXIX

Тем временем Коммий и остальные главнокомандующие достигли со всеми своими войсками Алесии, заняли лежавший вне линий наших укреплений холм и расположились не более чем в одной миле от них. На следующий день они вывели из лагеря конницу и заняли всю ту равнину, которая, как выше было нами указано, тянулась на три мили в длину. Свою пехоту они поставили в некотором отдалении на высотах. Из города Алесии вся долина была видна. При виде этих вспомогательных войск осажденные бегут к ним навстречу, поздравляют друг друга, и все ликуют. Все силы выступают из города и располагаются перед ним; ближайший ров заваливают фашиником и землей и готовятся к вылазке и ко всем случайностям боя.

LXXX

Цезарь распределил все свое войско на обе линии укреплений, чтобы в случае надобности каждый точно знал свой пост и с него не уходил, а коннице он приказал выступить из лагеря и завязать сражение. Из всех лагерей, занимавших в окрестностях самые высокие пункты, открывался вид вниз, и потому все солдаты с напряженным вниманием следили за исходом сражения. Галлы расположили в рядах своей конницы отдельных стрелков и легковооруженных пехотинцев, которые должны были подавать помощь своим при их отступлении и выдерживать атаку нашей конницы. Неожиданными нападениями они многих из наших ранили и заставили выйти из линии боя. Так как галлы были уверены в своем боевом перевесе и видели, как тяжело приходится нашим от их численного превосходства, то и те, которые находились за укреплениями, и те, которые пришли к ним на помощь, поднимали повсюду крик и вой для возбуждения храбрости в своих. Дело шло у всех на виду, ни храбрость, ни трусость не могли укрываться, и потому жажда славы и боязнь позора вызывали в обеих сторонах геройский пыл. С полудня почти вплоть до захода солнца сражение шло с переменным успехом, пока наконец германцы в одном пункте не напали сомкнутыми рядами на неприятелей и не опрокинули их. Во время их бегства стрелки были окружены и перебиты. И в прочих пунктах наши преследовали отступавшего неприятеля вплоть до его лагеря и не дали ему времени снова собраться с силами. Тогда те, которые выступили из Алесии, почти совершенно отчаялись в победе и с печалью отступили в город.

LXXXI

По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашичника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашичник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще готовят штурм. В то же время Верцингеториг, услышав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам, и свинцовыми пулями. Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших редутов и по мере надобности посылали их на помощь.

LXXXII

Пока галлы находились на некотором расстоянии от наших укреплений, им давало известную выгоду множество снарядов; но как только они подошли ближе, то стали наткаться на «стрекала», либо попадали в ямы и ранили себя о крючья, либо им наносились сквозные смертельные раны копьями, пускаемыми с вала и башен. Во всех пунктах они понесли большие потери ранеными, но нигде не прорвали линии наших укреплений, а между тем уже приближался рассвет, и тогда они, из боязни быть окруженными на неприкрытом фланге вылазкой римлян из верхнего лагеря, отступили к своим. Что же касается осажденных, то пока они приносили заготовленные Верцингеторигом материалы для вылазки и первые ряды их засыпали рвы, на все это ушло много времени, и они узнали об отступлении своих прежде, чем успели приблизиться к нашим укреплениям. Таким образом, они ни с чем вернулись в город.

LXXXIII

Дважды отбитые с большим уроном, галлы совещаются о том, что им делать, привлекают знающих местность людей, узнают от них о расположении верхнего лагеря и об укреплениях. На северной стороне был холм, который наши вследствие его обширности не могли включить в линию своих укреплений; по необходимости пришлось разбить лагерь на месте почти что прямо невыгодном, именно – на отлогом спуске холма. Этот лагерь занимали легаты Г. Антистий Регин и Г. Каниний Ребил с двумя легионами. Ознакомившись через разведчиков с местностью, неприятельские вожди отбирают из всего войска шестьдесят тысяч человек, притом из тех племен, которые особенно славились своей храбростью, тайно условливаются между собой относительно деталей дальнейших действий и назначают общий штурм на полдень. Командование этими войсками они поручают арверну Веркассивеллауну, одному из четырех главнокомандующих и родственнику Верцингеторига. Тот, выступив из лагеря в первую стражу, к рассвету прошел почти весь путь, занял скрытую позицию за горой и приказал своим солдатам отдохнуть после ночных трудов. Около полудня он двинулся на вышеупомянутый лагерь; в то же время и его конница стала подходить к полевым укреплениям, а остальные силы начали разворачиваться перед нашим лагерем.

LXXXIV

Верцингеториг, увидев своих из крепости Алесии, со своей стороны выступает из города и приказывает захватить фашичник, шести, подвижные навесы, стенные багры и вообще все заготовленное им для вылазки. Сражение идет во всех пунктах одновременно; повсюду делаются попытки штурма; в наиболее слабые пункты устремляются большими массами. Римские отряды, растянутые по таким огромным укреплениям, с трудом успевают давать отпор во многих местах сразу. Очень устрашает наших крик, раздавшийся в тылу у бойцов, так как для них ясно, что их опасное положение зависит от чужой храбрости: ведь все, что от людей далеко, сильнее действует на их душу.

LXXXV

Цезарь, выбрав удобный пункт, видит с него, что где делается: где наших теснят, туда он посылает резервы. Обеим сторонам приходит на мысль, что именно теперь наступил решающий момент их конечной борьбы: для галлов, если они не прорвут укреплений, потеряна всякая надежда на спасение, римлян, если они удержатся, ожидает конец всех их трудов. Особенно тяжело приходится нашим у верхних укреплений, против которых, как мы указали, был послан Веркассивеллаун. Неблагоприятная для римлян отлогость холма оказывает большое влияние на ход сражения. Часть галлов пускает снаряды, часть идет на римлян строем «черепахи»; утомленных сменяют свежие силы. Все галлы бросают землю на укрепления, облегчают себе таким образом подъем и засыпают ловушки, скрытые римлянами в земле. У наших уже не хватает ни оружия, ни сил.

LXXXVI

Узнав об этом, Цезарь посылает тесным на помощь Лабиэна с шестью когортами и приказывает ему в случае невозможности держаться увести когорты с вала и сделать с ними вылазку, но прибегнуть к этой мере только в крайности. А сам обходит остальных, ободряет их не поддаваться изнурению, обращая их внимание на то, что от этого дня и часа зависят все плоды прежних сражений. Осажденные потеряли надежду взять слишком огромные полевые укрепления и пытаются взобраться на крутизны и напасть на бывшие там укрепления; сюда они несут все материалы для штурма. Множеством снарядов они выбивают защитников из башен, засыпают землей и фашиником рвы, рвут баграми вал и брустверы.

LXXXVII

Цезарь сначала посылает туда молодого Брута с его когортами, а затем с другими когортами Г. Фабия; наконец, так как сражение становилось все более и более ожесточенным, сам ведет на помощь свежие резервы. Восстановив здесь бой и отбив неприятелей, он спешит к тому пункту, куда послал Лабиена; берет с собой четыре когорты из ближайшего редута, приказывает части конницы следовать за собой, а другой объехать внешние укрепления и напасть на врагов с тылу. Лабиен, убедившись в том, что ни плотины, ни рвы не могут выдержать напора неприятельских полчищ, собрал в одно место сорок когорт, которые были выведены из ближайших редутов и случайно на него наткнулись, и сообщил Цезарю через гонцов о своих ближайших намерениях. Цезарь спешит к нему, чтобы принять участие в сражении.

LXXXVIII

О его прибытии узнали по цвету одежды, которую он носил в сражениях как знак отличия; вместе с тем показались следовавшие за ним по его приказу эскадроны всадников и когорты, так как с высот видно было все происходившее на склонах и в долине. Тогда враги вновь завязывают сражение. Навстречу крику, поднявшемуся с обеих сторон, раздается крик с вала и со всех укреплений. Наши оставили копья и взялись за мечи. Внезапно в тылу у неприятелей показывается римская конница и приближаются еще другие когорты. Враги повертывают тыл, но бегущим перерезывают дорогу всадники. Идет большая резня. Вождь и князь лемовиков Седулий падает убитым; арверна Веркасивеллауна захватывают живым во время бегства; Цезарю доставляют семьдесят четыре военных знамени; лишь немногие из этой огромной массы спасаются невредимыми в свой лагерь. Те, которые заметили из города избиение и бегство своих, отчаялись в своем спасении и увели свои войска назад от укреплений. При слухе об этом тотчас же начинается всеобщее бегство из галльского лагеря. И если бы наши солдаты не были утомлены частыми передвижениями на помощь и напряженным трудом за целый день, то все неприятельские полчища могли бы быть уничтожены. Посланная около полуночи конница нагнала арьергард; много народу было при этом взято в плен и убито; остальные разбегаются по своим общинам.

LXXXIX

На следующий день Верцингеториг созвал общее собрание и заявил на нем, что *эту войну он начал не ради своих личных выгод, но ради общей свободы; так как необходимо покориться судьбе, то он отдает себя в распоряжение собрания; пусть оно благоволит сделать выбор – или его смертью удовлетворить римлян, или выдать его живым*. По этому поводу отправили к Цезарю послов. Он приказывает им выдать оружие и привести князей. Сам он сел в укреплениях перед лагерем. Туда приводят вождей; Верцингеторига выдают, оружие положено. Эдуев и арвернов Цезарь приберег, в расчете снова приобрести через них влияние на их общины; остальных пленных он распределил во всем своем войске по человеку на солдата в качестве военной добычи.

ХС По окончании этой войны он отправляется в страну эдуев и снова покоряет их общину. Прибывшие туда послы от арвернов обещают исполнить все его требования. Он приказывает дать большое число заложников. Легионы он отпускает на зимние квартиры. Около двадцати тысяч человек он возвращает эдуям и арвернам. Т. Лабиезна посылает в страну секванов с двумя легионами и конницей; к нему прикомандировывает М. Семпрония Рутила. Легаты Г. Фабий и Л. Минуций Басил получают приказ зимовать у ремов для ограждения их от каких-либо обид со стороны их соседей – белловаков. Г. Антистия Регина он посылает к амбиваретам, Т. Секстия – к битуригам, Г. Каниния Ребила – к рутенам, каждого с одним легионом. Кв. Туллий Цицерон и П. Сульпиций должны были занять зимние квартиры в городах эдуев Кабиллоне и Матисконе для обеспечения подвоза провианта. А сам он решил зимовать в Бибракте. На основании донесения Цезаря об этой победе в Риме назначается двадцатидневное молебствие.

Приложение

Военное дело у римлян во времена Цезаря

§ 1 Организация войска. Оружие и амуниция

Основным ядром (*гоbur*) римской армии была тяжеловооруженная пехота – *легионы*, которые набирались из римских граждан со времени Мария исключительно из числа бедных граждан, так как люди зажиточные в эпоху Цезаря уклонялись от рядовой службы и предпочитали поступать в *contubernales* («сопалатники») полководца, у которого они были ординарцами и под его руководством обучались военному делу. Набор производил сенат или наместник в своей провинции, обыкновенно через легатов. Рекруты приносили присягу (*sacramentum*) на все время службы.

Нормальный состав легиона был шесть тысяч солдат, но Цезаревы легионы обычно не превышали трех-четырёх тысяч. Легион делился на десять *когорт*, в каждой когорте было три *манипула* с их архаическими названиями *hastati*, *principes*, *triarii*, в *манипуле* было две *центурии*. Когорта в эту эпоху была тактической единицей, но у нее не было ни особого знамени, ни особого командира.

Цезарь начал Галльскую войну во главе четырех легионов, с которыми он и победил гелльветов и Ариовиста. К концу войны их число дошло до одиннадцати, причем 1-й легион был уступлен ему Помпеем. Излюбленным его легионом был 10-й.

Главнейшим наступательным оружием легионера был *меч* (*gladius*) и *метательное копье* (*pilum*). Меч был короткий, обоюдоострый, с тонким острием, так что им можно было и колоть, и рубить. Он был в *ножнах* (*vagina*); его носили на *перевязи* (*balteus*) на правом боку. *Pilum* состояло из толстого деревянного древка и железной части с острием, в общем около полутора-двух метров длины. Цезарь приказывал закалять только острие; таким образом копье, пробив щит, загибалось и делалось негодным к употреблению, а неприятеля лишало щита. Это копье можно было бросить метров на тридцать.

Оборонительным оружием был прежде всего *щит* (*scutum*). Он имел полуцилиндрическую форму и был в высоту около 1,25 метра и около 0,8 метра в ширину. Его деревянный остов был покрыт кожей и обит по краям металлом. На походе щиты вкладывались в чехлы и вешались на спину.

Шлем был металлическим: *galea* у легионеров, *cassis* у всадников. Во время похода он висел на груди.

Сверх этого легионеры носили кожаный *панцирь* (*logica*), обитый металлическими пластинками. Под ним солдаты носили шерстяную тунику, а поверх него *плащ* (*sagum*), застегивавшийся на правом плече пряжкой.

Кожаные солдатские *сапоги*, оставлявшие пальцы открытыми, назывались *caligae*.

Свой *багаж* (*sarcina*), состоявший из запаса хлеба на несколько дней, котелка для варки пищи, двух или нескольких палисадин и рабочих инструментов для постройки лагеря, легионер носил за плечом и был тогда *impeditus*; противоположен ему был *expeditus*, сложивший с себя багаж.

Кроме основной легионной пехоты, римская армия заключала в себе и *вспомогательные войска* (*auxilia*), пешие и конные.

Пешие вспомогательные войска назывались *alarii* (B. G. I, 51). Первоначально они находились на флангах (*ala*), но во времена Цезаря образовали особые отряды. Под *auxilia* Цезарь разумел или все вспомогательные отряды, или только пешие. Их поставляли союзные государ-

ства (например, в 52 году эдуи поставили десять тысяч солдат), или же они набирались в провинции, или, наконец, из жителей покоренных стран; иногда они нанимались и у независимых народов. К *auxilia* принадлежали, между прочим, стрелки с Крита, пращники с Балеарских островов (они пускали свинцовые продолговатые пули, так называемые *glandes*), нумидийцы и, наконец, германские всадники. Эти отряды являлись с национальным вооружением и в противоположность тяжеловооруженным легионам образовывали так называемые *levis armatura*. Во главе их стояли местные князья или римляне с титулом *praefecti*.

Во вспомогательных войсках, конных и пеших, *легкое копье* снабжалось *amentum*, то есть ременной петлей на древке, в которую всовывалась рука; благодаря этому дротик мог пролетать на восемьдесят метров.

Конницы из римских граждан во времена Цезаря уже не было. Он пользовался наемными германцами, испанцами и нумидийцами, которых было человек по двести-триста при каждом легионе. Кроме этой постоянной легионной конницы, Цезарь имел при себе специально около четырех-пяти тысяч человек от дружественных галльских племен. Конница делилась на *alae*, заключавшие в себе десять *turmae* (около тридцати человек в каждой), каждая *turma* имела 3 *decuriae*: отдельными *decuriae* командовали *decuriones*; большими отрядами – или местные князья, или римские *praefecti*.

Каждый манипул имел свое *знамя* (*signum*). Обыкновенно знамена представляли собой древко с различными серебряными украшениями; иногда, кроме них, привешивался к древку кусок материи (*vexillum*). Особое красное *vexillum* было у полководца. Военным значком всего легиона был *орел* (*aquila*), обыкновенно серебряный, прикрепленный к древку.

Сигнал к наступлению и отступлению обыкновенно давался прямой металлической трубой (*tuba*). Этот главный сигнал передавался далее рожками манипулов (*cornu*).

Что касается *содержания* войска, то рядовой легионный солдат получал из государственного казначейства сто двадцать денариев (около 40 рублей золотом) в год жалованья (*stipendium*), центурион – вдвое больше, вспомогательные войска меньше, но сколько – неизвестно. Со времени гражданской войны Цезарь назначил рядовым солдатам двести двадцать пять денариев с соответственным повышением жалованья прочим разрядам – центурионам и военным трибунам. Далее, солдаты получали подарки, иногда очень богатые, и имели долю в добыче. По окончании военной службы им давались либо денежная сумма, либо земельные наделы. Солдаты питались главным образом пшеницей, которую они получали зерном и сами размалывали на ручных мельницах для приготовления особого рода сухарей. Мясо ели реже и не так охотно.

Цезарь не упоминает о *врачах*, но они, несомненно, были при армии. Мы слышим о выздоровлении тяжелораненых, о многочисленных больных и т. д.

Особых *инженерных* войск у Цезаря не было, так как всю работу производили его легионеры. Они доставали фураж и хлеб, воду и дрова, устраивали бараки, укрепляли лагерь, воздвигали осадные сооружения, прокладывали пути, строили корабли и мосты и т. д. При всем том инженерное дело играло очень большую роль в тактике Цезаря. Несмотря на отсутствие особых инженерных частей, руководство инженерным делом поручалось особым лицам (*praefecti fabrum*), каким был не упоминаемый самим Цезарем *Мамурра* (ср. гневное 29-е стихотворение Катуллы по поводу того, что Мамурра сильно нажился на этой должности у Цезаря).

Для услуг офицерам и для ухода за лошадьми при войске были *salones* и *muliones* (погонщики мулов) – из рабов. Они принимали участие в фуражировках. При войске, обыкновенно перед лагерем, были также купцы (*mercatores*), свободнорожденные или вольноотпущенники.

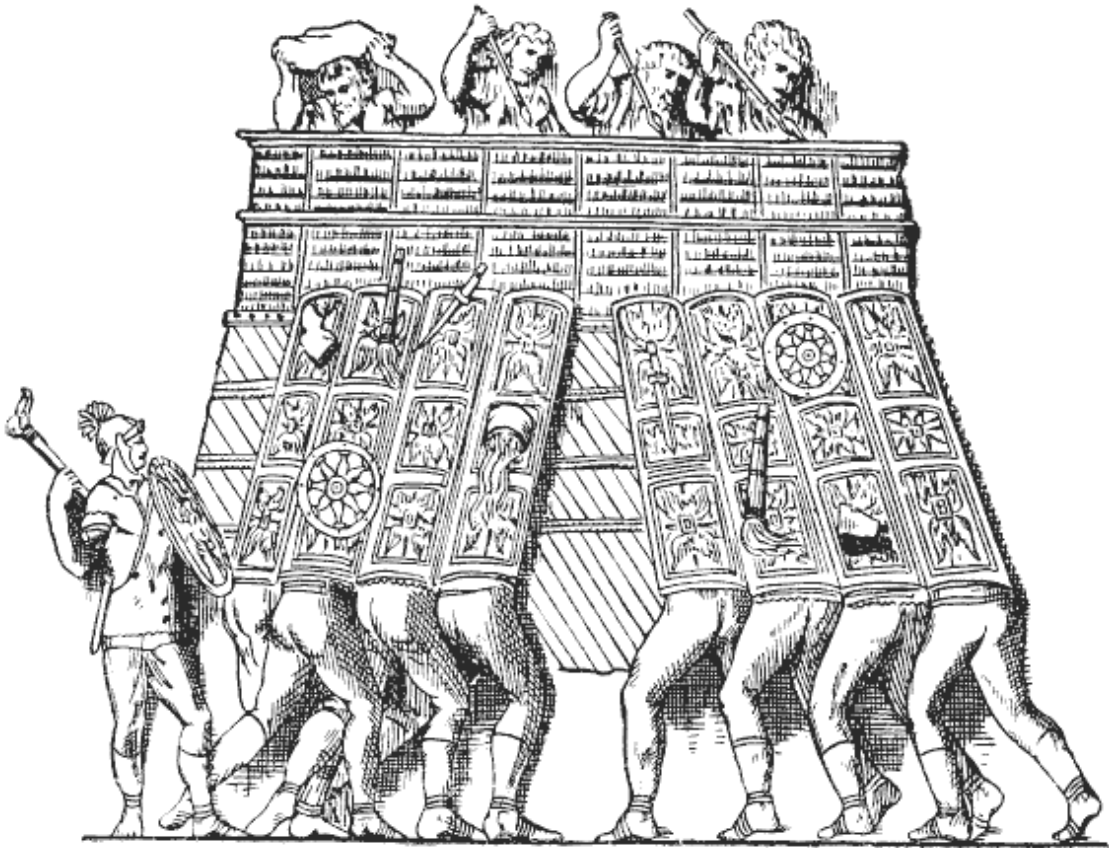
Дополнением к регулярной и вспомогательной армии был *флот*. Он состоял у Цезаря из военных (*naves longae*) и грузовых судов (*naves onerariae*) и во время Галльской войны был весь выстроен в Галлии частью для войны с венетами, частью для похода в Британию. Но служил он больше для перевозки войск, чем для сражений. Да и главное морское сражение с венетами

было выиграно преимущественно благодаря благоприятной погоде. В гражданскую войну флот Цезаря был гораздо слабее флота республиканцев.

Командным составом легиона были *военные трибуны* (tribuni militum) и *центурионы*.

Трибуны, в количестве шести на легион, происходили обыкновенно из всаднического сословия. Ввиду их молодости и неопытности Цезарь не особенно доверял им, и потому в его армии они не пользовались старым правом командовать по очереди в течение двух месяцев легионом. Их функции были менее значительны: они исполняли приказы полководца и легатов, командовали небольшими отрядами, оберегали продовольствие, несли патрульную службу, сопровождали полководца в качестве адъютантов и участвовали в военном совете.

Центурионы выходили из рядовых, отличившихся храбростью, усердием и знанием службы. Центурион командовал центурией, то есть одной шестидесятой легиона. В каждом манипуле командир первой центурии (prior) был выше командира второй (posterior) и командовал всем манипулом. Первый центурион 1-й когорты назывался primus pilus, или primipilus; самым младшим был центурион 2-й центурии 3-го манипула 10-й когорты (decimus hastatus). Чтобы сделаться примипилом, надо было пройти все должности центурионов 2-й центурии, а затем 1-й центурии; за особые заслуги центурион повышался на несколько ступеней сразу. Центурион центурии триариев в каждой когорте командовал всей когортой. Эти командиры были primi ordines и принимали участие в военном совете, на который все центурионы приглашались только в виде исключения (В. G., I, 40). Кроме обучения своих частей, центурионы заботились о дисциплине, знаком этого у центуриона была изогнутая трость (vitis), получали поручения определить место для лагеря, собирать добычу, были посредниками в сношениях солдат с полководцем; под их охраной были также орлы легионов и знамена манипулов. Поэтому можно сказать, что они скорее приближались к младшему командному составу современных армий. Роль их была тем не менее весьма важна, и Цезарь часто отмечает особые заслуги отдельных из них (Бакула, Бальвенция, Пулиона, Ворена). Тем не менее они вообще не могли делаться трибунами.

«Черепаша» из щитов. Изображено взятие приступом германского укрепления. По рельефу на колонне М. Аврелия Антонина в Риме

Ближайшими помощниками правителя провинции и главнокомандующего, кроме военных трибунов, были *квестор* и *легаты*, непременно из сенаторского сословия.

Квестор заведовал войсковой кассой и всей финансовой частью, но в случае надобности на него возлагались и чисто военные обязанности, как, например, командование легионом.

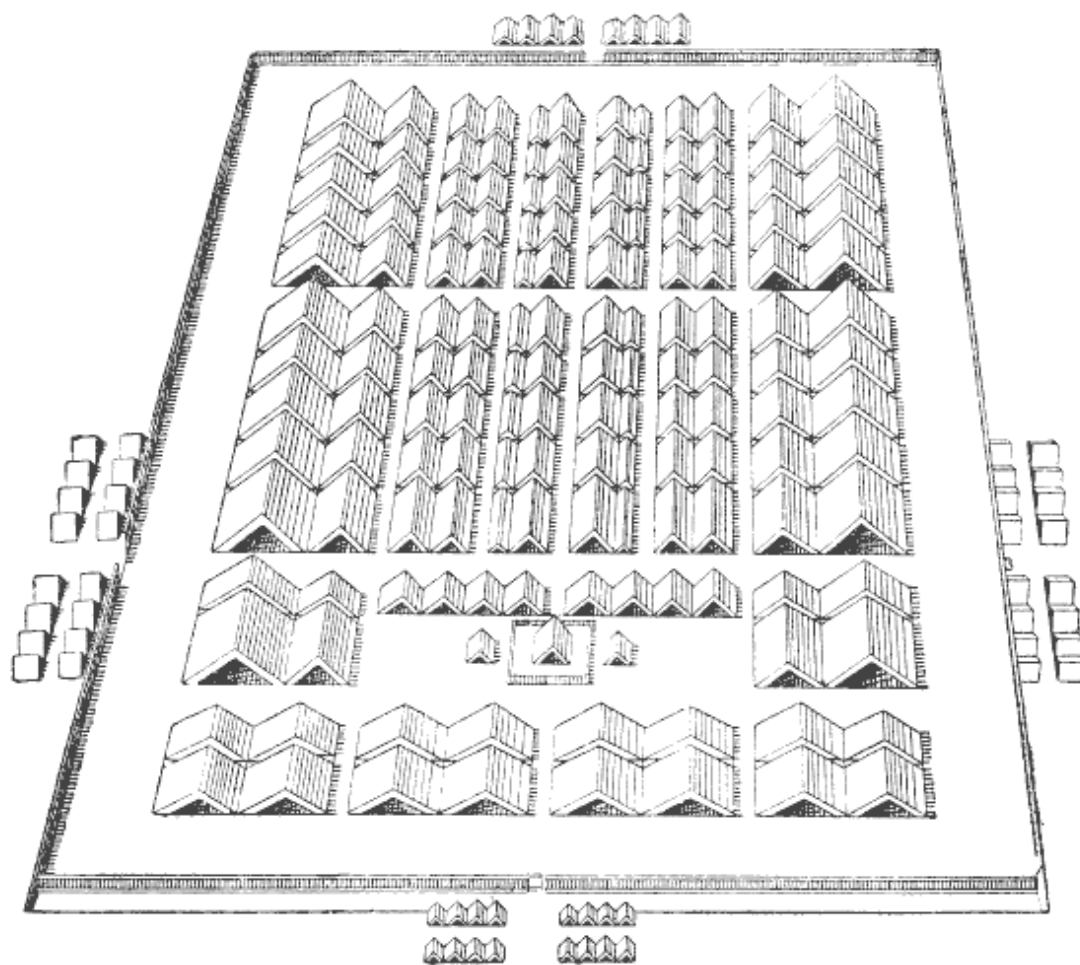
Легаты прикомандировывались сенатом к главнокомандующему сообразно с его желанием. Они обыкновенно исполняли наиболее ответственные поручения полководца – то в качестве командиров одного или нескольких легионов или всей конницы, то в качестве заведующих набором или постройкой флота и т. д. В Галльскую войну у Цезаря перебивали около двадцати легатов, из которых особенно выделялись Т. Лабизн, бывший его единомышленник, изменивший ему в начале междоусобной войны, Красс, Кв. Цицерон, Котта, Сабин, Д. Брут, а к концу этой последней войны М. Антоний.

К главной квартире полководца принадлежали также молодые люди, так называемые *contubernales*, которые изучали под его руководством военное дело и входили в *cohors praetoria*; главным же образом ее составляли пешие и конные части, иногда многочисленные, и по всем признакам *evocati* – добровольцы-ветераны, специально вызванные полководцем; они получали повышенное жалованье и были свободны от караульной службы и шанцевых работ. Кроме того, при ставке находились писцы (*scribae*), квесторы, гадатели (*haruspices*), разведчики и курьеры (*speculatores*) и др.

§ 2 Войско на походе

Войско Цезаря двигалось очень быстро и этому в значительной степени было обязано своими успехами. В *авангарде* (*primum agmen*) шла обыкновенно конница в сопровождении легковооруженных. Передовые отряды этого авангарда назывались *antecursores* или *exploratores*, из которых высылались отдельные разведчики. Легионы обыкновенно двигались так, что за каждым из них шел его обоз; но если неприятель был близок, то обоз помещался в середине всего войска, причем около двух третей войска шло впереди, а одна треть образовала *арьергард* (*agmen novissimum*); обыкновенно арьергардную службу несли молодые солдаты (*tirones*). В последнем случае войско называлось готовым к бою (*expeditus*). От этого надо отличать марш в боевом порядке (*acies*). Тогда солдат снимал с себя поклажу и изготовлял оружие к бою (*expedire arma*). Обыкновенный дневной марш солдата доходил до двадцати пяти километров; ускоренный марш – по крайней мере, до тридцати; форсированные переходы (*maxima itinera*) доходили до сорока пяти километров. После каждого дневного марша разбивался укрепленный лагерь, так что самые марши считались по числу лагерей (например, *quinis castris*, В. Г, VII, 36). Оттуда выступали с рассветом (*prima luce*), но иногда и ночью, во вторую или третью стражу (в полночь или около трех часов утра).

Ночной караул сменялся четыре раза, и то время, которое он стоял, называлось *стражей* (*vigilia*); две смены были до полуночи, две остальные после полуночи. Понятно, что летние караулы были короче зимних. Римляне только с III века до н. э. стали пользоваться солнечными, а затем водяными часами. При этом римские часы считаются от заката и до восхода солнца, тогда как новейшие часы соответствуют истинному солнечному времени. Вследствие этого наиболее короткий зимний час у римлян (11 декабря) = 44 минуты 30 секунд нашего часа. *Нашему часу римский час равнялся только в дни весеннего равноденствия*. Например, 16 августа солнце заходит в 7 часов 11 минут. С этого момента начинается первая стража; в 9 часов 36 минут вечера – вторая; в полночь – третья; в 2 часа 24 минуты пополуночи – четвертая, оканчивается она в 4 часа 49 минут, с восходом солнца.

План римского лагеря

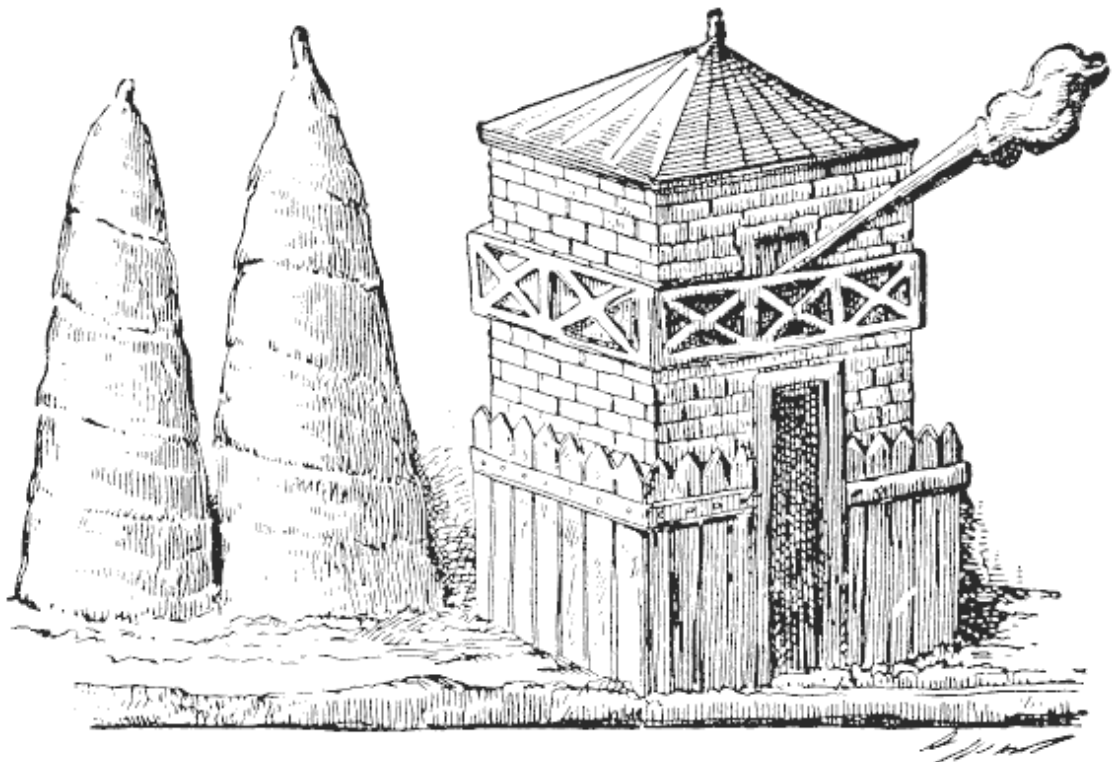
§ 3 Войско в лагере

От обыкновенного лагеря, разбивавшегося после каждого дневного перехода, отличался лагерь постоянный (*stativa*), который строился главным образом на зиму (*hiberna*); к последнему был близок лагерь, сооруженный при осаде. Когда передовые рекогносцировочные отряды или центурионы находили удобное место для лагеря, то прежде всего определялись две его основные линии: *cardo* и *decumanus* (длина и ширина), обыкновенно одинаковой длины. Получался, таким образом, квадрат, одна часть которого назначалась для полководца, его штаба и лейб-гвардии, а другая – для легионов и вспомогательных войск. Каждая сторона имела свои главные ворота: *porta praetoria* была обращена к врагу, против нее была *porta decumana*; боковые ворота назывались *portae principales dextra* и *sinistra*, правые и левые. От *porta praetoria* шла главная улица лагеря (*via praetoria*), которую пересекала *via principalis*. Главнейшим пунктом лагеря была ставка полководца. Перед ней было обширное свободное пространство, на котором собирались солдаты, когда к ним обращался с речью с возвышения полководец (*suggestus*).

По определении места для лагеря оно обводилось *рвом* (*fossa*), земля из которого употреблялась для устройства *вала* (*agger*, *vallum*); иногда проводился двойной ров.

Земляной вал был обыкновенно в три с половиною метра высотой и шириной и укреплялся дерном и *брустверами* (*logicae*), состоявшими из плетеных *щитов* (*plutei*) с зубцами, что прикрывало всего бойца. Для усиления лагеря устанавливались также деревянные башни в несколько этажей.

Палатки солдат (*tabernacula*) были кожаными (поэтому иногда они назывались *pelles*); в зимних лагерях вместо них строили бараки с соломенной крышей.

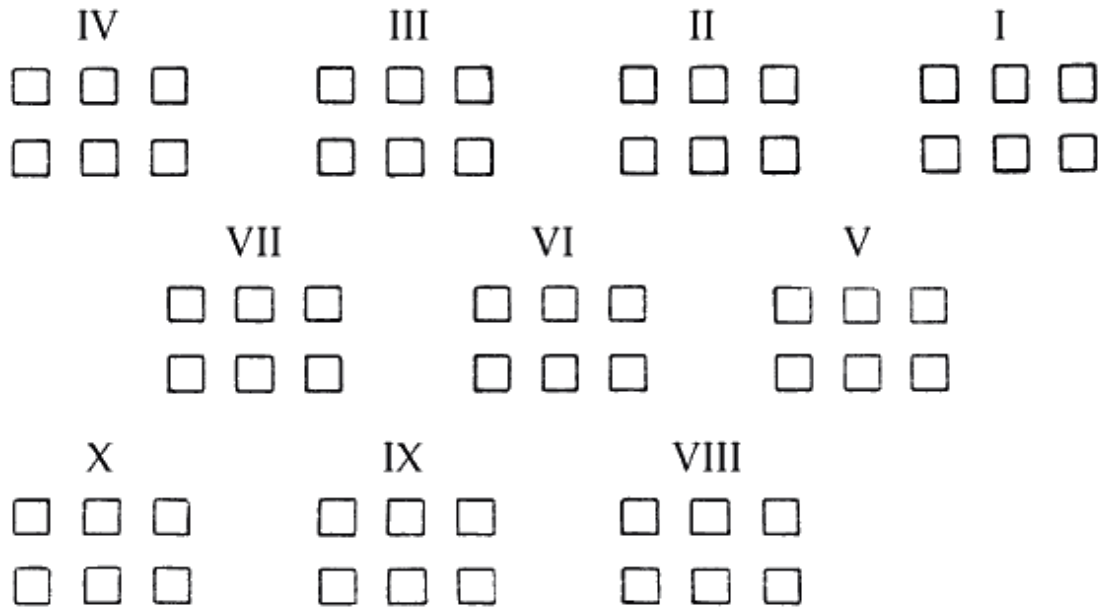
Сторожевая башня с сигнальным факелом. Слева – стоги сена или соломы для сигнальных огней. По рельефу на колонне Траяна в Риме

Каждые ворота охранялись одной когортой (*cohors in statione*); ночью, если враг был близко, несли стражу и более крупные отряды (*excubiae*). Мелкие караулы и форпосты назывались *vigiliae* или *custidiae*.

Для полевого лагеря выбиралось по возможности такое место, поблизости от которого можно было добыть фураж, дрова и воду. Войско возвращалось в лагерь через *porta decumana* и выступало через *porta praetoria*. При множестве рабочих рук и большой опытности укрепление обыкновенного лагеря шло очень быстро, равно как и выступление из лагеря утром: по первому сигналу свертывались палатки, по второму укладывался багаж, по третьему войско выступало.

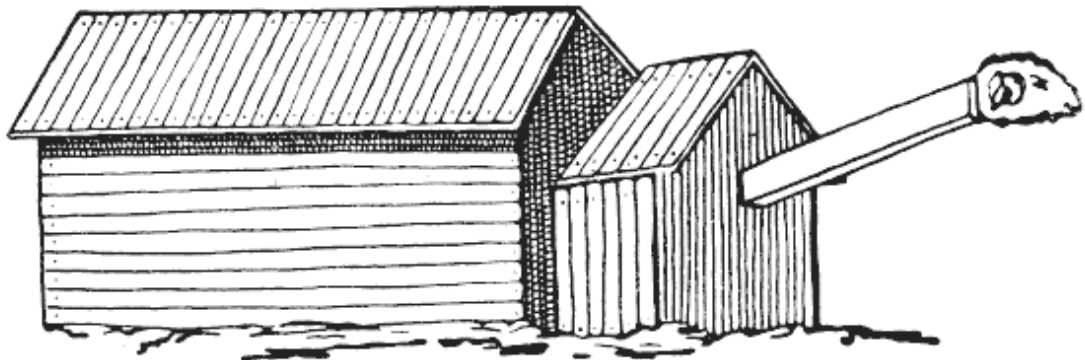
§ 4 Войско в бою

Обычным боевым построением была *acies triplex*. Когорты легиона располагались в три ряда: в первом ряду (*prima acies*) стояли четыре когорты, во втором и третьем (*secunda* и *tertia acies*) по три в виде так называемого *quincunx*.

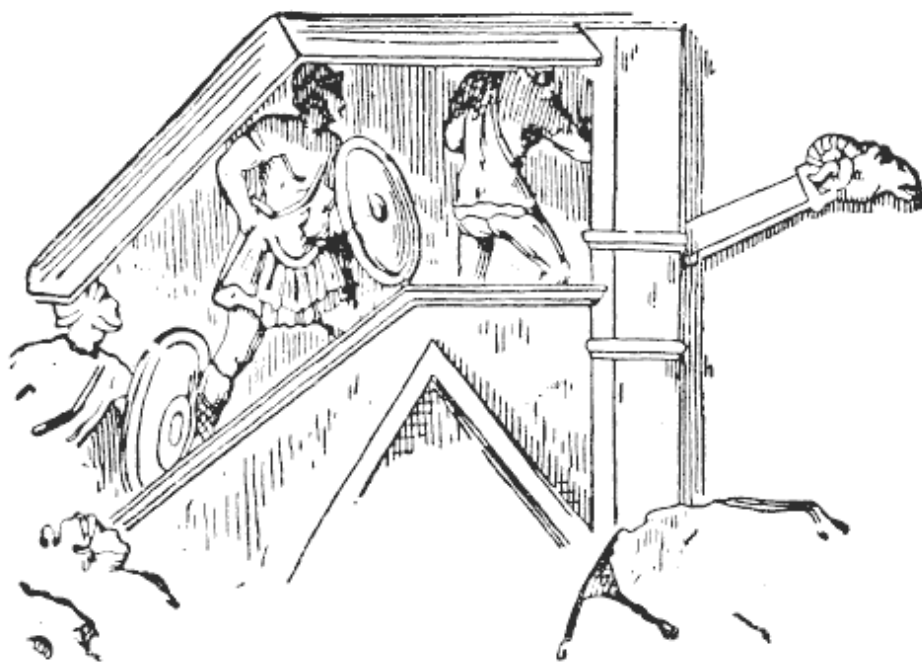

Промежутки между ними равнялись длине фронта каждой когорты; три когорты второй линии стояли сзади промежутков первой и в начале сражения могли легко соединиться с нею, а третья линия образовывала резерв. Реже применялась *acies duplex* в две линии по пять когорт. В случае надобности промежутки суживались; при энергичной атаке или обороне образовывали «круг», то есть *carre* (*orbem facere, in orbem consistere* – В. Г. IV, 47; V, 33 и др.), или *клин* (*cuneus*), или, наконец, *черепаха* (*testudo*). В этом случае первый ряд держал щиты перед собой, а второй и следующие над головой.

Отдельные легионы стояли на небольшом расстоянии друг от друга; больше были промежутки между собственной *acies* и флангами, на которых стояли обыкновенно вспомогательные войска, особенно конница. Но она играла подчиненную роль, за исключением германской, перемешанной с легко вооруженными пехотинцами. Зато она была очень деятельна при преследовании разбитого врага.

Деревянная «черепаха» с тараном. По рельефу на арке Септимия Севера в Риме

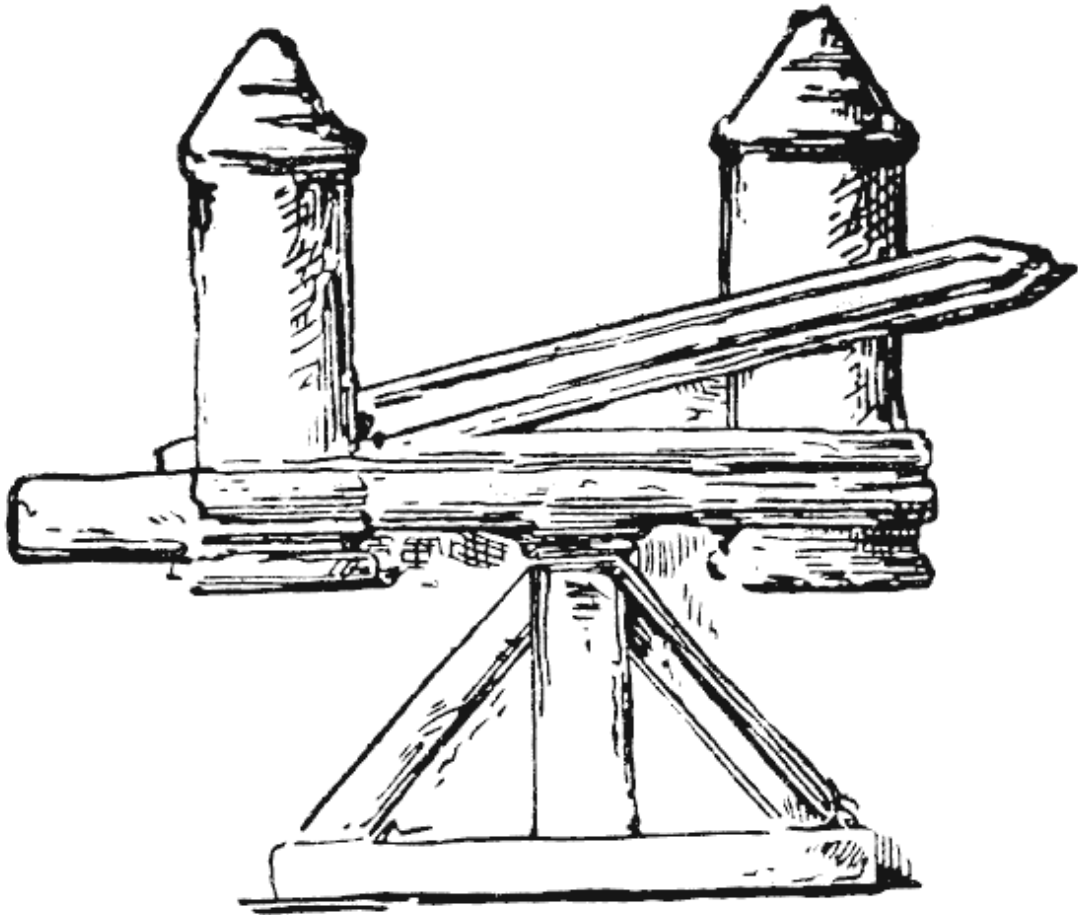
Воины внутри «черепахи» с тараном. По древнему изображению

Сражение начиналось большей частью с правого фланга, где обыкновенно помещался самый храбрый легион Цезаря, десятый. На врага шли ровным шагом, который затем переходил в беглый. Сначала пускали копья, а потом брались за мечи и старались отеснить врага в рукопашном бою. Вообще Цезарь предпочитал сам атаковать врага. Оборонительным было, например, сражение с нервиями (В. Г. II, 19 след.), а также при Бибракте и на реке Аксоне (н. Эн).

§ 5 Крепостная война

К лагерю почти всегда примыкали более или менее сильные полевые укрепления, валы с бруствером, рвы, волчьи ямы, редуты (*castella*) и т. п. – ср. особенно сложные сооружения под Алесией.

Укрепленные места (*oppida*) брались или блокадой (*obsidio*), или штурмом (*oppugnatio*), в последнем случае иногда с похода (В. Г. II, 12; III, 21). В этом случае штурмующие быстро заполняли рвы фашинами, образовывали «черепаху» и взбирались на стену по лестницам или же взламывали ворота. А если это было невозможно, то переходили к правильной осаде при помощи осадных верков (*opera*), соединяя ее по возможности с блокадой. На ровной местности воздвигали дамбу (*agger*) параллельно с частью стены и до ее высоты и старались сбить с нее защитников, чтобы облегчить себе ее пролом. Если же приблизиться к стене было трудно, то насыпали дамбу в 60 футов шириной из земли, балок и камней и мало-помалу подводили ее к крепостному рву.

Катапульта. По рельефу на колонне Траяна в Риме

Работавшие прикрывались плетеными *щитами* (*plutei*) и подвижными *галереями* (*vineae*); далее соорудили подвижные *башни* из массивных бревен в несколько этажей для обстрела стены из метательных машин. Эти башни, как и *vineae*, подкатывались по дамбе на валиках или на катках. Для защиты от неприятельских снарядов башни покрывались матрацами и кожей. При приближении к городу нападающие укрывались за «черепахами», стоявшими по обе стороны башни. Пролом производился посредством острых крюков или *стенных*

серпов (falces murales), чтобы выдернуть верхние ряды каменной кладки, а главным образом посредством *тарана* (aries), массивного бревна с обитой железом головкой, которое раскачивали на канатах в нижнем этаже башни или в «черепаше». Проводились и подкопы под стену.

Кроме того, пускалась в ход и артиллерия – военные машины (tormenta) для метания стрел, камней и балок, каковыми были *баллисты*, и более легкие *катапульты* и *скорпионы*.